

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. П. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

ПРИЛОЖЕНІЯ: РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧІЕ.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не исполнѣе законно или, даже, совсѣмъ противозаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки кѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терятся «ради слабости человѣческой» и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безшабашнаго и безирравственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ нравственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ.

За «обиліемъ матеріаловъ», упорно скопляющихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издать и, притомъ, по какому попало случаю и въ какой попало формѣ.

Я расскажу, что мнѣ извѣстно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Пикса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ «реставраціи унадка правовъ». Охота ко всякаго рода трактатамъ и иреніямъ тогда уже прошла, и такъ-называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и всѣ, отъ приткаго поручика до авантажнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству «убивать время», — *стли за карты*. Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновниками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь «къ чудакамъ». Если же случай застигалъ его врасплохъ среди «новѣйшихъ» людей, онъ сиѣшилъ сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоцѣнными свидѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерсею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на иршествовѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свои, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось, — о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ всѣ столики уже были заняты и для предодобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева

были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почитеннаго духовника, и рѣшили принести ему въ жертву мое безприкаянное недостойнство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавъ мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ — знаемъ, а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца безъ пультки оставить, такъ это можно сдѣлать только совѣмъ забывши законъ.

Но одною потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неописанному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человека чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большого практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ «въ мотью», онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, вѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ разившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснувшись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одинъ довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ ненадежно: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны, — именно, со стороны «скандала въ благородномъ семействѣ», и притомъ въ такомъ семействѣ, глава котораго принадлежала не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направлений. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ

дѣлѣ печать ничего не усмотрѣла, но я позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлать доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные. «въ церкви пѣтое». А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе «пѣта бяху», жить и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачвищихя Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой «обыскъ», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и.—что всего важнѣе,—въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано*.

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ,—въ этомъ со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично слѣдѣвшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда же это исчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою оплошность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень пронцательный и ловкій адвокатъ московской заправки, котораго такъ и звали «московскій пекаръ». Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ нельзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по

разнымъ мѣстамъ, отыскивая свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскали. Обращались, помнится, къ содѣйствию особыхъ властей, но и тѣ ничего не помогли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣряли только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы,—говорили супруги:—считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда наотрѣзъ отрѣзалъ, что онъ «лично таковыхъ супруговъ не помнитъ», а потомъ особымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило десять лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утечетъ много.

— «Если я ихъ вѣнчалъ,—отвѣчалъ батюшка:—то бракъ ихъ долженъ быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ всѣмъ извѣстный, даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значить, вѣнчалъ ихъ не попъ вокругъ анаоя, а заяцъ вокругъ ракитоваго куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говорить, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,—за шиворотъ ихъ да къ прокурору стащу, за оклеветаніе».

Ясно было, что батюшка крѣпко кованъ и ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій софистъ до того изнурился ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнитъ, что, ѣдучи въ церковь, она чуть не выпала изъ саней и такъ прозябла, что сидѣла въ церкви, не снимая шубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ

въ іюніѣ. Потомъ супруги говорили, что они перевѣнчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень сѣшшила къ внуку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея посиѣшливость къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, сѣявила, что ей забило намороки.

— Теперь,—божилась она:—хоть къ присягѣ идти,—ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть,—говорить,—я въ саняхъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. Но ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались насчетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастье подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передриги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣнчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей нескусной выдумкѣ?

Но могли ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми же считать ихъ и понынѣ.

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіерся на разъясненіе: можетъ ли случиться, чтобы бракъ, обвинчанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и проникательный, а знаніе сердца человѣческаго самовершеннѣйшее.

На мой вопросъ: возможно ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, «пѣтый въ церкви», мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынче все возможно.

— Отчего же это только *нынче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Пѣть, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры, — люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія аккордомъ плутуетъ. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня спрашиваете?

Я назвалъ случай, т.-е. пересказалъ вкратцѣ исторію непостижимаго вѣщанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвинчанъ.

— Слыхалъ, — проговорилъ отецъ протоіерсъ: — слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ,

— Не въ газетахъ ли читали?

— Вотъ именно дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ рассказывали.

— Не правда ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менше.

— Однако, что же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ X. вѣнчалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ X., вѣнчанія котораго отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это вѣнчаніе трудовъ отца X.?

— Вотъ странный вопросъ: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другого?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фазову. Но вѣдь это совсѣмъ иное.

— То же самое. Отецъ Н. это тоже сихъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините,— говорю,— я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значить «портной безъ узелка»? Значить, что у него штка въ швѣ не остается, а все насквозь проходить.

— И значить—шва совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, пш есть—это уже какъ хотите, но только его шовъ не держится.

— Но какая же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но онъ рискуеть, съ такою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть. только это будетъ еще не скоро,— не ранѣе, какъ иже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это «по просвѣщеніи»?

А когда въ обществѣ распространятся настоящія понятія о *тайнѣ брака* и люди не будутъ вертѣть этого дѣла какъ попало и съ швомъ попало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитью: дешевая цѣна,— такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человекъ и любить какъ-нибудь, и вѣнчается какъ-нибудь; беретъ для этого поппшкку какого-нибудь, а тотъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развязалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старины.

— Нѣтъ-съ, не особенно,—а впрочемъ—какъ въ чемъ и насчетъ чего. Если насчетъ того, будто бы древле было все лучше и дешевле,— такъ я не старовѣръ. А что насчетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ ли? говорю.

— Да ужъ такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари?—Это чушь. Нѣтъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую прелесть любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ Библии. Страстная книга: оттого ю много инокъ соблазняются. У меня се разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: «начитаешься, говоришь, жениться захочешь». А онъ хлопоталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ любовь такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполнцовъ плѣняли.

— Это, говорю, все до-историческое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месопотамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее, сердяга, прослужилъ ей отцу, да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палящимъ солнцемъ. И что же? Его надули, и надули самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицынькую .Лію подложили, а онъ впопыхахъ не разобралъ. Виניתъ нельзя: разговоровъ вѣрно не было, а впопыхахъ все кошки сѣрыя. По вѣдь онъ не унялся:—не потянулъ тестя въ судъ, а еще шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть-таки свою зазубу, и добылъ. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значить *любить*. И женщины-то, какъ ей этакого чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, кавалеръ во весь ростъ и во всю силу. Ну, а нынче что же?.. Все прохвосты,—все приданого шуютъ, либо завертять дѣвчонку и уговарять, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. «Сама, говоритъ, матушка, рукъ не повладай-работай». Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все.—чтобы самому легче было. Синзойдетъ къ ней когда-нибудь вечеркомъ, какъ Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той. бѣднягъ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро, встряхнулся, да и пошелъ опять свои рацеп разводить. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей

и равнирование. А другой если увозить дѣвушку,—будто ее крадутъ, однимъ словомъ—«тайно вѣнчается», а самъ чортъ его не разберетъ. что такое онъ этимъ фортеле устраиваетъ; даже, право, не разберешь, для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже—по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?.. Эхъ, государь мой, еще какіе, когда ъ вы знали, нынче являются на этотъ фасонъ выжиги и какія отхватываютъ колѣнца.—такъ иной разъ просто либо только съ диву дашься и расхохочешься, или прямо вонъ подлеца выгонншь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, на примѣръ: подло или не подло сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобратъ? Но мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунъ и въ большемъ чинѣ... ухъ, выжига.

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказала: «Вы вельможка большая, да я не плутъ большой», а отецъ N и ихъ обвѣнчалъ.

— Но, однако, какъ же онъ: неужели всѣхъ, кого попало, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попало, но это у него жадность, по привычкѣ отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ; только я ихъ не сравню: тотъ былъ благородень—дорого бралъ, но и зналъ, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гизна: все ничкомъ, самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подмыя выдумываетъ.

— Значитъ, и тутъ, въ тайнобрачїи, замѣчается пониженіе тона и измелчачіе типа?..

— Да вѣдь какъ иначе. Все «идеть со временемъ»,—какъ говоритъ блаженный Августинъ,—«все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его подвижность, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ». А ужъ нашего брата, пона, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы... Въ старину, на примѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ рассказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной

боярышней вѣнчалъ. Взяли дѣдушку обманомъ, изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накиннули и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотять, и ключи имъ выставляютъ: «Верите, дескать, все, что хотите,—последнюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите». Но видитъ: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держатъ. «Вѣнчай, говорятъ, сію минуту, а то запоремъ или на колокольнѣ повѣсимъ».

Дѣдушка былъ уже очень старый старичокъ и до безпамятства перепугался, но одно только вспомнилъ — про архіерея.

— Смилуйтесь, говоритъ, нашъ архіерей безжалостный,—онъ узнаетъ, тогда меня разстрижетъ, и моя старуха-попадья безъ хлѣба околѣетъ.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да пой покороче, за нами погоня скачетъ. Усибешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгонъ цѣлныи дамъ и до смерти вашей съ попадьей мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и сталъ облачаться, только просилъ, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ палюю гайдукъ идетъ и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что же, говорю, сказать?.. Дѣдъ вашъ сдѣлалъ дѣло невеликодушное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію:—вы же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще при нашихъ порядкахъ геройства Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не нужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ, посмотрите, напримеръ, на насъ теперь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь все въ карты

играють, а не занимаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ; а займись-ка серьезно,—скажутъ: что это они засерьезничали: о чемъ закручинились? Или все говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ея мало. А начин-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще «безпокойнымъ» прозоветъ. Оттого и нѣтъ правды... А что до духовенства, то попники наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и подобны. И это не отъ крови, а отъ тьмы вѣка сего, — отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вотъ изъ этой же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что попники съ огонькомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся и ждать ихъ конецъ часто бѣдственныи.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той же губерніи, откуда все мы родомъ, а начало тому дѣлу восходить къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ номѣщика-то вѣнчалъ. А былъ онъ человекъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закала, что называлось «латоновскаго»,—разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгались не мало пылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ высотѣ мысли, въ стойкости права, въ достоинствѣ поведенія и въ благородствѣ чувствъ.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтѣ мой двоюродный братъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественную войною, а въ ту пору въ одно село, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы нѣкое семейство чиновничье. Люди были бѣдные, безпристальные и безкровные, — мужъ да жена съ однимъ груднымъ сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того же самаго насильника Катерининыхъ временъ, почему-то знавалъ немножко этихъ можайскихъ сиротъ и теперь, въ ихъ тяжкой бѣдѣ, принять, но не на радость, а на новую горе. У чиновника жена была

раскрасавица-красавица, изъ московскаго кушеческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ досталъ, а жену у себя во флигеляхъ помѣстилъ, да и воспользовался ся одиночествомъ. Не знаю уже: сталося это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и оставшья наложницы все скоро развѣдали и заняли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла неистовство, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣдней. Какъ херувимскую пѣснь запоютъ на клирошѣ, она ладанъ почуетъ и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растрижку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публичность она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... «Сию, выкликаеть, у Афимьи въ утробѣ, подъ горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давыда примѣръ взялъ: Урю на войну услалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химкино сердце сушу». Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвостъ: «Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться». Жуткость даже этими криками на весь приход навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другія закликали, и все про ту же бѣдную барыньку, которая, можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестница у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узналъ про нее «самъ Самоха» и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, однѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинницу замуровалъ въ какой-то чуланъ и держалъ тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, или по крайности такъ о немъ все полагали.

Дядя же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и «самъ Самоха» у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по призыву, не разъ ему свое горе открывать и

искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, понамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ,—особенно если поникъ не жаденъ да простъ.

Дядя же былъ человекъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый: его всѣ любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды привести, или изъ другой трогательной книжечки прочитаетъ, а другой разъ, вечеромъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попьеть, или въ мунку отъ скуки поиграетъ, и такими разнообразными приемами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они всѣ лѣтъ ятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, «втроемъ по утрамъ чай пили». Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, закивать жестоко запоемъ и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и иоучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣстливъ, да, къ тому же, и свѣдущъ въ дѣлахъ, ускользящихъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предузрѣть тщится.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его ѣшь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей жениховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, самъ вздумалъ на ней жениться. Законные всѣ претексты были къ тому, что ихъ можно было обвѣнчать, а только дядя, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, зналъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ зналъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху,—и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Пѣтъ, говорить, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убойтесь, сами вѣдь во грѣхѣхъ каились, и мать ея каилась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ разсвирѣялъ и покатилъ къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—инъ. Умный былъ человекъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное, и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на такой-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, покряхтѣлъ и говорить:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь!—и отослалъ дядю домой, а однако и помѣщику, должно-быть, разрѣшенія не далъ, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что же, говорю, вашъ дядюшка, дѣйствительно, показала своего рода героизмъ.

— То-то, героизмъ, зато оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочитавъ гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и недавно, да только не на нашей землѣ,—это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть мало-мальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъ разлютовавшагося помѣщика,—его взяли да нарочно тамъ и оставили. И чтѣ онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ заговѣ: на дворѣ его помѣщичій не пускали, собаками псаря не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ та баба Химка, все бывало сидитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидитъ въ баграцкой избѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться, куда дѣваться

Въ одну сторону метнется, голосить: «Куда дѣться?» и сейчасъ въ другую повернется: «Куда дѣваться?» Насилу

Господь его вспомнилъ: дочеринну свадьбу за дьячка справляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,— онъ и замерзъ въ холодной избѣ на нетопленной печкѣ. Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ мертвый, скорчившись и ручку крестомъ сложилъ: вѣрно въ послѣднюю минуту въ себя пришелъ и Богу помолился о себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣръ нравственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ для насъ на Руси увѣнчивается. Жестко, сударь, жестко на Руси героизмовать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ:—Такъ вотъ съ дѣтства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынче выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе, именно: не героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія, или, пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это, во-первыхъ, вызвано необходимостію, а во-вторыхъ, и не совсѣмъ обосновательно и не совсѣмъ безчинно. Даже къ чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣйствовало весьма человѣколюбиво, а главное—практику выработало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ будьте увѣрены—у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Пѣтъ-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— «Въ обществѣ!»! Нашли на кого ссылаться! Чтѣ оно знаетъ и чего не болтаетъ это такъ-называемое наше общество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ...

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судятъ и рядятъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или доказательствъ еще требуете, — такъ они у васъ налицо. Разберите-ка, вѣнчанъ или не вѣнчанъ этотъ писатель Z.,

съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что надъ ними дѣлаютъ: крестятъ ихъ, вѣнчаютъ, или хоронятъ. Ей право, — одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте. — возразилъ я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ приемовъ тайнобрачія. — Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судитъ о духовенствѣ, то, наиримѣръ, архіереи ваши имѣютъ же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что же такое? къ чему этотъ вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣютъ они или не имѣютъ?

— Можетъ-быть нѣкоторые и имѣютъ.

— «Нѣкоторые» только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то «можетъ-быть». Но пусть такъ, — пусть будетъ по-вашему, а вотъ я знаю одинъ случай.

И я назвалъ дядю Инкса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ снова покотился со смѣху.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ же не смѣшнить-съ! Такъ вотъ это вы этакую-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченія, чѣмъ въ Аристофановой комедіи, — все «на облакахъ» происходитъ.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынче на нихъ и спроса нѣтъ, а вы разубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней немало нѣтъ, да и вѣнчалъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— По вамъ, я думаю, надо бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли позкзаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было нагажено тѣмъ, что разные большія лица были вцутаны. Не правда ли?

— Да.

— И къ тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невесты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все рассказалъ, по-военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумѣется, на нихъ маленькій накинута въ цѣнѣ, чтобы старшихъ не безпокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то сговорился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Неправда: всего на-все одинъ день только ихъ просили подождать, и то это советъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, «заминка» дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то же время справки навести.

— Какія же справки?

— Есть или нѣтъ у брачующихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство,

тогда, будьте увѣрены, никакой священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это знать?

— Въ тонкости узнають.

— И скоро?

— Да смотря по людямъ и дѣлу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— Съ недѣлку, или съ мѣсяць?

— О, что вы! Нѣтъ,—сутки, много двое.

— Какимъ же образомъ можно собрать такъ скоро такія шекотливыя справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и налгать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терпѣть отъ него кое-что, какъ вотъ, напри- мѣръ, нѣкоему ближнему доводилось терпѣть отъ этого мол- лодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Какой же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него — церковный сторожъ, а ходитъ онъ за прпчетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно - то по особымъ порученіямъ. Сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обстѣдуетъ.

— Но какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Итъ, для чего же? да онъ всегда вѣдь и весь процесъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить осно- вательность и достовѣрность и того, и другого, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте же, говорю, васъ разоча- ровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забираетъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ носить: онъ не такъ глупъ, чтобы съ родными жениха сталъ разговари- вать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣй- ствуетъ тонко, — собираетъ источники чистые и достовѣр- ные. Ему было сказано, что вотъ такъ - то и такъ - то, — вотъ такаіи крупный человекъ желаетъ жениться на се-

стрѣ своей покойной жены, — я на день заминку сдѣлаю, а ты поди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отвѣчаетъ: «это можно кратко дослѣдить — потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель». Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Терешка или нѣтъ?

— Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говорить:

— Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ же. — разумѣется, были: подробности необходимы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно ли и благонадежно ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, напримѣръ, въ чемъ же заключались эти подробности?

— Помнитея. онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говорить, къ воротамъ, Терешку вызвать, — пошли въ низокъ, двѣ пары пива выпили, и Терешка сказываетъ: ничего, — дѣло шлевое, — можно вѣнчать. господа согласные. Она, говорить, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейныя братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ подзаконилась. А насчетъ состоянія не сумлѣвайтесь: имѣніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженныхъ индюшекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ женою живетъ, а она совсѣмъ безпомѣстная. Скажи батюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что же еще надо?

— И вотъ *это-то*, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ же это по-вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, пустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова

такихъ людей, какъ мужикъ-дворникъ, твердо полагаться нельзя.

— Нѣтъ, я этого не знаю, и совсѣмъ другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы все жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о нашемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожь-то васъ обманеть, и дворникъ обманеть, и, наконецъ, уже и я, нонѣ, васъ обманываю, — шучу, видите, а не правду вамъ сказываю...

Батюшка закачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыднлись бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали бы другимъ новадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тьфу, чтѣ за гадость, чтѣ за недовѣріе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанджогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недовѣріе, на всякое время и на всякъ часъ это проклятое недовѣріе. Оттого и заводятся всякіе портные, что безъ узла шьютъ.

— То-есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да отъ болзни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какую хитрою механикой пахвель—вообразить гадко. И увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разъясню, то вы увидите, какія преимущества имѣеть простота вездѣ, не исключая и тайнобращія, гдѣ она должна быть хвалима передъ всеми иными хитростями, въ которыя теперь жалостно увлывается не мало людей, имущихъ только образъ вѣщанія, но силы онаго лишенныхъ.

И весь обратился во вниманіе.

— О тайномъ вѣщаніи такихъ людей прежде и помниа

не было. Вѣнчался тайно, бывало, помѣшники или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перепуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣзъ тайнобращаться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимають. Цная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и нимало не смущалась,—а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ все вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ терпѣть, терпѣть и, наконецъ, плюнетъ: «буди ты совсѣмъ не ладна!» Пойдетъ и просить батюшку: «Такъ-моль и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣнчайте!» Иной по нынѣшнему времени и таковыхъ вѣнчасть, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣшничью или за гусарскую цѣну, а такъ «что положить». И за двѣ десятныхъ пѣвали, и даже менѣе, и, разумѣется, уже въ разсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ — ужасный, вѣдь, аристократъ въ душѣ, особенно если брюхо себѣ наѣсть: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника—онъ любопытствуетъ, изъ какихъ дошелъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженыхъ индюшекъ присылають, ну, а мелкотой онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая, — даже полиція его къ этому пріучить не можетъ. Приставъ нашъ мнѣ не разъ жаловался, — говорить: хоть не спрашивай ихъ, дураковъ, про подозрительныхъ людей,—заведеть такую катавасію:

— «Мы, моль, ваше-скобродіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ имъ не антересуемся, а вотъ генераль у насъ живутъ—это точно, и съ своей экономкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ графѣ секретаремъ служить».—И пойдетъ, говорить, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть.—И это справедливо: съ этой стороны они намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти

въ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево, потому что и платить-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ «вѣнчальный батюшка» и выдумалъ фортелѣ, и такое фортелѣ, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо, и налѣво, и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прифиски сбиль, а крутить за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутяга, ничѣмъ и не рискуетъ. И выплыло это дѣло самымъ неожиданнымъ манеромъ, къ которому я какъ разъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я наѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для обѣденъ я «ранняго батюшку» за себя нанималъ, а въ субботу самъ прѣѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье—позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,—пройтись по набережной хотѣлъ, — а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. Я отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то фертовать показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Разсмотрѣть, говорю, надо. — Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою герольдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я, — все въ порядкѣ, а только легковѣсность какая-то: у него указинко объ отставкѣ и чиншико шаршавенькій, — губернской секретарь, а она—вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позиціи?

Я велѣлъ своему докъ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться, — справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говорить:

— Такъ и такъ, говоритъ, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держатъ и въ мелочной берутъ на

книжку, а мясникъ не даетъ въ долгъ. Впрочемъ, говорить, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателейъ никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мое, говоритъ, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрилъ, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь—и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тощія и людцы маленькіе. и что-то не порядкомъ отдастъ, да оиять, самое главное, и дворникъ не ругается.

Подумалъ я, подумалъ: есть что-то сомнительное, и отказалъ. Свернулъ бумажки въ его же конвертъ, подлѣпилъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ,—скажи ему, что, молъ, батюшка уѣхали, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходить.

Такъ и сдѣлалось. тотъ его отпавилъ. Я рукою махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ мстивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ бы въ веселіи объявляетъ: — «Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говоритъ, перевѣнчалъ». Тотъ мнѣ это передаетъ, а черезъ малое время говоритъ, что онъ и самъ желаетъ перейти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на «соотвѣтственную должность».

— На какую это?—спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что жъ такое, говоритъ,—и не умѣвши поютъ.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Нѣтъ, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говоритъ, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляетесь. Теперь это надо оставить.—Тамъ смѣлѣе крутятъ, и черезъ то служить авантажѣе.

— Ну, смотри, молъ, не попадись, съ большимъ авантажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молъ, какія же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что за юрисконсультъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулъ, а когда человѣка хорошенько нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзетъ.

— Да, молъ, если глушь, такъ лѣзетъ.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенько разболѣлись, такъ вы вотъ и не глуши, а тоже на Моховую къ цырюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,—ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь онъ, этотъ цырюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то пошепчетъ, да обрывокъ человѣку, какъ теленку, нацѣпитъ и велитъ не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ?

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

— Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпить, да стыдъ только не позволялъ. А баринчикъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ весельемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, нарочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, неприятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ: обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательно.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому что безъ этого и лѣкаръ не лѣчить.

Онъ и сталь объяснять.

— Батюшка, говорить, насъ обвинчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ, а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ,— дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходинкамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо.— Тутъ этотъ супругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться, и дозволился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Барпнокъ вскипятился: какъ не будетъ?

— Что, грозить, вы думаете—я церковныхъ порядковъ, что ли, не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали: я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ!

А дьячокъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ *). Онъ этому барину и отвѣчаетъ:

— Не пугайте, господинъ; что вы такъ страшно пугаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты,—и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говорить, вѣнчался.

— Спору нѣтъ, что вѣнчался, — отвѣчаетъ дьячокъ: — мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустяковъ никогда не знаютъ. А намъ совсѣмъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно не нужно. Если

*) Содержать «чернило на рукахъ» — значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемые священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти должны служить доказательствомъ, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получилъ разрѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ, эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ не достигающія цѣли.

вы вѣнчались для уваженія таинства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскипѣлъ:—Что вы разбойники, что ли, говорить, на что мнѣ таинство!

А дьячокъ свой шагъ спокойно держать.

— Нѣтъ, говорить, мы не разбойники, а вы, господинъ, про таинство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слышать, за кои къ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ пылить и говорить:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи?—Да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунулъ.

Тогда, разумѣется, и дьячокъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говорить, господинъ, вы этакъ... честью всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому что они дома никакихъ объясненій по неприятнымъ дѣламъ не даютъ, а пожалуйста завтра, въ воскресенье, за литургію,—тамъ и объяснитесь.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣдней постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а, дождавшись времени, подходитъ къ батюшкѣ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвѣнчанъ съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говорить, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно застать. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь сиравлюсь.

Оборачивается къ дьячку и говорить:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что же?—спрашиваетъ тотъ:—на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ.—отвѣчаетъ дячокъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дячокъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣнчали?

— Не знаю,—отвѣчаетъ дячокъ, а самъ налѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу записку.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говоритъ, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ, —отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значить: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говоритъ: я самъ расписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ же эта ваша роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ, —книгу закрыть и въ шкапикъ заперъ.

Супругъ взвылъ не своимъ голосомъ.

— Что же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь,—потихи. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите. Не угодно ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господицъ и спекся,—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говоритъ, помилуйте, вѣдь это же не можетъ быть: вѣдь вы же, конечно, помните, что я къ вамъ при-

ходилъ и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще бы, говорить, это уже такое правило, — впередъ отдавать.

— Ну, такъ что же, говорить, за что же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-съ?

— Да какъ же, помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлать, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всѣ отношеніяхъ? Это хуже, чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчаетъ батюшка, чѣмъ же хуже? Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо—женщина должна быть религіозна. А въ разсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе,—прислуги законъ брачный уважаютъ и вѣнчанную барыню лучше слушаютъ. Что же тутъ худо?

— Но мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да?

— А я вамъ развѣ его обѣщалъ?

— М... и... то-есть... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы пришли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документки какіе-то ледащенькіе, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому же, вы человѣкъ не богатый и заплатить много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во-первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказалъ: если вы человѣкъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ, — и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно, — что она «пристаетъ», что «надо отъ этого отвязаться». Что же — я и тутъ васъ не огорчилъ: — васъ никто бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если бы вы мнѣ

тогда сказали, что вамъ не только вѣнчаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то иного прочаго, и за это бы съ васъ трехсотъ рублей не взять. Да-съ, не взять бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ же... гдѣ же я и жена, въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Нѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ супруговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ,—почему это не можетъ?

— Консисторія не выдаетъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М... н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не взглянувъ: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь...

— Нимало не фальшь, — а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посѣкается и въ огонь вметается.

— Такъ я же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо моихъ свидѣтелей, а какую-то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ: только все же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы бы мнѣ такихъ своихъ ангелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и искать, — въ какомъ болотѣ. Нѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то подтереть заставлю.

— Но что же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хоть мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаньте себѣ съ супругою хорошіе

документы и ступайте, ничего не говоря, къ приходскому священнику, — онъ васъ обвиняетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всё ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ рассказалъ все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Чтò за работа, чтò за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по-своему *юридически честно*: за что взялся, — то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За чтò человѣкъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый дѣвцъ, что ты мнѣ, глупому человѣку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеніе буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывать ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокупивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходитъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла рассказываетъ?

— Охъ, рассказываетъ, разбойникъ, рассказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокровенничать-то, когда — какъ мои дѣти на фортепіано куплетъ поютъ:

«Расплесалась вся Россія
«Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
«Лишь одинъ Иеремія
«Намъ остался,—князь Мещерскій!»

А главное, замѣтите, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно, а комаръ носу ни подо что не подгочить.

— Батюшка! говорю: будьте благодѣтель, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

— Съ цѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подалъ, а батюшка начерталъ на ней рекомендацію и

наименовать меня «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ». что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это не годится, — у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! иначе никого меньше не называютъ, а къ тому же онъ стать гонористъ, и если узнаеть, что вы писатель, а не генералъ, такъ, пожалуй, знакомиться не захочеть.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суньте два пальца вмѣсто руки, — вотъ и сановникъ. Неужели у васъ на это образованія не достанеть?..

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку, который подаетъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцомъ жениха или, по крайней-мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорища. И опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ пронзательнымъ человѣкомъ, а къ тому же думалось мнѣ, что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кромѣ того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависитъ отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философическую вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе нравовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ путанномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добротолюбія, который присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, «почившее на законѣ», сердце,

чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердцами живыми, которая ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и докалчиваю его бесѣду, а съ нею и мои очерки.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію. — пзрекъ онъ: — какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться беззлобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно необходимо и отвлѣчь часть времени. А по сему времени даже и самые заливчатскіе «вѣнчальные батюшки» тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ большомъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ принципѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ заживала дочерница подруга. Славная дѣвица Нюточка, — все онѣ съ моею дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совѣзмъ про эту чужую дѣвочку забылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три, — и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ, въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю), приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благоприличная, но смутная и чѣмъ-то, какъ бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говоритъ, что была она подругою моею дочери по гимназій, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя «трудныя

комбинаціи». Словомъ сказать, дойди, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и пришла просить ее, не можетъ ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужасную меня это младенчество просьбы и младенчество страшнаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому, если бы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ безвозлезно. А васъ я теперь дѣйствительно невозможно припоминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что же довело васъ до такихъ комбинаціи?

Она хлюпъ-хлюпъ глазами, да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что же такое, развѣ при женѣ для сестры и за ширмою мѣста нѣтъ.

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одва съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захопала.

— Милая барынька, говорю: да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мнѣ рассказываете: какъ же онъ

могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей понадобилось выйти въ фиктивный бракъ, она меня попросила, чтобы я позволила....

— Пу-съ?

- А она устроила комбинацію....

- Какую, мизостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носить, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что же, онъ и съ нею не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ; она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносить.

— И онъ носить?

— Да что же дѣлать, а то она жаловаться пойдетъ.

— Да кто же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая, эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздитъ.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ? — онъ тоже очень развитъ.

— Какъ же, говорю, развитъ, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбился и живетъ у товарищей, а больше нельзя, потому что у нея по полиціи всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно «комбинація». Ну, а гдѣ же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей верстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ, -- я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало-быть, вы теперь всѣ врозь?

-- Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ — нѣту, да это ничего не значить: теперь тепло,—я ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождавшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взялъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое рассказываете. Вы ко мнѣ съ своими «комбинаціями» точно пришелица изъ другого свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзъ, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой попъ я только васъ на бульваръ ночевать не пущу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуите поскорѣй свои бѣдныя ноженьки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ—со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагаетъ, и сейчасъ другое располагаетъ, на все согласна—и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошюкъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ такой горемыкъ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хорошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому же они дѣти іерейскія,—въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: къмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволь нущена. А все же вонъ въ ней еще какое-то добро ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на поддержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носить... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришлецы изъ другого міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяетъ въ карты играть, такъ онъ лѣтѣмъ, пріѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и «въначальнаго батюшку». Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по

склонности человеческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другого.

— Это, говорю, ребята, я так провинился отъ разстройства: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И рассказали имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчальникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, одобрился и уронилъ мнѣ «крылатое слово»:

— Еще такъ ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвѣнчаны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаетъ, о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено, — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны, такъ уже пропадай они совсѣмъ, — второй разъ перевѣнчивать зазорно.

— Я, говоритъ, думаю, что ихъ не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну, можетъ ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь ангелисты, — въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно, что имъ споютъ: молебень, или вѣнчанье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводнишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйста, — тогда и переводъ получите. Да не можете ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу представить.

Такъ, разумѣется, вздоръ врала, но въ случаѣ если бы она стала спрашивать, сказалъ бы, что хочу его откомендовать въ Москву бѣснаго слона лѣчить. Но только она не спросила, а прямо его обѣщала привести.

А я тѣмъ временемъ спосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ

и спрашиваю: есть ли у них *для себя* какія-нибудь памятки, кто у них легко вѣнчанъ?

Отвѣчаетъ: есть.

— Нельзя ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствовалъ и воротился,—говоритъ:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебень спѣтъ.

— Ишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стоятъ. До какихъ лѣтъ доживуть, въ церковь гроша не подадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебна-то жаль,—не токма что Исаю для нихъ беспокоить.

— Такъ, значить, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принявъ къ свѣдѣнію, пообѣдалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будитъ:

— Утренняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женихъ, говоритъ. ейный, что ли, не знаю.

Я велѣлъ подождать, обтерся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣть со-всѣмъ не на-что.

Я его туда, сюда повернулъ и въ первыхъ же разспросахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глупъ и откровенно хитеръ. Такъ сказать — фруктъ нашего урожайнаго года.

— Я, говоритъ, обмануть изостыю, какой не ожидалъ. Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною, — увѣряла, будто ей нужно выйти замужъ только для того, чтобы отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала требовать, чтобы я Анюту бросилъ, а съ нею на одной квартирѣ жилъ, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчитъ.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всё безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полицію, а вы-то гдѣ служите и подъ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника—лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табельной съ нимъ игрывали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Нюточку?

Молчитъ.

— Что же ты молчишь?

— Я, говорить, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, молъ, ишь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, говорю, когда человекъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацеп надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчитъ.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь. Отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчитъ.

— Что же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говорить, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любитъ?

— Все равно, говорить, я могу жить граждански.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-граждански, такъ, я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычокъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его въвчашя съ акушеркой ничего ему не сказала, — чтобы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смыслѣ, что «я, просительница, приживъ въ-бракъ съ такимъ-то, служащимъ подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья».

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь, это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взялъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую ряску и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ знать. Отлично шельмецъ съ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный царень, — любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по полковому, были на «ты».

Конечно, honores mutant mores. — можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это же зеркало и вижу: онъ въ ту же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и — цапъ. сзади ладошами глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю, — радость моя, — это ты.

— А ты,—восклицаетъ,—почему узналъ?

— Мудрено ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуемся. — Я, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоромъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила,—говоритъ,—выдумалъ. Въ моей власти конскія свадьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка,—не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрую. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы выпла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребятъ очень жалко.

Онъ было опять смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся,—это дѣло серьезное. Я рассказалъ ему все дѣло.

— Понимаешь ли, говорю, что этого ни въ какой конклавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать, когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто—повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говоригъ, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю,—остепенись. Чтò ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще особенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службы годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ собой и накричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣе: это все равно. Но если замѣтишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай,—тонни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитесь и чтобы не смѣлъ отвѣчать.

— Изволь, говорить, уважу—и съ этимъ позволю, а мнѣ добавляетъ: пойдн тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не проситъ ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно.—накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вошелъ, онъ сразу его афранировать. Всѣ вынѣшнія жестокія хитрости сентиментальнаго обхожденія откинувъ, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете ли вы, спрашивать, какая женщина это ишетъ?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобъ сказать: «знаю»,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— Вспомошествованіе дамъ, а пока... Батюшка!—зоветь хвоя:—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говорить, этого соблазнителя: онъ дѣвцу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣнчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человекъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду.

Тотъ вышелъ, а генераль спрашиваетъ меня:

— А что, я какво кричу?

Я его въ обѣ щеки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь доверши свою работу: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдельную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ атомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а на другой день обвинчалъ, съ малымъ ущещеніемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говоритъ, будете.

— Ну это, молъ, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасъ настоящимъ образомъ всего не понимаетъ, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятся,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвинчаны. да, чай, и акушерки боятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ же, приходила. Я ее къ перву отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что же она: сердилась?

— Н-н-нѣтъ. Поискала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— «Отличную, говоритъ, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

— А что такое?

— «Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала».

— Ну, что дѣлать, когда-нибудь утѣшитесь, вмѣсто вальса кадрили протанцуете. На кого же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и сего. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти,—какая бы кугерьма поднялась, а путнаго

ничего бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ глупости человеческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да напш. Что жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживуть съ наше — и они обумвѣютъ, — тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужъ очень разболтался, пойду — посмотрю, что мнѣ въ мотѣ написали.

— Да, говорю. это и впрямь все отдаетъ сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвистывай... «Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй».

Собесѣдникъ мой подаль мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы прямую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаиваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ, поправиться, ибо «рече Господь: аще могу — помогу». Гдѣ она это вычитала, — я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожила съ этимъ упованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ.)

Приходи, моя милая крошка.

Приходи посидѣть вечеркомъ.

А. Фетъ.

«Одни представляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другіе— въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномысліе, что надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствіе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорятъ, оттого, что простымъ людямъ всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую». чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать

это было очень трудно: запятая видима только под микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услышалъ про «запятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно приученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «запятой» могла быть выгодна, и порѣшилъ наказать лѣкарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совѣмъ иное довѣріе: здѣсь запятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «запятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивлялъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхѣ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «запятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «запятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ запятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разказанный случай съ «увеличенной запятой» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «купилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда одинъ генераль спросилъ его: что это такое?— онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генераль этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ проповѣдовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *все этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновой насчетъ несоогвѣтствія народныхъ взглядовъ на «запятую», съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнару-

жить въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползеть что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «запятую» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говоритъ съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольникъ начекичкъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «аще», и смотришь — этого слушаютъ, а того нѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Режановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ вѣть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говоритъ: «Мовчи, бо скорбь велька!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге! це не вашъ Шекспиръ!» И мнѣніе о Шекспирѣ было неизменно до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже простое», чтобы было въ нихъ вкусъ—съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуринкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмеди. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергичскіе приказы генерала Баранова, но потомъ мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узнавалъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей сбиваетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публикѣ впечатлѣніе не особенно

сильное и неясное; многіе не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высъчь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго—«повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тутъ «распредѣленіе всеобщей провинности»? Многіе думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высъкутъ, потомъ опредѣлятъ «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разгорѣлись: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера вынутятъ съ прощадю», а другіе увѣрили, что «это не для шутки, и никакой прощады не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отъѣна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по удавленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникла тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ такую сѣчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбились и спрашивали разъясненій у четырехъ отставныхъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по плажу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видааясь со своими сосѣдями — кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ—и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это вредныя слова бываютъ?» Этого имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать.

— Вѣдь вотъ,—говорили они: — можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ объясненіи случая, и скаспируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человѣкъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говорить, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напо-

минаю ей про онасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну, говорю я: — если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ рассказывайте, что вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она рассказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рыска отставной генераль. Отъ команды отсталень, но военныхъ правъ не лишень и ходитъ въ военномъ образѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разѣзжать по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ французенки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поварь и буфетчикъ, и всѣ ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно: гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, поѣхалъ этотъ генераль въ «Аркадію» или «Ивадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ поѣхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Воинныкъ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставлять, какъ вдругъ запятая! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Шеро, и допочетъ незнамо что.

Генераль подумалъ, что вѣрно онъ немножко выпилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастіе: вашего камердинера умирать увезли». Генераль разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но рассказать, что камердинеръ, проводивши генерала, совсѣмъ былъ здо-

ровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу кунилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику сѣвку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городовою засвиристѣль—и увезли. Онъ не хотѣлъ ѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!--сказалъ генералъ и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полицеймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и приставъ нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,-- говорятъ,--но участку ходить!»—«Кого же я могу видѣть?»—«А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генералъ ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсудателя. Прошу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ; мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отправили».

Генералъ обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и все извозчика послѣ этого вслѣдъ скорѣе подгоняетъ.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генералъ говоритъ:—О полуночи.

— Ну, такъ теперь,—говоритъ,—ему уже амнь.

— Что ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ!—Теперь они ему уже струменцію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А пзвозчнкъ полуоборотился и крестится рукой. а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, ей-Богу,—говорить:—вѣдь они теперь всѣхъ струменціей пробують. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ лѣкарства льютъ; а которые очень крѣпкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впускаютъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генераль же думаетъ: вретъ пзвозчикъ, — бросилъ ему деньги, а самъ вѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попроситъ ко мнѣ старшаго доктора! Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ—этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особеннаго вниманія не обращаетъ, а спрашывала спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генераль ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой простпраетъ, что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ»... А лѣкаръ его перебиваетъ: «Вы, говоритъ, пожалуйста покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генераль немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ пачинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ послалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ меня пошелъ на садокъ и свѣвку слушалъ».

Но лѣкаръ опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство, мнѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли, въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генераль:—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ, а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справься!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ:—Вотъ и можете получить.

Генераль и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говоритъ.—Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ: — Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйста, служитель васъ проведетъ и его покажетъ! — и велѣлъ служителю: — Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только нумерки лежать, а нѣтъ никакого воззванія, и по лицамъ отличить нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судо­роговъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлаютъ, не то растопыркою кизю представляютъ.

Генералъ и говоритъ: — Я такъ не могу своего человѣка узнать! Миѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору, спросить, подъ какимъ нумеромъ, а генералъ остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показало­сь, — съ сожалѣніемъ.

Генералъ его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да, — говоритъ, — ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ такомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да, — говоритъ, — но главное дѣло, что миѣ утромъ всегда пить очень хочется. а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которыя строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождешь утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго рассолу выпьешь, и оживетъ душа; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генералъ вынулъ два пятнальцинныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усопшаго чайку въ трактирѣ напейся.

Читальщикъ, разумеется, доволенъ и благодарить.

— Видно, — говоритъ, — вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и нульсы заморены, потому что, вѣдь, струменцію-то

ставять подь самую мышку, а въ пяткахъ подь щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генераль свонный намекъ, на что онъ намекалъ,—понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подь которымъ номеромъ камердинеръ лежить,—тотъ ему говоритъ:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси, — я хочу напихиду отпѣть.

Служитель олять побѣжалъ, а генераль зажегъ читальщикову свѣчку да прямо покойника огнемъ подь пятку... Тотъ вразъ и вскочилъ, а генераль его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого человѣка. буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ письмами послалъ — къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ, — чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генераль съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся; весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генераль велѣлъ, чтобы какъ они вридутъ и сдуютъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входилъ.

Доктора, какъ это увидали, такъ всѣ трое съ кресель на полъ и упали. А генераль выхватилъ пистолеть и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выступкей подкинулъ и началъ тренать его со щекъ на щекъ, а послѣ, какъ уморился, говоритъ: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня докончила мнѣ этотъ рассказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!» — и я удивился. Она была желница опытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко, и неужели же этой неглупости она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла*, чтобы это было такъ, потому что это ей было *со вкусомъ*.

Я съ нею вступилъ въ пререканіе, приводилъ ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое

происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ утѣшеннымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генераль докторовъ все-таки угостили, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стоило.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, вотъ!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнаютъ...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — заодно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «запаятую», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служить двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слышали ли, какіе няни пустяки рассказываетъ о генералѣ?

— О, — отвѣчаетъ мнѣ дама: — это она уже давно говорить... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ рассказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X, и у Y, и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое — моя Саша?

— Она тоже говорить то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрой курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ, — человекъ молодой, очень пріятный и обладасть совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кротокъ, благовоспитанъ и благоувѣливъ; имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибыль къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю

дѣятельность: онъ снялъ сельскую лавчонку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неутомимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всё прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятія. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охладѣвають, и потому лица ихъ, равно какъ и лички ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слыхалъ ли онъ исторіи о воскресшемъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всё говорятъ? Лавчонникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же,—говорю,—несколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изъяснить въ опредѣленіи факта; по мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на душѣ становится яснѣе: лавчонникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *глупостью* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амбулъ—и нѣтъ его... Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вонъ онъ!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это ви-

дѣше стѣять того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Имецкъ—это длинная береговая линия домиковъ, соединяющая Устье-Наревы, или Гунгербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самъ знаменитый некогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрощенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за плажемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики. и мимо нихъ пролегаетъ шоссированная дорога и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавочки, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда лавочникъ, рассказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!»—я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья. и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и ушки ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотничья забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо рассмотреть, что это такое, оно уже и сникло.

— Боится,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ боится?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходить.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и провзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный!—позвалъ его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы».

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того,

какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ яснѣе его разсматривать. Лицо его нельзя было опредѣлить съ точностью; у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе,—открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ корешокъ у сухой фиги; два глаза небольшие, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными штрихами и крапинами, и оттого кажется коричневымъ; борода и волосы на головѣ—это все какіе-то ключья. На головѣ шапки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубашки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣнъ и обанчиваются «бахмарою». Рубашка была когда-то изъ розовой нестриди, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Пиренеяхъ надъ бездною ницаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми перстами онъ щипалъ свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью лучше испанца съ гитарой. Это былъ не человекъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледащаго дерева, и его теперь гонитъ и кружитъ по вѣтру, и мочитъ его, и сушитъ, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И виднись его, и не разумѣнъ: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! что сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели, если бы

*) «Атта-Троль».

птицы неклевали его въ зёрнѣ, или если бы камень жерновъ утопалъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно. «вѣсть Господь, чего ради изнемождаетъ плоть сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ «страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и сталъ, и никому не сказать ни слова... Босыя ноги его всё въ болотинѣ, волосы шевелятся... Я близорукъ, но я вижу, что тамъ дѣлается. Руки его висятъ вдоль реберъ, и онъ большими перстами загнулъ ихъ за веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Нѣтъ, это какія-то увядшія плети тыквы, которую никто не поливалъ въ засуху. Глаза круглые, унылые и разнаго цвѣта — они не глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ что-то двигаетъ; это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ, и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желасшь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи наскоро изъяснилъ о немъ, что онъ «изъ-за Москвы». — «оголѣлъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у него въ ночлежномъ приютѣ какой-то странникъ укралъ пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ ума и взять и высланъ «съ лишеньемъ столицы», но не вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнадцать рублей отыскивать.

И когда рассказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался; онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слѣпымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подають... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали,—кажется, мы всѣ страдали, а онъ, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего!*

— Убитый человѣкъ!—прошепталъ нищій-лавочникъ:— въ разсудкѣ рѣшается,—и подаль ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь!—сказалъ лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ счистить и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну, такъ что-жь... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по яблочку.

— Ну, да; а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что ненадлежаще явилось, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ: все-таки пушай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него,—вздвинулъ плечами и прошепталъ:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услышалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Расскажи барину, какъ генераль докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Нарву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со

словъ своей знакомой пяни. но только порціонъ ее излагать въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жилъ возлѣ рынка генераль... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кѣтеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую кралю принять чай пить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли его и стали надъ нимъ опытъ струментой пробовать, всѣ чувствія угасили, но въ подщиколкѣ еще нульсь билъ. Генераль его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвали докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и понадали... А генераль двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «ступай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которыя у него странникъ укралъ. Онъ мои двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармановъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ прѣзжаетъ съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждутъ генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говоритъ,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше рассказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову кушать, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на шинурѣ съ мостка въ воду трубку и болтаетъ ее и взадъ и впередъ водить. Пополоскаеть-пополоскаеть и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запуститъ... Люди увидали это и нѣсколько человекъ остановились, а потомъ вскричали ему: «Докторъ, молю, докторъ! Слынь-ко, оставь, молю, лучше эту... струментацию! Полно тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, молю; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ кинулъ. Ну, уми тутъ его одинъ по голой плоти хворостиной

и дернулъ. И стали приставать. «Подай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что тамъ посажено». А онъ первой же хворостины испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумеется, за нимъ ужъ и многіе рушили, и конь догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзво бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо упалъ—такъ на-смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вскочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходиться всѣ фабричные и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу впускать... И теперь безмякошства, и ждутъ, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Реселя, а съ другой вступитъ графъ Барановъ—и начнетъ всѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки» — это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на *plage*. Вѣтеръ или вода, значить, занесли «запятую» прежде всего туда, въ наше фешенебельное мѣсто; но тамъ, на *plage*, «запятой» «среда не благопріятствовала», и занятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и ностороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполне благопріятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «запятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и я, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтверженіе на фактѣ». такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Парву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой канавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуйя!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлеснулъ лошадь и хлѣба ему не кинулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ публикаціей—онъ тебя удовольствуетъ!

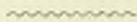
А на «порціонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и рваныхъ портъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ налицо все: какая у нея видимость и умственность, чтó у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческой. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: чтó есть, то все взято безъ всякой пропорціи, не на взвѣсъ, а на глазомѣръ или, еще проще,— сколько влѣзю. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе понало сюда злого намѣренія и расчѣта. Этого снадобля тутъ не болѣе, чѣмъ поэзіи Фета, которая участвуетъ въ составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, неспавидѣвшаго народныя несуразности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтникѣ или неслась падь деревнею по воздуху, слетѣвъ съ устъ пѣвицы, «запузыривавшей» за фортепианомъ въ дворянскомъ домѣ. Аѵ. Аѵ. Фетъ вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормозитъ его «милую крошку», но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листъ сухой гоняетъ и треплетъ, и ѵнь то летитъ, то катится, то гнѣтъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное; все остальное—зыбь поднебесная, марево, буддѣйская карма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинилъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! сжался надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

РАСТОЧИТЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посв. артисту Н. Зубову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Иванъ Максимовичъ Молчановъ, молодой купецъ, 30 лѣтъ. Одѣвается по-современному; держится ловко; носить бороду.

Марья Парменовка, жена его, 28 лѣтъ.

Пармень Семеновичъ Мякишевъ, тесть Молчанова, купецъ рослый, тяжелый, съ большою просѣдью; одѣвается по-старинѣ.

Анна Семеновна, жена его, купчиха лѣтъ за 40.

Фирсъ Григорьевичъ Князевъ, купецъ лѣтъ 60, бодрый, сдержанный и энергическій. Съдые волосы на его головѣ острижены пизко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже съдая; одѣтъ въ длинный сюртукъ, сдѣланный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. — Первый человекъ въ городѣ.

Иванъ Николаевичъ Колокольцовъ, товарищъ Молчанова, 30 лѣтъ, городской голова.

Вонифатій Викентьевичъ Минутка, думскій секретарь, изъ поляковы.

Калина Дмитріевичъ Дробадоновъ, дядя Молчанова по женской линіи, кушечъ очень крупнаго тѣлосложенія, лѣтъ 42; одѣтъ неряшливо.

Иванъ Петровичъ Канунниковъ }
Матвій Ивановъ Варенцовъ } пошлые купцы и члены Думы.
Илья Сергѣевъ Гвоздевъ }

Марина Николаевна Гуслярова, молодая женщина лѣтъ 27, дочь пашки Ивана Молчанова, воспитанная въ дѣтствѣ въ Молчановскомъ домѣ.

Старуха, мать Марины, слѣпая.

Алеша Босой, помѣшанный, слыветъ юродивымъ: онъ не носитъ никакой обуви и зиму и лѣтомъ ходитъ босой въ одной длинной рубахѣ.

Спиридонъ Обрѣзовъ, старый ткачъ.

Павлушка Челночекъ, мастеровой.

Служанка въ домѣ Мякишевыхъ.

Алена } слободскія дѣвчшкп.
Саша }

Пріѣзжій паревь.

Двое дѣтей Молчапова.

Фабричные, купцы и мѣщане, полицейскіе солдаты и квартальный.
Дѣйствіе происходитъ въ 1867 году, въ большомъ торговомъ городѣ:

1-е—въ садовой бесѣдкѣ у Князева.

2-е—въ городскомъ домѣ Молчапова.

3-е—въ домѣ Мякишевыхъ.

4-е—въ паркѣ при Молчаповскихъ фабрикахъ.

5-е—въ домѣ Дробадонова.

Между 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, а между 4-мъ и 5-мъ—три мѣсяца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная садовая бесѣдка, обращенная въ лѣтнее жилище Князева и убранная, какъ кабинетъ достаточнаго чловѣка, но нѣсколько въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князевъ (при поднятій занавѣса сидитъ за стариннымъ бюро корельской бѣрезы и читаетъ письмо). «А къ сему еще и то тебѣ, любезный Фирсь Григорьевичъ, прибавлю, что у насъ въ столицѣ нынѣ нѣчто совсѣмъ огь прежняго отмѣнилось, и хоша то и справедливо, что на всякую болѣзнь свое зелье растеть, только нынѣ аптекъ тѣхъ уже нѣту, гдѣ зелье противу нашихъ немочей приготавливалось. Судь старый рухнулъ, и при новыхъ судебныхъ выдумкахъ я въ дѣлѣ, о коемъ ты пишешь, пособникомъ быть считаю не безопаснымъ. Одно, что могу тебѣ присовѣтовать, то признайся ты ниному своему Молчапову, въ чемъ грѣшенъ, и ненадлежаще отъ него присвоенное возврати. Иной же поправки сему дѣлу въ нынѣшнія тяжкія времена не ожидай». (*Нетерпливо дерая письмо, продолжаетъ скороговоркою*): «Молчаповъ пылокъ и добръ, и если ты передъ нимъ, какъ прочіе купцы дѣлаютъ, хорошенько расплачешься, то онъ, пожалуй, и разжалобится...» (*Колжастъ письмо*). Дуракъ. а не стряпчій! Чортъ его знаетъ, что онъ мнѣ за отвѣтъ написалъ! Я его спрашивалъ: какъ мнѣ быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться въ Молчаповскомъ опекунскомъ дѣлѣ и сдать отчеты безъ приплаты, а онъ вонъ что отвѣчаетъ: «отдать!» Отдать!... Да нечего отдать,

глупецъ!... Распакаться!... Кто это видѣлъ, какъ Фирсъ Князевъ плачетъ! и передъ кѣмъ? И отъ чего заплакать?.. Вашъ новый судъ! Что жъ это—люди, что ль, переѣмѣлись? Вздоръ! Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ умомъ не сдѣлалъ въ Россіи того, что хочетъ... Все это выдумка! Да наконецъ и графъ Александръ Андреичъ этого не можетъ допустить. На него на полмилліона векселей при такомъ судѣ представить, а онъ платить долговъ не поваженъ. Шустое, вздоръ, мечтанье, форма... Нѣтъ, меня не запугаете, и пока этотъ лобъ наружу, на Фирса Князева узды вамъ не накинуть. (*Слышенъ стукъ въ двери.*) Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Минутка (*входит*). Не беспокойтесь: это я.

Князевъ. Что ты тамъ пропадалъ столько времени? Велики, знать, очень секретарскіе разносолы.

Минутка (*успокаиваясь*). Нѣтъ, какіе тамъ наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видалъ.... да ей и нездоровится.

Князевъ. Ну, что тамъ нездоровится... псовая болѣзнь до поля, бабья до постели: выспится и здорова будетъ.

Минутка (*подобострастно улыбаясь*). Это такъ, такъ... онѣ, какъ кошки: переволоки на другое мѣсто и опять живутъ... Ну ахъ, чтобъ вы знали только зато, какъ я разбился... Кажется, занчто на свѣтѣ теперь бы съ постели не всталъ. Вѣдь шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, въ восемь дней въ Петербургъ и назадъ. Хороша дорога, слова цѣтъ, особенно отъ Питера до Владиміра по чугункѣ, какъ въ комнатѣ сидишь; но ужъ отъ Владиміра...

Князевъ (*перебивая*). Да, отъ Владиміра многимъ не нравится... Ну, да къ чоргу это! Расскажи ты мнѣ теперь, братецъ, что же ты сдѣлалъ въ Петербургѣ по моему приказанію? Письмо ты мнѣ отъ стряпчяго привезъ столь глупое, что я этого человѣка послѣ этого сумасшедшимъ считаю.

Минутка (*ослабляясь*). Нѣтъ, большого ума, большого ума человѣкъ, Фирсъ Григорьевичъ! Не дѣти, а мужи, самые настоящіе мужи, дѣльцы и тѣ приуныли. Одно слово, какъ стряпчій сказалъ, нечего и рецептовъ писать, когда наши аптеки всѣ закрыты. (*Разводитъ руками*).

Князевъ. Какъ же это,—стало-быть, и ты уже безъ взятокъ жить собираешься?

Минутка. А что жъ подѣлаешь!

Князевъ (*встаетъ и начинаетъ ходить*). А вытерпѣть надѣешься?

Минутка. Представьте, Фирсъ Григорычъ... чтобъ вы знали, ни денегъ дать, ни упросить его, ни подкупить... какъ вамъ это нравится?

Князевъ. А обмануть?

Минутка (*смотря на Князева съ изумленіемъ и растерянно повторяетъ*). Обмануть...

Князевъ. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтобъ вы знали, и обмануть я, Фирсъ Григорычъ, не въ надеждѣ.

Князевъ. Ну обойти, коли не обмануть?

(*Минутка молча разводитъ у себя подъ носомъ руками*).

Князевъ (*про себя*). Однако, и у пивки брюшко залубенѣло. (*Громко.*) Нѣтъ, шагъ Вонифатій, вижу я, что двадцать лѣтъ назадъ, когда тебя только-что прислали изъ Польши на смиреніе, ты смѣлѣй былъ. Помню я, какъ ты, первый разъ, какъ я тебя у полицеймейстера за завтракомъ увидѣлъ, разсуждалъ, что «въ Россіи невозможности нѣтъ». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбилъ и на службу принялъ и секретаремъ въ Думѣ сдѣлалъ, и двадцать лѣтъ намъ съ тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лѣтъ назадъ вѣдь говорилъ я, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ. Да; въ эти двадцать лѣтъ ты понажился, а я... а я прожился.

Минутка. Кто жъ этому причиной, Фирсъ Григорычъ? Не я тому причиной: я жилъ по средствамъ, вы же...

Князевъ (*перебивая*). Молчи, сморчокъ!... Въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чортъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ, такъ не тебѣ про то судить, кто виновать. Когда бъ не эти черти, я и теперь бы дома не сидѣлъ и не послалъ бы тебя въ Питерь. (*Успокаиваясь.*) Говори, велико ли время еще дадутъ мнѣ на передышку?

Минутка (*пожавъ плечами*). Сказали такъ, что дѣло обѣ отчетѣ два мѣсяца не болѣе могутъ продержатъ, и тогда потребуютъ остатки.

Князевъ. Сколько?

Минутка. Начету будетъ тысячь двѣсти.

Князевъ. Двѣсти тысячь!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мнѣ врать.

Князевъ. На что?.. А ты соври себѣ, чтобъ легче было отвѣчать.

Минутка (*всекакивая и броча*). Да я-то что же здѣсь? Я здѣсь при чемъ же, Фирсъ Григорычъ?

Князевъ. Агу, дружокекъ! Ты здѣсь при чемъ? А не знаешь ли ты того подьячаго, что намъ съ Мякишевымъ двадцать лѣтъ отчеты по Молчановской онекѣ выводить? Что, голубь! Я вѣдь бумажки прячу.

Минутка (*потерявшись, не знаетъ, что сказать*).

Князевъ. А! Пшь, какъ дрожитъ! Вотъ тѣмъ-то вы, лянги, и скверны. Но каверзу вотъ тутъ васъ взять, а если гдѣ придется стать лицомъ къ лицу съ бѣдою, такъ тутъ вы ужъ и жидки на расправу. (*Гроза пальцемъ*.) Эй, пань, со мною не финти! (*Сюжетъ*.) Я вѣрлю кованъ! Я знаю, куда ступаю. Я сѣль онекуномъ, такъ изъ всѣхъ должностей вы-сѣль, а тебя, дурака, въ Думу посадилъ, и... придется къ тому, такъ... я же тебя и въ тюрьму посажу. Чего дрожншь! Чего? не бойся. Вѣдь новый судъ надъ нами еще не начался, а до тѣхъ поръ держись... вотъ тутъ вотъ... за полу мою держись, покуда... (*съ омерзѣнiемъ*) покуда въ ность сапогомъ не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирсъ Григорычъ! Я, что ль, за новый судъ! Да занито на свѣтъ! Тифу! вотъ ему чтѣ отъ меня, новому суду. Я, чтобъ вы знали, я вѣрль чѣмъ угодно готовъ служить вамъ, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ. Ну, вѣрль — гдѣ тебѣ вѣрль служить? Я тебя посылаю каверзить—слышишь, каверзить. Больше вы, пань, ни на что не способны.

Минутка. Да ну-те бо, Богъ зъ вами, какой я пань, я такой же, какъ и вы, русскій человекъ.

Князевъ (*презрительно*). Ну, врешь—такой же! — что у тебя на русской службѣ польская кость собачьимъ мясомъ сбросала, такъ ужъ ты отъ этого и русскимъ сдѣлался! Впрочемъ, не русишь: ты мнѣ такой и нуженъ, какой ты есть! Гдѣ ума потребуется, тамъ мы своего понншемъ; а ты ступай повсюду... бунтуй народъ, мѣщанъ, особенно фабричныхъ.. Заслатъ людей, чтобы и малому и старому твердили.

что Фирсъ Григорьичъ ихъ отецъ, что онъ застоя ихъ; онъ благодѣтель ихъ и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, моль, въ прошломъ году совѣмъ - было быть набору... а какъ министерскій чиновникъ черезъ нашъ городъ проѣхалъ да съ Князевымъ повидался, — и набору, моль, конецъ. Ты все это долженъ помнить: самъ, вѣдь, распускалъ. Теперь онять все это имъ напѣть, да растолковать имъ, канальямъ, что я все могу сдѣлать.

Минутка. Это... это, что и толковать! Этому, чтобъ вы знали. они и такъ всё вѣрятъ.

Князевъ. Знаю! И то... да! скажи. что онять въ Петербургѣ про наборъ слышалъ... Это старо, да еще не извѣдилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь отъ Молчановской онеки, не откажусь быть головою и... «его, моль, выберутъ». Это ничего, что не ты, а они выбирать будутъ—ты прямо говори, что выберутъ.

Минутка (*смѣясь*). Быдло!.. Скотъ, скотъ... бараны... я про народъ-то говорю: бараны!

Князевъ. Да; ступай и дѣйствуй смѣло, а я здѣсь кое-о чемъ подумаю.

Минутка. Одно только, какъ бы это такъ получше, Фирсъ Григорьичъ, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князевъ. Ну, объ этомъ ты не заботься: у насъ правда молчкомъ лежитъ, а брехню пусти съ уха на ухо, она пролетитъ съ угла на уголь. Ступай.

Минутка (*порываясь къ двери*). Прощайте, до свиданья.

Князевъ. Да то еще... Да! если что-нибудь тебѣ случится разузнать, что Ванюшка Молчановъ не спокоенъ, что что-нибудь затѣваетъ...

Минутка. То дать вамъ звать?

Князевъ. Да, ту жъ минуту; ту жъ секунду... Слышишь: ту жъ секунду. Бѣги сюда хоть ночь, хоть за-полночь... да не ломись дворомъ, гдѣ люди видятъ, а оттуда, знаешь, съ выгона подергай за веревку. Я самъ тебя впущу въ садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князевъ. Не дай зѣвка.—Миѣ кажется, что онъ не даромъ что-то очень тихъ. (*Про себя.*) Чортъ знаетъ... я бойкихъ людей не люблю и очень тихихъ не люблю тоже. Не вѣрю я тихимъ. (*Минуткѣ.*) Не вѣрю я тихимъ!

Минутка. Фирсъ Григорычъ, не безпокойтесь! Кто тихо ходитъ, того чохъ выдастъ... чохъ выдастъ... хе-хе-хе, чохъ...

Князевъ. Ступай.

(Минутка уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Князевъ *(одинъ медленно и съ усталостію)*. Проклятая самая вещь чужіе миллионы въ рукахъ держать: ладони сами словно клеємъ приклеиваются—все такъ и пристаесть къ нимъ, такъ и пристаесть; а потомъ вотъ какъ понаплинетъ—и трудно приходится разсчитываться. Двѣ недѣли! Что тутъ можно сдѣлать изъ ничего въ двѣ недѣли? А не сдѣлай,—бубновый тузъ тебѣ на спину и въ каторгу. Гм! Но и еще и не въ томъ дѣло, что въ двѣ недѣли, и не въ томъ, что изъ «ничего»; а когда это? въ какое время? когда я узавленъ, когда я умою помраченъ и только мечтаю о сласти, когда все наконецъ ужъ такъ доведено, что Маринѣ шагу ступить безъ меня невозможно... Сегодня ей ужъ послѣдній ударъ нанесенъ: я вчера велѣлъ Дросидѣ, чтобъ нынче выгнать ихъ — и ее и мать — если Марина еще ломаться будетъ. Теперь ей одинъ выборъ — идти съ сѣбною матерью питаться желудьми или... придти ко мнѣ. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый часъ въ исходѣ... Непремѣнно должна бы сейчасъ быть... Небось, закутается... идетъ, словно земля подъ ней проваливается, и все плачетъ. Гм! *(Подумавъ.)* А я очень люблю иногда плачущихъ женщинъ... *(Страстно.)* У нихъ въ это время, когда онѣ плачутъ, губы такія... жаркія, и все какъ бабочка на булавкѣ трепещутся... Давно ужъ, давно я не цѣловать этакой! *(Задумывается.)* Изучились всѣ, всѣ ужъ и здѣшнія-то приучились, какъ рыбы холодныя на блессточку ходять, только блессточекъ заготовлявай... Ахъ, эти блессточки, блессточки!... Вотъ, чортъ возьми, вертись, какъ жидъ передъ жолнеромъ: то баба, то свое спасенье. *(Садится къ столу, на которомъ стоятъ книги законовъ.)* Неужто же въ самомъ дѣлѣ ни умъ, ни законъ, ничто не поможетъ? Нѣтъ! чтобъ выгонять вонъ изъ головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а нынѣ на законъ *(Раскрываетъ одну за другою нѣсколько книгъ.)* Что жъ!.. Говорятъ, подьячій отъ закона питается: не утѣшитъ ли онъ и насъ чѣмъ? *(Читаетъ.)*

«О фальшивых монетчиках». — Вот эта статья интересная. Только велика трупна требуется. (*Ищетъ далье.*) «О нарушении союза брачнаго». (*Останавливается и нѣсколько секундъ читаетъ.*) Мужъ можетъ потребовать жену къ совмѣстному сожителству... а чтобы онъ не потребовалъ... (*Съ досадою.*) Но это опять все про нее! про нее!.. (*Оглядывается на дверь.*) Однако, что-то вотъ ея и нѣтъ. (*Глядя въ книгу.*) «О расточительствѣ». Вотъ этимъ закономъ меня хорошо было съ дѣтства отчитывать. (*Вздыхаетъ и бросаетъ книгу.*) Все вздоръ! Есть только то, чего не надо; а за что зацѣпиться? на чемъ выскочить?.. На что стать да насмѣяться этимъ и новымъ судамъ, и новымъ людемъ. — того и нѣтъ! (*Слышится стукъ въ двери.*) Ага, вотъ и она! (*Откидываетъ крючокъ.*) Одна?

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Дросида (*входя*). Одна, родимый. Да и съ кѣмъ же быть-то? Не съ кѣмъ.

Князевъ. Какъ не съ кѣмъ! Что такое?

Дросида. Да вѣдь ушла она, Марьяна-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты ужъ знаешь, потому весь городъ знаешь. Я про то и идти и глазъ тебѣ показать боялась, что ты, молю, такой человѣкъ... гнѣвнень теперь...

Князевъ. Ты толкомъ мнѣ говори. Я твоей этой болтовни ничего не понимаю. Я дома сидѣлъ: ничего не слышалъ, а докладывать — кто мнѣ смѣетъ про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я говорю, ты вспомани, Марьянушка, что кто вѣдь былъ твоей застойей? Подумай, молю, что ты вѣдь мужняя жена, а мужъ твой есть убивецъ. Кто за тебѣ вступился? Фирсъ Григорычъ. Кто мужа твоего по чести спровадилъ въ Питеръ да еще и денегъ на разживу далъ, — кто? все же Фирсъ Григорычъ. Кто этотъ домикъ-то, не домикъ, а хоромы добрыя тебѣ удержалъ, не далъ твоему мужу прогусарить? — опять же Фирсъ Григорычъ!

Князевъ. Ну!

Дросида. Да какъ же тебѣ, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говоритъ, отъ мужа и сама убѣгла, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, разбойникъ; а что хоромы, такъ это, говоритъ, вѣдь наши притоманныя, свои хоромы: ихъ Фирсъ Григорьевичъ обманствомъ выманилъ: говорилъ,

чтобъ только переписать за него, чтобы мужъ меня подь домъ денегъ занимать не заставлялъ; а нынче видно пугку эту въ правду ужъ повернулъ. Такъ мнѣ плевать, говорить, на эти п хоромы Я, говорить, нужды не боюсь, а ужъ тѣла своего не продаю. Дура ты, говорю ей, такъ же вѣдь съ своимъ съ разбойникомъ-то жила и тѣло ему предавала. Ну, то, говорить, законъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, и бабы про законъ за- пѣли!

Дросида. Да, говорить, законъ. Да что, молъ, намъ, ни- шимъ, законъ! Хорошо въ законѣ ходитъ, кому Богъ обужку далъ, а у насъ рѣдкая-рѣдкая, которая отъ Фирса Григорыча чѣмъ не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князевъ. Ну, это ты проѣзжай мимо съ своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она съ этимъ харкъ мнѣ въ глаза, да говорить: змѣя ты, да еще змѣи хуже, потому и змѣя своихъ черевъ не вѣсть, а ты къ чему дочь устроила. Я ужъ тутъ-то не стерѣла, да и говорю: ну, коли ты гово- ришь, что я свое дитя съѣла, то ты хуже меня будешь и свою мать съѣшь. Мнѣ, говорю, отъ Фирса Григорыча такой приказъ данъ теперь, что если ты ношъ своихъ ка- призовъ не переломишь да не пойдешь къ нему, такъ замѣсть того, чтобы онъ домъ на тебя записать, вотъ тебѣ Богъ да порогъ: выходи вонъ отсюда съ своею матерью.

Князевъ. Ну, и что жъ она?

Дросида. Что жъ ей, безчувственной, Фирсъ Григорычъ! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. «Собирайся, маменька: нашъ домъ-то не нашъ, го- ворить, вышелъ». Повязала узлы, да и слѣдъ ихъ таковъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, какой, однако, въ этой бабенкѣ гоноръ сидитъ. (*Отходитъ.*) Вѣдь это... вѣдь это я вамъ говорю (*цѣлуетъ пальцы*)... вѣдь это супер-фейнтъ! Эта... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь. Я и этотъ родъ знаю. Знаю, знаю! Сей родъ ничѣмъ же пзымается, но хорошъ, хорошъ, заманчивъ. Дуру, какъ галку, сейчасъ подманншь, и сама и на плечо садится; а этакую... какъ сокола ее надо вынашивать... Майть ее, чтобы одурь ее взяла... чтобъ отдыху ей не было, чтобъ изъ силъ вы- билась, съ тѣла спала... Въ нихъ вѣдь это не то... не мя-

коть, не тѣло дорого... а въ шхъ... Да дьяволъ ихъ знаетъ, что въ шхъ такое! (*Дросида*). Ну, и куда же она пошла?

Дросида. Да ужъ прежде, видно, Фирсь Григорьичъ, у шхъ мѣсто-то готовлено. Она такъ прямо, плюнувши, и говоритъ: страшать было вамъ, говорить, меня допрежь сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а нонѣ мнѣ спасибо вамъ, что выгнали. Взяла слѣпую мать и повела къ Молчапову на дачу.

Князевъ (вскакивая). Къ Молчапову? Ты врешь!

Дросида. Миѣ ли лгать тебѣ, родимый Фирсь Григорьичъ. Сама я видѣла, какъ взяли за уголь и полеми поцелелись двоимъ къ Молчановской слободкѣ.

Князевъ (проворно вскакивъ и расглаголювая. Про себя). А. Сратъ Иванъ Максимычъ, ты что-то частенько сталъ мнѣ воперекъ дороги шнырять. За тебя терплю, да и отъ тебя терпѣть — это ужъ не много ли будетъ по двѣ собаки на день! (*Слышеть стукъ въ дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Минутка.

Минутка (блѣдный и взволнованный вѣщаетъ и, обращаясь къ Дросидѣ). Ступай отсюда, ступай! Прикажите ей, Фирсь Григорьичъ, поскорѣе вонъ выйти.

Князевъ (Дросидѣ). Поди тамъ подожди въ саду.
(*Дросида уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же безъ Дросиды.

Князевъ. Чего ты мечешься, какъ угорѣлый?

Минутка. Да, угорѣлъ... прекрасно вы всѣхъ насъ учадили: на цѣлый вѣкъ этого угару хватить.

Князевъ. Не ври: всякій угаръ пройдетъ, какъ свиньи спать лягутъ. Ты говори, въ чемъ дѣло?

Минутка. Помилуйте, да вамъ вѣдь лучше знать, въ чемъ дѣло. Скажите-ка вы, гдѣ у васъ черновые счета, которыми вы меня пугали?

Князевъ. Въ коробѣ спрятаны.

Минутка (плачливо). Да что вы шутите! намъ не до шутокъ. Нѣтъ, онѣ точно въ коробѣ, да не въ вашей... Ихъ нѣтъ у васъ: вы обронили ихъ хмельной у Марины Николаевны, да и не хватитесь. Стыдно вамъ, Фирсь Григорьичъ!

Князевъ (*въ ужасъ*). Она могла Молчанову отдать ихъ!

Минутка (*нервно*). Да что угадывать, когда ужъ отдала. (*Плачетъ*). Вотъ то-то вотъ... вино да бабочки... библейскаго Самсона и того остригли, и васъ остригутъ! Повѣрьте, остригутъ. (*Къ публикѣ*.) Лѣзетъ къ женщинѣ: та его терпѣть не можетъ, говоритъ такъ съ нимъ, съ омерзѣніемъ съ такимъ, что смотрѣтъ совѣстно, а онъ все къ ней... Съ ума сошелъ драхлець... Гдѣ гордъ, а тутъ ужъ и гордости нѣтъ.

Князевъ (*не слушая*). Теперь не остается много думать... Ступай сейчасъ къ Молчанову... не дожидайся утра, а сейчасъ ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка (*перевивая*). Да; теперь мириться съ нимъ, прощенья у него просить готовы.

Князевъ (*кусая губы*). Да, прощенья.

Минутка (*смѣло*). Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я ужъ просить — сейчасъ оттудова. Я какъ узналъ, что всѣ наши счета и фактуры у него въ рукахъ, такъ первымъ же дѣломъ прямо бросился къ нему... да не въ дворъ, а въ огородъ... подъ окна...

Князевъ (*схватывая Минутку за руку*). Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну, молодець, умно.

Минутка. Чтобы посмотреть, что можно сдѣлать...

Князевъ. Ну!

Минутка. Ну! (*Налло*.) Ну и ну! поднялся на карнизецъ да гляжу въ окошко: вижу, свѣчи горять, а никого нѣтъ, какъ вдругъ въ это время кто-то хватъ меня прямо за... ухо.

Князевъ. Тебя?

Минутка. Да, разумѣется, меня! вѣдь васъ тамъ не было. Оказывается, что это самъ господишъ Молчановъ. Держитъ за ухо и говоритъ: «а, Князевскій шпионъ, мое почтение»... и хотѣлъ-было людей звать. — Иванъ Максимычъ, что вы! говорю, да Богъ-бо зъ вами! какой я шпионъ? Я, говорю, я, чтобъ вы знали, къ вамъ отъ Фирса Григорыча съ тѣмъ и присланъ, чтобы миръ сдѣлать; Фирсъ Григорычъ, говорю, сами быть у васъ желаютъ... А онъ...

Князевъ (*нетерпѣливо*). Ну да; а онъ? Что жъ онъ?

Минутка (*вздолгнувъ*). А онъ... Пословъ, говорить, ни худыхъ, ни хорошихъ, не бьютъ, не бранятъ, а жадууютъ. И въ этомъ видѣ, такъ и носель.

Князевъ. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я жъ вамъ говорю, что за ухо! *(Вздыхнувъ.)* Повелъ въ кабинетъ. Провелъ, да и далъ мнѣ прочитать бумагу... Останетесь довольны, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ *(истертъливо)*. Что это за бумага?

Минутка *(тихо)*. Въ Петербургъ.

Князевъ. О чемъ?

Минутка *(еще тише и спокойнѣе)*. О томъ, что начеть на васъ онъ дарить на дѣтскіе приюты.

Князевъ. Всѣ двѣсти тысячь?

Минутка. Съ процентами... Что-съ. Фирсъ Григорьичъ? Просить было, пока время было. Теперь вѣдь не съ Молчановымъ — тѣ не простятъ.

Князевъ *(хватая Минутку за бортикъ)*. Украдь эту бумагу съ почты.

Минутка *(спокойно)*. Не рвите платья понапрасну. Бумаги вѣтъ: она ужъ третій день тому назадъ пошла съ нарочнымъ. Я видѣлъ копію.

Князевъ *(бросаетъ Минутку)*. Что жъ это вы меня живьемъ, что ли, хотите въ руки выдать! *(Снова хватая бышено Минутку.)* Ты говоришь, что поздно красть! — *(съ азартомъ)* такъ я же буду рѣзать! жечь!.. душить!.. *(Бѣжитъ къ двери.)*

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, что вы говорите?

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Дробадоновъ *(показывается въ это время съ дверяхъ и преграждаетъ Князеву дорогу.)* Что, еще охота все душить, да рѣзать? Довольно, кажется, въ свой вѣкъ ты ужъ и красть, и рѣзать.

Князевъ *(инъвно)*. Что это? какъ ты смѣлъ сюда взойти? Пошелъ отсюда вонъ!

Дробадоновъ. Не прогоняй — и самъ не засижусь. *(Беретъ молча Минутку за плечи, выставляетъ его за порогъ и запираетъ за нимъ дверь.)* Не по своимъ дѣламъ къ тебѣ я, а отъ людей посланъ. Куда ты выивырнулъ Марину Гуслярову съ слѣпою матерью изъ дому?

Князевъ. На просторъ.

Дробадоновъ. Да какъ же такъ?

Князевъ. Такъ: очень просто — домъ мой и власть мол.

Дробадоновъ. Домъ твой и власть твоя, да и твои жъ вѣдь и безчестье. Ты домъ купилъ у нихъ за безцѣнокъ; сказалъ, что это только для того, чтобъ мужъ Марину не неволилъ занпмать подъ домъ да отдавать ему на пьянство, а что они до вѣку будутъ въ этомъ домѣ жить.

Князевъ. Да вѣдь то-то вотъ видишь — я своему слову господинъ: хочу держу, хочу въ карманъ прячу. Стунай проси ва меня, если хочешь.

Дробадоновъ. Чтѣ просить? А ты грѣха побойся, Фирсѣ Григорычъ. Извѣстно намъ, чего ты хочешь отъ Маринны Николавны. Она не говорлива, да у людей-то вѣдь глаза — не бѣльма. Грѣшилъ ты много, Фирсѣ Григорычъ; но нонѣ, кажется, не тѣ бы ужъ твои года... Ужъ я старикъ почти, а ты вѣдь мнѣ въ отцы годишься. Тебѣ бъ теперь пора молиться Богу, да просить себѣ деревяннаго тулупа.

Князевъ (раздражительно). Да ты кашу, что ли, ѣлъ на моихъ крестинахъ, или воду выливалъ?

Дробадоновъ. Да Богъ съ тобой, съ твоими лѣтами. Я въ томъ пришелъ тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчапова до безконечнаго раздора. Ты выгналъ изъ дому Марину; имъ съ матерью некуда дѣться было. Въ городѣ, тебя боясь, никто ихъ не приметъ. Я бы радъ ихъ душой принять, да самъ съ сестрой и съ матерью едва мѣщусь: — ну, онѣ, разумеется, къ Молчанову пошли; а вѣдь тебѣ и безъ того извѣстно, что весь народъ въ одно про нихъ твердитъ и путаетъ Марину съ Ваней. Теперь онъ ихъ вчера приотилъ, а это до семейныхъ уже дошло, и въ домѣ адъ насталь.

Князевъ. Ага! и адъ уже насталь? Чего жъ бы кажется? То ѣздила туда кататься, теперь живеть: не велико различье.

Дробадоновъ. Будь миротворецъ — вороти ты этотъ домъ старухѣ.

Князевъ (оливо глядя въ глаза Дробадонову). Калина Дмигричъ! Что ты — дуракъ или родомъ такъ?

Дробадоновъ. Послушай, Фирсѣ Григорычъ! Ругательствомъ твоимъ не обижаюсь. Я не дуракъ и совѣсть у меня чиста, и такимъ меня мѣръ знаетъ. Я бѣденъ, да въ свою мѣру уважають меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мнѣ и не страшень: я не боюсь тебя. А я тебя по-христіански прошу и совѣтую тебѣ: оцомнись, Фирсѣ Григорычъ,

сдѣлай хоть что-нибудь доброе: пусть не все же боится — пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станетъ.

Князевъ. А мнѣ, любезный, это все равно: люби, не люби, да почаще взглядывай.

Дробадоновъ. Положимъ, что и тутъ ты правъ; но ты подумай, что говорятъ-то о тебѣ.

Князевъ. Плюю!

Дробадоновъ. Ну отчего бѣ тебѣ тѣ злыя рѣчи не закрыть добрымъ дѣломъ, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князевъ. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажутъ.

Дробадоновъ. А ты не плюй.

Князевъ. Что-о-о?

Дробадоновъ. Не плюй — вотъ что. Погода поднимается: неравно назадъ откинеть, въ свою рожу плюнешь. (*Подходитъ съ значительной миной.*) Говорятъ, будто ты утопилъ Максима Молчанова.

Князевъ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Неужто?

Дробадоновъ. Говорятъ, что когда Максимъ Петровичъ написалъ духовную, гдѣ, обойдя всю женщину родню, завѣщалъ сына въ опеку тебѣ съ Мякишевымъ, ты никакъ дождаться не могъ, когда прійдутъ къ тебѣ въ руки милліоны.

Князевъ. Ишь, какой шельма народъ произительный: ничего отъ него не утаишь.

Дробадоновъ (*подходитъ еще ближе*). Говорятъ, что разъ, когда вы купались втроемъ — ты, онъ, да Алеша Брылкинъ — ты взялъ и началъ окупать Максима Петровича Молчанова, да и заокупалъ шутя; а какъ его заокупалъ, тогда бросился за Брылкинымъ Алешей, чтобы и свидѣтеля не было. Тотъ уходилъ, молился, плакалъ; но ты и съ нимъ покончилъ. Максимъ Молчановъ потонулъ, и не нашли его. А Алешу жъ Брылкина хоша и вынули и откачали. да что по немъ! Ужъ онъ тебѣ не страшенъ: онъ съ ума сошелъ и поднесъ остался сумасшедшимъ и бродитъ въ рубищѣ; (*махнувъ рукой*) да въ томъ. можетъ-быть, его и счастье, что онъ въ разсудкѣ помѣшался, а то ты бы и его спровадилъ.

Князевъ. Скажи, пожалуйста... совсѣмъ бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадоновъ. Что по Окѣ несетъ, то въ Волгу попадаетъ

и Волгою всю Русь проходить и широкому Каспю жалуется. Не кичись, что доказательствъ нѣтъ: былѣнка, травка шепчуть ихъ и Господу, и людямъ. Припомни: Валаамъ ослицею былъ обличенъ!

Князевъ. Да ты это что пришелъ мнѣ здѣсь читать! Я, братъ, къ пону хожу.

Дробадоновъ. Я тебѣ сказываю, что народъ говорить.

Князевъ. А я тебѣ говорю, что я на это плюю.

Дробадоновъ. Плюй, плюй, да ужь къ сему покрайности не согрѣшай. Нашъ день съль въ беззаконіяхъ за горы, и нояъ судъ не прежній. Гляди, не ровень часть, всплывуть и старыя грѣхи.

Князевъ (*взволнованно*). И ты про новыи судъ! Холера это, что ли, этотъ судъ, что всѣ вы такъ про него заговорили?

Дробадоновъ. Для иныхъ холера.

Князевъ. А ты не знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не хочу я этого суда!.. Я не пойду на этотъ судъ, гдѣ... тебя и всякаго другого такого скота посадить судить меня. (*Въ раскрытомъ окнѣ появляется смотрящій изъ кувъ сирени темнаго сада Алеша Босый.*) Я никого не боюсь; я ничего не боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не боюсь, суда не боюсь и сатаны со всею преисподней.

Алеша (*унисономъ протяжно*). Утону!.. Ка-ли-п-на Дми-и-тричъ! Во-озьми меня отсю-ю-да. Здѣсь... страшно... Утону...

Князевъ (*вздвогнувъ*). Что это! Вы меня пугать задумали! (*Алеша.*) Прочь, чучело!

(*Алеша, вскрикнувъ, убѣгаетъ.*)

Дробадоновъ. Ахъ ты ругатель! Гордыня-то тебя куда уноситъ. Сейчас ты ничего на свѣтъ не боялся, а вотъ безумный старичокъ забрелъ—и ты вздрогнулъ. Чего ты на меня остребенился? вѣдь я видѣлъ, какъ ты задрожалъ... Не я его подвелъ сюда, а можетъ это Богъ его послалъ, чтобы напомнить грѣхъ твой. Не пожалѣлъ отца ты, Фирсъ Григорычъ, — пожалѣй хоть сына. Боясь тебя, никто на дворъ Гуслировыхъ не пускаетъ жить; у меня вся хата съ орѣхъ, да мать съ сестрами и тѣмъ мѣста нѣтъ,—имъ некуда дѣться, кромѣ Молчанова. Не доводи до этого. Не дѣлай ты худой огласки. Оттого, что Марину взялъ Молча-

новъ, великая бѣда можетъ родиться. Верни имъ домикъ, гдѣ онѣ жили, а если честью воротить не хочешь, такъ вотъ тебѣ Молчановъ шлетъ три тысячи рублей за этотъ домикъ. *(Вынимаетъ пачку ассигнацій и кладетъ ихъ на столъ.)* Возьми и выдай купчую, чтобъ жили тамъ гдѣ жили.

Князевъ. Тыфу пропасть! Да что жъ это такое: вездѣ на всякій часъ, во всякій слѣдъ Молчановъ! Ему о нихъ что за забота?

Дробадоновъ. Что жъ, старуха мамкою его была, а молодая въ ихъ домѣ выросла, они дѣтьми играли вмѣстѣ... онъ человѣкъ богатый, не мотъ, не пьяница, не расточитель... куда жъ ему дѣвать?

Князевъ *(подпрыгнувъ)*. Что ты сказалъ? что ты сказалъ? какое слово?

Дробадоновъ. Я говорю, что его достатки миллионы, а онъ не пьяница, не расточитель.

Князевъ *(про себя)*. Расточитель! *(Распрямляясь.)* Фу-у! батюшки! Орлу обновилася юность! *(Громя Дробадонову.)* Постой, постой!.. Да, хорошо... я домъ продамъ—на что жъ онъ мнѣ? онъ мнѣ не нуженъ, продамъ и завтра выдамъ крѣпость... Но постой же, братецъ, вѣдь это такъ нельзя. Живой человѣкъ живое и думаетъ, и тамъ кто его знаетъ... Нѣтъ, я деньги съ глазу на глазъ брать не стану. *(Беретъ со стола ассигнацій и суетъ ихъ въ руки Дробадонову.)* Возьми-ка, возьми пока, возьми. *(Растворяетъ дверь.)* Эй! Воиѳатій Викентьичъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Минутка.

Князевъ. Вотъ я здѣсь домикъ свой, что на провальѣ, продалъ Ивану Максимовичу, и то-есть не Ивану Максимовичу, а Гуслиаровымъ, Маринѣ Гуслиаровой, только на Ивана Максимовича деньги, такъ сядь-ка нашинь какую слѣдуетъ росписку, что деньги, молъ, три тысячи рублей за сей проданный домъ я отъ Молчанова получилъ и обязываюсь въ мѣсячный срокъ совершить на оной купчую крѣпость на имя Марины Гуслиаровой, а росписку сію положили до совершенія крѣпости дать за руки секретарю Минуткѣ. *(Сажая его за бюро.)* Шинь такъ, какъ сказано. *(Про себя съ самообовольною улыбкою.)* Очень бы хотѣлось мнѣ видѣть теперь какого-нибудь петербургскаго мудреца,

чтобы онъ, глядячи на меня теперь, сказать, что это по его разуму я дѣлаю? Нечего больше и сказать, что Князевъ домъ продаетъ... А Князевъ душу человѣческую и всю совѣсть мірскую подъ ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово.

Князевъ (*скоро подписывается. Минуткѣ*). Подпишись свидѣтелемъ. (*Дробадонову*.) Теперь пожалуй деньги. (*Дробадоновъ подаетъ*.) И ты также подпишись. (*Смотритъ черезъ плечо, пока тотъ пишетъ, и потомъ, взявъ въ руки бумагу, читаетъ*): Книнецъ Калина... Какъ ты это, братецъ, скверно пишешь: не книнецъ надо писать, а купецъ. (*Свертываетъ листъ*.) Минутка, спрячь.

Дробадоновъ. Прощай покуда, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*быстро*). А?.. Да! Прощай, прощай покудова. (*Дробадоновъ уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же, безъ Дробадонова.

Князевъ (*посмотрѣвъ въ слѣдъ Дробадонову*). Ну что жъ, братъ Вонифатій, понялъ?

Минутка. Домъ продали, я больше ничего не понялъ.

Князевъ. Ничего?

Минутка (*пожимая плечами*). Н... ничего. (*Спохватясь*.) Росписку уничтожить?..

Князевъ (*злбно смеется*). Ха-ха-ха! (*Дѣлаетъ приторно свирьное лицо и наступая на Минутку*). Подай се! подай сюда росписку!

Минутка (*испуганный, защищаясь и убѣгая*). Фирсъ Григорычъ, Фирсъ Григорычъ, я не могу... что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ... Фирсъ Григорычъ? Вы деньги взяли, а я долженъ даромъ...

Князевъ. Давай, давай! я подѣлюсь съ тобой.

Минутка. А сколько же мнѣ? (*Опять убѣгая*). Позвольте прежде: сколько же мнѣ?

Князевъ (*глядя на Минутку*). Ну какъ же васъ, такихъ-то попольней, не запугать судами да законами? Свѣтъ умудряется: воздѣ, на всякій часъ искусства новыя; а вы все только ханъ да царь. Это время прошло теперь, чтобъ нижегородски соль красть. Нѣтъ, я, братъ, не въ васъ! Это ты вотъ давеча съ перенугу бормоталъ здѣсь, что ужъ тебѣ теперь и прикоснуться къ взяткамъ страшно; а только по-

судили — ты ужь опять и лану суешь. (*Смѣясь.*) Ахъ ты безстрашный этакой! Въ такія времена, при такомъ судѣ брать взятки! Нѣтъ, я не беззаконникъ! Теперь кто глупъ, такъ тотъ пускай законы нарушаетъ, я чту законъ. Самъ на себя я, видишь, выдаю росписки. Какъ око береги ее! Домъ продашь, только въ немъ не жить тому, кому его купили: на это есть законъ.

Минутка. Такого нѣтъ закона.

Князьевъ (*нервно*). Неправда, есть! (*Бросаетъ на полъ къ ногамъ Минутки лежавшую на столѣ пачку ассигнацій.*) Бери! Три тысячи здѣсь: одну изъ нихъ возьми себѣ; остальные же двѣ представить въ Думу и объявить народу, что Богъ послалъ мнѣ великую удачу въ дѣлѣ трудномъ, и что за это я отъ своихъ щедротъ плачу за бѣдныхъ города всю податную недоимку. (*Подумавъ*). А на тотъ годъ дарю на подать (*съ удареніемъ*) десять... нѣтъ! двадцать... тридцать тысячъ!

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будетъ?

Князьевъ. Откуда?... Отгадай!

Минутка. Нѣтъ, извините, не могу.

Князьевъ (*надвигая перчатку*). Я кладъ нашель.

Минутка (*покиваетъ головой и выражаетъ недоумленіе*). Ряхнулся!

Князьевъ. Аптеку, — понимаешь, аптеку выпскалъ.

Минутка (*не понимая*). Какая аптека? Что это вы, Фирсъ Григорычъ!

Князьевъ. А что странчій-то писалъ: «нѣтъ — говорить — аптеки!» Вздоръ! есть аптека! И не на сей день, а на два вѣка та аптека.

Минутка (*оглядываясь по сторонамъ въ недоумленіи*). Гдѣ вы это видите? Вы пездорovy! Гдѣ аптека?

Князьевъ. Она вотъ въ головахъ въ такихъ премудрыхъ, какъ твоя, да промежъ зубовъ, которымъ чавкать нечего. Подай мнѣ трость и шляпу... Нѣтъ, врите все! Фирсъ Князьевъ не пропалъ! Пусть черви грома прячутся, а стрепету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и двѣ слободскія дѣвушки (*ирользаютъ въ дверь. Одна, постарше, очень смѣла, другая, молоденькая, робко жмется*).

Князевъ *(встрѣвая ихъ, обнимаетъ старшую, которая вскрикиваетъ; потомъ трется около младшей и, когда эти закрываютъ рукою глаза, сажаетъ ее на свою постель)*. Побудьте здѣсь, Алenuшка и Саша. Погрѣйте старичку мѣстечко. А тамъ вонъ въ поставцѣ вино, наливка и мятные груздочки. Погушайте покуда. Я вразъ сейчасъ вернусь.

Алена *(развязно укизывая на Сашу)*. Она робѣетъ, Фирсъ Григорьичъ, съ непривычки.

Князевъ *(глядя Сашу по плочу)*. Робѣетъ. Ничего. Ты не робѣй: мы добрый. *(Минутка)*. Ступай домой теперь *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Князева.

Минутка *(выпустивъ Князева, беретъ свою фуражку. Про себя)*. Домой? Нѣтъ, я ужъ лучше за тобою издали пройду, поприсмотрю, что это ты затѣялъ ночью. *(Уходитъ)*. *(Занавѣсъ падаетъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Молчанова, убранный въ современномъ вкусѣ.
Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Молчановъ *(одѣтъ въ хороший, льняной, утренній пиджакъ. Выпрваживая изъ своей комнаты дѣтей)*. Ступайте съ Богомъ, рѣзвитесь и играйте, только пожалуйста не ссорьтесь. *(Выпускаетъ ихъ за дверь и говоритъ съ порога)*. Прошу васъ, няня, не давайте вы имъ этихъ кошекъ мучить, да собачекъ! Усердно васъ прошу объ этомъ. *(Затворяетъ дверь и идетъ къ письменному столу, который стоитъ вправо отъ зрителей)*. Эхъ, не приведи Господи воспитывать дѣтей безъ матери, а еще хуже съ плохую матерью. *(Садится)*. Не женитесь, добрые люди, на дѣлгахъ... Если и за свою полу недобрая женщина схватится, рѣжьте лучше полу прочь да улетывайте. Что это вотъ за жизнь моя! Какъ вспомню я, бывало, какъ я жилъ въ Германіи: до вечера на фабрикѣ работашь, все учишься; домой придешь — святая тишина въ бѣленькой комнаткѣ.

Тишь, тишь, тишь: про философію даже разсуждаешь. По падокучить эта тишь чужая—бѣжишь на родину... бѣжишь... и здѣсь встрѣчашь свару. Не по какимъ-нибудь такимъ причинамъ, которыхъ отвратить нельзя, все отравляется, а вотъ, словно въ фантастическомъ разсказѣ: Богъ вѣсть откуда, что сыплется: летитъ нежданное и засыпаетъ человека.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Молчановъ и Минутка (который вскакиваетъ черезъ окно).

Молчановъ (*увидѣвъ въ окнѣ Минутку, дѣлаетъ въ изумленіи одинъ шагъ назадъ*). Это что за явленіе? (*Смѣясь*). Вѣрно, гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Минутка (*оправляясь*). Пусть это васъ не удивляетъ, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*улыбаясь*). Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мнѣ этой дорогой никто не ходитъ.

Минутка. Въ наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присѣсть или убираться?

Молчановъ (*улыбаясь*). Это я предоставляю на вашу выборъ.

Минутка. Я выбираю сѣсть. (*Садится въ концѣ письменнаго стола*.) Вамъ угрожаютъ большія непріятности, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*весело*). Скажите, вы что жъ, сегодня за кого?

Минутка (*кляпясь*). За васъ!

Молчановъ (*строю*). Благодарю покорно; но эта шутка мнѣ не понутру.

Минутка. Фирсъ Князевъ вамъ приготовилъ западню.

Молчановъ. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчановъ (*сильно*). Вонифатій Викентычъ! совѣтую вамъ съ вашими домашними въ дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю и не знаю. Понимаете: я, я, я хочу знать это—и не знаю; но ждите бѣды. По радости, которой онъ полонъ, онъ сдѣлаетъ столь страшное, столь скверное...

Молчановъ. Что на него самого будетъ похоже.

Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: онъ никогда такой не былъ. Это уже совсѣмъ сатана во всей славѣ своей. Вы

присылалъ къ нему вчера Дробадонова? Онъ далъ росписку Князеву, что вы купили домъ Гусяровой.

Молчановъ. Я присылать, покупаю. Что же далъе?

Минутка. Росписку эту я могу... сбсречь у себя и могу и возвратить вамъ; а на ней что-то строптся. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Вспомните, что я вѣдь съ васъ ничего не требую за услугу.

Молчановъ. Теперь я вамъ тѣмъ болѣе не вѣрю. Съ какой стати въ васъ явилось вдругъ такое безкорыстное дружество ко мнѣ, когда вы вѣчно служили врагу моему Князеву?

Минутка. Какъ умному человѣку, вамъ бы не грѣхъ знать, что служить чаще всего не тому, кого любить.

Молчановъ. А кому выгодно служить, — я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Молчановъ (*оглядываясь въ Минутку*). Нѣтъ; вѣрно не плохо ли Фирсу, или вамъ не плохо ли отъ Фирса?

Минутка. Можетъ-быть и плохо Фирсу, и мнѣ отъ Фирса плохо, можетъ-быть плохо, но, во всякомъ случаѣ, чтобъ вы знали, и вамъ плохо.

Молчановъ. Онъ надоѣлъ вамъ?

Минутка. Да, немножко. Я порѣшилъ съ нимъ кончить, тѣмъ болѣе, что теперь къ тому и время пришло. Ему спасенья больше нѣтъ.

Молчановъ. Какъ нѣтъ спасенья? А въ чемъ опасность заключается?

Минутка. У него нечѣмъ заплатить денегъ, подаренныхъ вамъ дѣтскимъ пріютамъ.

Молчановъ (*удивляясь*). Фирсу Григорьичу нечѣмъ платить? Я думаю, онъ *не хочетъ* платить?

Минутка. Онъ *не можетъ* платить. (*Оглядываясь*.) Мы съ вами совершенно одни?

Молчановъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнйя.

Минутка. Полагаю также, что нѣтъ сомнѣнйя и въ томъ, что все, о чемъ я буду говорить съ вами, останется навсегда между нами?

Молчановъ. Я не выдавалъ никому.

Минутка. Потрудитесь не искать съ Князева вашихъ денегъ. Ихъ негдѣ уже искать. Позвольте мнѣ лучше его въ Сибирь отправить. Я вамъ это очень совѣтую.

Молчановъ *(встаетъ)*. Г. Минутка, что это за тонъ? Что бы это могло значить!

Минутка. Стою за свою шкуру, Иванъ Максимычъ. Виновать передъ вами во всемъ главнымъ образомъ одинъ Фирсъ. Воротить всего заграбленного у васъ въ теченіе двадцати лѣтъ невозможно. И я, и голова, и тесть вашъ— всей пойдемъ подъ судъ и пропадемъ безъ всякой пользы для васъ. А вотъ я вамъ представлю бумажечки, по которымъ Фирсъ Григорычъ одинъ отлично прогуляется... *(Отдаетъ бумаги.)*

Молчановъ *(пересматривая)*. Счетъ, росписка въ полученіи денегъ за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назадъ, ровно за три мѣсяца до вашего возвращенія изъ-за границы, у васъ сгорѣли амбары, а въ нихъ двѣ тысячи пудовъ хлопка. Товаръ этотъ не былъ застрахованъ; а не былъ онъ застрахованъ *(помолчавъ)* потому, что его совсѣмъ не было.

Молчановъ *(пожимая плечами въ недоумѣніи)*. Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто: привезли мочалу, да сожгли ее за хлопокъ.

Молчановъ *(помолчавъ и вздохнувъ)*. Ловко, другъ мой Фирсъ Григорычъ!

Минутка *(вставая)*. Иванъ Максимычъ! Я много виновать передъ вами! Надѣяться на какое-нибудь примиреніе съ вами—это, разумѣется, было бы довольно смѣшно и глупо; но я хочу вотъ чего: хочу одолѣть свою гадость душевную и сказать вамъ: простите меня, Бога ради!

Молчановъ *(грустно)*. Богъ васъ проститъ! *(Подаетъ руку, которую Минутка схватываетъ и живоенно цѣлуетъ. Молчакъ переконфуженный.)* Что вы, что вы! Вонифатій Викентычъ... Богъ съ вами! *(Удерживаетъ его за руки и ласково сажаетъ назадъ въ кресло.)* Успокойтесь!

Минутка *(горячо)*. А я за это весь вашъ, весь, весь! и ужъ у меня Фирсъ желѣзныхъ браслетовъ не минуетъ.

Молчановъ. Вонифатій Викентычъ, я вижу, вы меня не понимаете. Слышая васъ, поневолѣ вспомнишь, что «самая высшая хитрость на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобы никогда ни съ кѣмъ не хитрить». Будучи честнымъ человѣкомъ, какимъ я хоть не вездѣ, но по некоторымъ статьямъ имѣю

право себя считать, я ни въ какихъ обстоятельствахъ не допущу васъ сожалѣть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здѣсь — здѣсь умерло...

Минутка (*плачясь*). Я въ этомъ былъ увѣренъ. Я всегда уважалъ васъ за благороднаго человѣка.

Молчановъ. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Клизеву. Взысканіе съ него я уступилъ пріютамъ, чтобы меня не могли долго упрашивать эти деньги ему уступить или отсрочивать ихъ. Онъ не стѣнъ этого. Но мстить... я не ищу этого. Съ Фирсомъ Григорьичемъ мои счета такъ велики и длинны, что ихъ лучше не пробовать сводить. Они начались у моей колыбели и кончатся, можетъ-быть, въ день смерти моей. Этотъ человѣкъ схиствомъ взошелъ въ дружбу къ моему отцу; онъ оттеръ отъ него мать мою; онъ уговорилъ отца написать завѣщаніе, по которому состояніе могло перейти ко мнѣ только въ такомъ случаѣ, если я, достигнувъ возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завѣщаніе, по которому, въ наказаніе мнѣ, цѣлая половина этого состоянія должна была поступить въ пользу богадѣльнъ. По милости Князева, я въ наше просвѣщенное время въ шесть лѣтъ сдѣлался женихомъ четырехлѣтней дѣвочки... Кромѣ того... кромѣ того, общая молва говоритъ, что по его же милости я менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого завѣщанія сдѣлался сиротою. Не знаю, сколько въ этомъ правды; но...

Минутка. Но правда въ этомъ есть! есть, непременно есть.

Молчановъ. Да, если вѣрить голосу народа — это правда; народъ весь въ одно слово говоритъ это.

Минутка. Шепчетъ. Не говорить, а шепчетъ.

Молчановъ. Если вѣрить чувству крови — это правда: она кипитъ во мнѣ, когда я его вижу. Какъ бы я ни былъ спокоенъ, стѣнъ произнести при мнѣ его имя — и я не свой. Я не могу, не могу быть своимъ, потому что одинъ видъ его меня въ бѣшеństwo приводитъ. Я не могу вспомнить, глядя на этого человѣка, какъ онъ въ восемь лѣтъ выучилъ меня пить сладкую водку, въ десять горькую, а въ пятнадцать ромъ и шампанское; какъ самъ онъ у себя на квартирѣ сажалъ мнѣ на колѣни французенокъ да танцовщицъ; какъ я въ его же глазахъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ рѣзалъ штоссы, и онъ за меня расплачивался... Увѣжалъ онъ — и уже самъ по его стѣнамъ ходилъ въ праздники къ

этими танцовщицамъ и французенкамъ, проигрывалъ имъ; поилъ ихъ: веселя имъ давалъ... Меня пороть надо было, а воспитателя повѣсить, а его всё нахвалиться не могли. Хвалили! За что жъ хвалили? Что съ голоду не морилъ да въ нанку не одѣвалъ? а опъ душу мою одѣвалъ въ лохмотья. (*Молчанвъ.*) Остальное все идетъ сплошная мерзость: въ двадцать лѣтъ боязнъ потерять право на имѣнiе ведетъ меня къ женитбѣ на дѣвушкѣ, къ которой не чувствовалъ никакой привязанности; потомъ три года шлянья съ своею тоской за границею; и когда бъ не открылъ мнѣ глазъ Дробадоновъ, когда бъ онъ не поставилъ меня на нынѣшнiй путь, я былъ бы вѣрно и теперь прежнимъ поганцемъ и до сихъ поръ довелъ бы ужъ мои дѣла до состоянiя, котораго нельзя бъ было поправить. Такъ видите ли, какъ счеты-то мои съ Фирсомъ длинны, и какъ я хорошо ихъ знаю.

Минутка. О состоянiи, Иванъ Максимовичъ, еще не безпокойтесь. Конечно, безъ состоянiя человекъ все равно, что не человекъ; но вы... ваше состоянiе еще дай Богъ всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикантъ въ цѣломъ краѣ.

Молчановъ. Охъ. Боже мой! вы все о состоянiи! Помилосердуйте! На что мнѣ жаловаться! У насъ, на Руси, есть люди, которымъ тузами, капиталстами бы быть, а они у своихъ благодѣтелей приказчиками, или кучерами служатъ, либо еще хуже того: папирсы въ веселыхъ домахъ гостямъ подаютъ, да не жалуются. Намъ это въ глупость нашу ставятъ; думаютъ, что мы ужъ и обиды чувствовать не способны!... Нѣтъ!... (*ударяя себя въ грудь*) чувствуемъ мы ее... чувствуемъ... такъ чувствуемъ, что можетъ быть, если бы объ этомъ, о чемъ мы говоримъ съ вами, на народъ велухъ заговорить, такъ тысячи сердець объ самия ребра въ грудяхъ стукнулись бы... да не звѣри мы, чтобы месть любить, и не шуты, чтобы на вѣтеръ жаловаться... (*тихо*) потому что и своей вины каждый изъ насъ тоже въ этомъ долю видитъ! Что Фирсъ! Фирсъ прахъ, ходящiй на двухъ лапкахъ; а вотъ то, среди чего этотъ Фирсъ выросъ,—это ничтожество, это холопство... это равнодушье... съ которымъ приходится сживатьъся, которое приходится терпѣть,— вотъ что, вотъ что не переносно! Нѣтъ... я не могу говорить объ этомъ...

Минутка. Вы успокойтесь, Иванъ Максимычъ! Я только вѣдь хотѣлъ васъ предупредить... хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы... были осторожнѣе...

Молчановъ. Благодарю васъ. *(Даетъ руку.)* Не думайте обо мнѣ: я не боюсь враговъ; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ. До свиданья. *(Минутка идетъ къ окну.)* *(Улыбаясь.)* Неужто вы опять черезъ окно?

Минутка. А что жъ вы думаете?... Э! чтобы вы знали. право такъ лучше.

Молчановъ. Да что вы. Богъ съ вами! Чтò за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мнѣ просто по какому-нибудь своему дѣлу!

Минутка. Охъ, Иванъ Максимычъ! охъ, Иванъ Максимычъ! Какъ вы плохо еще его знаете! Фирсъ не то, чтò на землѣ есть, а что подъ землею-то. и то онъ на семь аршинъ вглубь видить.

Молчановъ. О, да Богъ съ вами! Стòить ли онъ того, чтобы о немъ постоянно думать! Но если вы ужъ непременно желаете дѣлать секретъ изъ вашего визита, то я сейчасъ принесу ключъ отъ садовой калитки и черезъ садъ васъ выпущу.

Минутка *(останавливая его)*. Онъ нынче ночью ходилъ на телеграфъ и отправилъ въ Петербургъ депешу своему повѣренному и другую... *(на ухо)* Ефиму Гуслярову... мужу Марины Николавны.

Молчановъ *(вздвинувъ и сжимая руку Минутки)*. Т-сс.

Минутка *(тревожно)*. Развѣ насъ кто слышитъ?

Молчановъ. Нѣтъ... не то... *(Живо.)* О чемъ депеша Гуслярову?

Минутка *(пожимая плечами)*. Не знаю. *(Молчановъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.)* Не знаю, Иванъ Максимычъ, не знаю и узнавать не хочу, потому что изъ эго депешки ничего не узнаешь. Онъ пошлетъ депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это слѣдуетъ: «потребуй къ себѣ свою жепу». *(Молчановъ вздрагиваетъ.)* *(Минутка, сжимая его руку, говоритъ внушительно.)* Хорошаго ждать нечего: онъ золь на васъ и на Марину Николавну. Надо быть готовымъ на всякое время и на всякій часъ все встрѣтить... и *(рѣшительно)* отпарировать.

Молчановъ. Какъ отпарировать?

Минутка. Какъ? (*Живо*). Сегодня ѣхать въ Петербургъ съ Мариной Николавной вмѣстѣ: къ отчету Фирса и въ тюрьму! Да, вмѣстѣ уѣзжайте, слышите! Если любите Марину Николавну, не оставляйте здѣсь ее: надъ ней бѣда виситъ не легче вашей.

Молчановъ. Все это вѣдь пока одни лишь подозрѣнія?

Минутка (*смотритъ Молчанову въ глаза и вздохнувъ*). Да, подозрѣнія; а вы когда хотите защищаться?

Молчановъ. Когда на меня нападуть, когда...

Минутка (*перебивая*). Когда... (*спохватясь*) да, да, когда... когда увидимъ, что онъ противъ васъ задумалъ. Да, да... Ну, я буду за нимъ смотрѣть во всё глаза. А теперь, Иванъ Максимычъ, проводите меня покуда. Не равенъ часъ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не зашелъ.

Молчановъ. Сейчасъ. (*Уходитъ въ дверь нальсо.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Минутка (*одна*). И этимъ не задѣлъ! Хе-хе-хе-хе! Подозрѣнія! Нѣтъ, ты перекреститься, милый, не успеешь, какъ Фирсъ клюнетъ тебя въ самую маковку... (*Оборачиваясь къ комнатѣ, куда вышелъ Молчановъ*). А ты, барашекъ, приготовляйся, другъ, на заколенье! Не хочешь волкомъ быть, не хочешь зубъ имѣть, что жъ: самого съѣдятъ въ бараньей шкурѣ. А я... Нѣтъ, мнѣ ты насолилъ ужъ, Фирсъ Григорычъ! Я двадцать лѣтъ терпѣлъ твою кацапью спесь; а нынче не изъ-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нѣтъ, братъ, при нынѣшнихъ судахъ, на эту штуку не пойду. Я ужъ себѣ собралъ съ ребятками на молочишко и другую дорожку понашупать... Одно до дьявола какъ глупо, что я вотъ этому кое про что понамекнулъ... Боюсь теперь, чтобъ ранѣе чѣмъ слѣдуетъ Фирсъ не прозналъ, что я съ нимъ въ союзѣ поавстрійски. Да нѣтъ! Молчановъ честный человекъ, а честный человекъ въ Россіи мастеръ молчать, гдѣ ему молчать не слѣдуетъ. Нѣтъ: ничего! (*За сценою слышенъ селый голосъ Колокольцова.*)

Колокольцовъ (*за сценою*). Сейчасъ, кума, сейчасъ. Я только изъ купальни. Вода какъ молоко парное! Просто божественно искупался.

Минутка. Голова Колокольцовъ! Вотъ чортъ возьми, еще этого осла тутъ нужно встрѣтить. (*Бѣжитъ къ окну*). Нѣтъ,

съ снмъ писавыйй клавиюсь! *(Плмаетъ въ окно, роняя на полъ перчатку.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Молчановъ *(входя)*. Вотъ и ключъ. *(Охлаждается.)* Во-шфатій Викентычъ! Гдѣ же это онъ? Неужто же опять въ окно стрекнуть? *(Смотритъ въ окно.)* А!.. такъ и есть... Пшь, словно заяцъ чешеть... *(Закрываетъ окно.)* Ну, добрый путь тебѣ до лясу. *(Садится.)* Самое скверное изъ всего, о чемъ тутъ говорилось, это то, что касается Марины. Я долженъ непременно о ней хорошенько позаботиться и не откладывать болѣе этого: ея доли ужасна. Матушка моя се мнѣ въ дѣтствѣ въ невѣсты прочила, а я изъ нея чортъ знаетъ что сдѣлать... То-есть чортъ знаетъ, что мы такое за люди! Чего? зачѣмъ я ее замужъ выдалъ?... Поблагодѣтельствовалъ... Не казалась вотъ ничѣмъ, пока дѣвчонкой была, а какъ чужою женою стала—женою разбойника—и разсмотрѣлъ ее тогда, и полюбилась; а нынѣ она все мое счастье. *(Задумывается.)* Эхъ, помню я, какъ бывало въ Петербургѣ. бѣлыми почамн слоняясь по островамъ, какіе споры въ юные годы вели мы про русскую женщину, *(де-кламируя)* «съ которой никто не придетъ зубоскалить, которая въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ, коня на скаку остановить, въ горящую избу взойдетъ», и думалось: о, если бы я эту женщину встрѣтилъ! *(Въ это время тихо входитъ голова, въ бѣломъ, лѣтнемъ пиджакѣ и съ веселой улыбкой крадется къ Молчанову.)* А встрѣтимъ живую такую женщину — не замѣтимъ ее; либо мимо ея — проста она намъ кажется, не философствуетъ, однообразіемъ утомляетъ — и сами съ рукъ ее сбывать хлопочемъ, и послѣ вспомнимъ про нее... смѣшно сказать, когда — развѣ когда некому тебѣ въ дорогѣ пуговицы къ рубашкѣ пришить, или когда спохватишься, что глазъ теплой рукой завести будетъ некому.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Колокольцовъ.

Колокольцовъ *(стоя сзади Молчанова, закрываетъ ему своими руками глаза и держитъ.)*

Молчановъ. Иванъ Николаевичъ! полно пожалуйста буфоничать. *(Отнимаетъ его руки.)*

Колокольцовъ (*весело*). Чего ты:— замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадалъ, что это я?

Молчановъ. Очень трудно отгадать! Одинъ у насъ буфонъ—голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцовъ (*садясь*). А я, братъ, зачѣмъ къ тебѣ пришелъ? Я ниче чортъ знаетъ какъ разстроены.

Молчановъ. Это отчего?

Колокольцовъ. Жена у меня очень скверна.

Молчановъ. Что, хуже ей?

Колокольцовъ. Совсѣмъ скверна. Прескверное лицо — и ослабѣла. Такая злость, ей-Богу! Посмотришь, въ прежнее то время какія были женщины, вошь матушка моя сестру Наташу на сорокъ восьмомъ году родила. Даже стыдно, говорить, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила «возможно» — вотъ ты и толкуй съ ней:— и ничего съ нею не подѣлалось. А нынѣшнія, какъ выйдутъ замужъ, такъ никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... (*сдѣлавъ гримасу*) какое-то трень-брень съ горошкомъ.

Молчановъ. Какъ фарфоръ бранны.

Колокольцовъ. Ни къ чорту, душка, не годятся! Говорятъ: отчего мужъ дома не спитъ; да какъ, скажи, пожалуйста, сидѣть, когда все пекотитя да стонет! Я, знаешь... я сравниваю нашъ вѣкъ съ римскимъ, когда всѣ римляне сидѣли у гетеръ. Чтò хочешь говори, а это мнѣ понятно. Когда жена все эти мины корчитъ, а тамъ, представь себѣ, роскошная этакая краса, этакая веселость, блескъ, рѣчь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ахъ, Питеръ, милый Питеръ! Ахъ ты Мабиль въ Парижѣ! Какія пишиньки... Эготъ компресикъ-то свой съ ленточками на головенку какъ приколетъ... Какое остроуміе-то! Ей-Богу, день бы пѣльшій все сидѣлъ да пульсикъ щупаль бы у этакой Аспазіи. (*Гроза шутливо пальцемъ.*) Но ты, я знаю, ты русской почвы держишься—Марины Николаивны.

Молчановъ. Боюсь, что всѣ вы скоро посѣдѣете: ничто отъ васъ не скрыто.

Колокольцовъ. Да и не скроется! Представь себѣ: зачѣмъ я къ тебѣ зашелъ? Я вѣдь сейчасъ — всего за полчаса — полицеймейстершу голую видѣлъ въ купальнѣ. Я очень давно ее посмотрѣть собирався и двадцать разъ говорилъ купальщику Титу: проверни ты мнѣ, Титъ милосердный,

для меня щелочку въ тотъ нумеръ. Онъ, дуракъ, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часахъ стоитъ, это поручилъ, онъ и провернулъ, и прекрасно, каналья, провернулъ: сдѣлалъ, знаешь, этакую щелочку и вставной сучокъ... Нѣмецъ бы этого ни за что не сдѣлалъ.

Молчановъ. Гдѣ нѣмцу!

Колокольцовъ. Да ты, я знаю, ты западникъ и этому не сочувствуешь! (*Хватаясь за карманъ.*) Ахъ, Господи ты мой! твержу: западникъ, западникъ, а самъ и позабылъ сказать тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ... Какую мнѣ, братъ, Фирсъ Григорычъ новость сообщилъ про нашихъ славянскихъ братьевъ! Я тебѣ скажу, я чувствую, что я съ большимъ бы удовольствіемъ катнулъ посмотрѣть на нашихъ славянскихъ братьевъ.

Молчановъ. Ты, гляди, ты это не на компрески ли съ ленточками посмотрѣть въ Петербургъ хочешь.

Колокольцовъ. Н-нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ, я вѣдь въ прошломъ году не могъ собраться посмотрѣть своихъ атлантическихъ братьевъ: денегъ не было. Неужто жъ я и этихъ не увижу? Я еще никогда не видалъ славянскихъ братьевъ! Канунниковъ видѣли ихъ, да ничего рассказать не умѣтъ: какъ греки—говорить—на грековъ похожи... (*Замѣчая у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимаетъ ее.*) А это кто у тебя, милый, рукавички-то теряеть? Кто это, милый, былъ у тебя?

Молчановъ (*всматриваясь*). Это Минутка у меня былъ: за лѣчебникомъ заходилъ.

Колокольцовъ. Минутка заходилъ на минутку, ха-ха-ха!—я давно сдѣлалъ этотъ каламбуръ. «Минутка, пожалуйста на минутку». Онъ за это не сердится. Онъ преуморительный ляшокъ. Я, впрочемъ, не знаю, какого ты теперь мнѣнія о пслякахъ?

Молчановъ. Да никакого больше.

Колокольцовъ. А пѣтъ, ты не шути скажи, чтѣ онъ такое по-твоему?

Молчановъ (*шутя*). Чортъ ихъ знаетъ: помѣсь жидъ съ французомъ.

Колокольцовъ. О, о, о, о! Нѣтъ, это, милый, не годится. Жидъ, чистый и мѣшальный, все держится одной политики:

Мнѣ въ глаза наплюй,
По лицу отдуи.
По щекамъ трезвонь.
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность.

А у поляковъ... у нихъ есть что-то такое этакое... рыпарское... это... это, какъ тебѣ сказать, этакое все... у нихъ вмѣстѣ... дерзость и мерзость.

Молчановъ. Похвалили!

Колокольцовъ. Да; но я говорю, что они все-таки амюзантная нація. Я не люблю, когда противъ нихъ возбуждается эта ненависть. Это не въ нашемъ характерѣ. Разумѣется, я говорю это не какъ голова; какъ голова, я, конечно, гдѣ слѣдуетъ, иначе скажу,—но я это какъ русскій человѣкъ говорю, какъ я чувствую. Я ничего не имѣю противъ поляковъ. Ты помнишь въ Вѣнѣ, что сдѣлала одинъ полякъ съ нашимъ русскимъ?—далъ ему одну брошиурку прочесть противъ австрійскаго правительства, а того бацъ ночью и обыскали. Съ тѣмъ лихорадка сдѣлалась, чуть съ ума не сошелъ отъ страху, что сошлеть. Но этотъ полякъ пришелъ и говоритъ: не бойтесь, говоритъ, это я, говоритъ, на васъ наслалъ, потому что намъ нужно было отвлечь вниманіе полиціи отъ одного своего дѣла: я, говоритъ, и написалъ анонимное письмо, что у васъ есть подозрительныя бумажки... Вѣдь этакая верткая каналья!

Молчановъ. Да, ужъ чего еще не каналья!

Колокольцовъ. Но какъ ловко-то и въ то же время вѣдь и совершенно безвредно! Ахъ, другъ мой, я того убѣжденія, что вѣдь они не мы. Ихъ положеніе другое. Мы вѣдь гиганты... наше имя исполнить, а исполнены всегда снисходительны. Ты вотъ, я знаю, ты не любишь Фирса Григорыча; а я его за что люблю? Я знаю, что онъ—entre nous soit dit — мерзавецъ cum euximia laude, но я его люблю за его прекрасную натуру -- за его русскую натуру. Онъ русскій человѣкъ, и зато посмотри, какъ онъ снисходительно относится къ полякамъ. Онъ говоритъ: что поляки? Это вздоръ, говоритъ, поляки... Такъ-таки и говоритъ: «это вздоръ», ихъ вѣтъ.—и я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ, потому что гдѣ же нынче Польша? Тютти, душка: мышки ее съѣли.

Молчановъ. Да, чортъ бы ихъ побралъ: теперь, какъ клопы ползуть сюда, чтобъ кровь сосать тихонько изъ Россіи. Здѣсь подлецовъ и дураковъ еще найдется, чтобъ съ ними заодно якшаться.

Колокольцовъ. Догадываюсь! Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что, сказавши «подлецовъ», ты это на Фирса намекаешь: ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я какъ-то очень долго размышлялъ, за что ты его такъ не любишь, и нарочно сегодня зашелъ къ тебѣ сказать, что я открылъ причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбивъ и онъ самолюбивъ. О, онъ чертовски самолюбивъ; онъ въ этомъ случаѣ... онъ даже до поэзіи возвышается... Онъ во многомъ возвышается до поэзіи; но въ самолюбіи онъ даже во вредъ себѣ возвышается до поэзіи. Я этому вчера колоссальный примѣръ видѣлъ; грандіозный примѣръ. Я нарочно пришелъ сегодня рассказать тебѣ объ этомъ. Вчера у меня генераль Ковалевъ сказалъ о Штукаревѣ... Кто-то сказалъ, что Штукаревъ разоренъ; а Канунниковъ, что ли, или не помню кто говоритъ: Э, говорить, это нутный человѣкъ пропадетъ, а ихъ брата, откупную пивку, чортъ не возьметъ. А генераль Ковалевъ говоритъ: да, говорить, Штукаревъ нашъ настоящій русскій человѣкъ: я, говорить, совершенно въ томъ увѣренъ, что «пока онъ живъ, никто въ его дѣлахъ ничего не разберетъ». Что жъ ты думаешь, Фирсъ вынесъ это? Какъ бы не такъ! «Эхъ, ваше превосходительство, говорить, — да я, говорить, и умру, такъ послѣ меня никто ничего не разберетъ». Можешь ты себѣ это представить — и здѣсь не упустилъ!

Молчановъ (*смѣясь*). Вотъ! какъ грачъ по пашнѣ прыгалъ съ одного на другое: про все переговорилъ—и опять за Фирса! Когда бы ты зналъ, какъ мнѣ это надоѣло два часа къ ряду день-изо-дня все слышать: Фирсъ Григорьичъ да Фирсъ Григорьичъ,—точно онъ здѣсь какой король. Да чортъ его дерн! Онъ мнѣ вовсе не интересенъ.

Колокольцовъ (*таинственно*). А скажи, правда это, что ты на него искъ дѣтскимъ приютамъ уступилъ?

Молчановъ (*снова разсмѣявшись*). Опять грачомъ запрыгалъ! (*Серьезно*.) А что такое?

Колокольцовъ (*шутливо и робко*). Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, сму... не по носу табакъ.

Молчановъ. И не желаю его носа тѣшить.

Колокольцовъ. Да, да, именно носа не тѣшить. Есть на этотъ счетъ французская поговорка, только не къ носу, а къ другому, къ плѣши: *il ne faut jamais tacher de chasser le plume...* А? понялъ?... По-русски это просто значить: не тѣшь чужую плѣшь. (*Наибоясь къ Молчанову.*) А знаешь ты, я, наблюдая твой характеръ, всегда сравниваю тебя съ Сарданапаломъ? именно съ Сарданапаломъ. Ты очень тихъ, и вдругъ ты этакъ именно являешься Сарданапаломъ, котораго весь вѣкъ считали бабою, а онъ вдругъ взялъ и сжегъ себя.

Молчановъ (*громко расхохотавшись*). Ха-ха-ха! Охъ! ты меня уморишь, Иванъ Николаичъ!... Ха-ха-ха!

Колокольцовъ. Чего ты? чего ты? Ей-Богу, Сарданапалъ!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Мякишевъ.

Мякишевъ (*входитъ*). Здорово зять!

Молчановъ (*встаетъ, кланяется и снова садится*). Здравствуйте, Пармень Семенычъ!

Мякишевъ. Чего же это ты хохочешь? Фирсъ Григорычъ такое подъ тебя подвелъ... статью такую вывелъ, а ты здѣсь шутки шутишь!

Молчановъ (*жестомъ*). Что такое? Какую онъ статью подвелъ? Какое мнѣ дѣло до его статей?

Мякишевъ. Дѣло!.. Да мнѣ-то дѣло: вѣдь за тобой дочь моя.

Молчановъ. Чортъ знаетъ, что это такое говорится! статью подвелъ, дочь за мной... Въ чемъ дѣло—разскажите?..

Колокольцовъ (*шутя и заирывая*). Да я и забылъ, мой милый... Я вѣдь за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Ты тамъ своимъ рабочимъ долю назначаешь... Конечно, отъ насъ, какъ говорится, хоть тридцать лѣтъ скажи, ни до какого государства не дойдешь; но все же вѣдь... Это социализмъ. Конечно, всѣ могутъ съ тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчановъ (*перевивая*). Это если, Иванъ Николаичъ, и шутка, такъ это очень глупая шутка. О какомъ социализмѣ тутъ можетъ быть рѣчь, гдѣ всѣ за каждый грошъ брата засудятъ?

Колокольцовъ. Да вѣдь, однакоже, справедливо, что ты фабричнымъ долю обѣщаль?

Молчановъ. Нѣтъ; это несправедливо. Это было бы слишкомъ справедливо для моей несправедливости. Я хотѣлъ прибавить имъ жалованья, потому что нынче неурожай, хлѣбъ дорогъ. Вы возстали противъ этого, просили меня не дѣлать надбавки, чтобы и ваши того же не потребовали...

Колокольцовъ. Этого, душа моя, нельзя! Какія же наши-то прибыли! Помилуй, я... я правду тебѣ скажу. Я за тѣмъ къ тебѣ сегодня и зашелъ, чтобы у тебя тысячку наличности перехватить, чтобы съѣздить славянскихъ братьевъ посмотреть. Когда тутъ намъ въ эти годы съ рабочими сентиментальничать! Вѣдь это въ литературѣ очень хорошо сочувствовать стачкѣ рабочихъ... Ты знаешь, что я и самъ этому сочувствую, и самъ въ Лондонѣ на митинги хаживалъ... Тамъ я этому всему сочувствовалъ, хотя, я тебѣ скажу, что жъ такое Англія? Я вовсе не уважаю Англіи... Гм! стачки позволены—и о-бокъ съ ними лорды и крупное землевладѣіе... Но когда это на самомъ дѣлѣ, когда... когда я самъ сдѣлался фабрикантомъ—это другое дѣло, душа моя! Это стачки, это... это чортъ знаетъ что такое для нашего брата! Да и наконецъ, какъ голова, я долженъ тебѣ сказать, что это вѣдь и закономъ запрещено.

Молчановъ (*вспльнуно*). Убирался бы ты отсюда, Иванъ Николаичъ, поскорѣе къ своимъ славянскимъ братьямъ и не мѣшай бы намъ свои русскіе ланги на оборы поднимать. Что это такое? Про что вы встолковались? *Я такъ хочу!* Понимаете, *я такъ хочу!* Я нахожу, что наши рабочие получаютъ мало. Я хотѣлъ прибавить имъ — вы воспротивились. Изъ этого прѣстого желанія вы сочинили и распустили слухъ, что я у васъ хочу лучшихъ работниковъ хитростью отбить, а потомъ опять сбавлю цѣну ниже нынѣшней. Мастеровые вамъ повѣрили... Что жъ, на вашей улицѣ праздникъ. Побѣдители не судимы.

Колокольцовъ. То-то, я говорю, другъ мой, падо златъ нашего человѣка.

Молчановъ. Чортъ его бери, нашего, не нашего: мы всѣ ровны люди. Я знаю, что они голодны, и ихъ голодъ мы мѣшаемъ обѣдать спокойно. Я имъ сказалъ одно, чтобы они составили артель, чтобы сами поручились мы за цѣлость матеріала, а я отищу смотрителей и раздамъ смотрительское жалованье рабочимъ. Какъ-то, я въ правѣ это сдѣлать.

Колокольцовъ. Штъ, не въ правѣ.

Молчановъ. Отчего?

Колокольцовъ (*не знаетъ, что сказать*). Мм... м...

Мякишевъ. Да ты общественный человѣкъ, или тебя подь крапивою индюшка высидѣла?

Колокольцовъ. Да, да! ты вѣдь не Фридрихъ Великій, чтобъ каждому жареную курицу могъ къ обѣду доставить. Да и тотъ не доставилъ.

Молчановъ. Извольте разбирать пожалуйста: то социальность, то Фридрихъ Великій.

Мякишевъ. А больше всего скажу я тебѣ, зять: ты шуть.

Молчановъ. Какъ это шуть?

Мякишевъ. А такъ шуть, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годищее. Можно пожертвовать, кто говоритъ, мало ли куницы на что жертвуютъ, да только вѣдь жертвуютъ, такъ съ умомъ жертвуютъ, съ выгодой: или для ордена, либо что совсѣмъ нестоющее. А ты, накося, отъ себя рвешь, да на мѣръ заплатишь.

Колокольцовъ. Да; вѣдь именно прежде всего всѣ мы, другъ мой, мы общественные люди... Мы этимъ должны гордиться. Но мы не свободны — это самое первое... мы должны другихъ слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчановъ. Отстань ты отъ меня, пожалуйста, съ твоимъ и съ русскимъ, и съ славянскимъ! Говори, въ чемъ дѣло?

Мякишевъ. А въ томъ дѣло, что какъ ты по-своему, по-ученому полагаешь: можетъ ли тебѣ общество затрещину дать?

Молчановъ. Какъ это затрещину дать?

Мякишевъ. Такъ, взять да и вышвырнуть. Не падо, молъ, намъ, дуракамъ, такого умника. Не знаешь, какъ изъ общества исключаютъ? Приговоръ напишуть, да и выключать.

Колокольцовъ. Общественный, душа моя, судъ. Общество въ этомъ неограниченно. Я за тѣмъ къ тебѣ и пришелъ сегодня.

Молчановъ. Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что полцеймейстершу голую видѣлъ.

Колокольцовъ (*недовольно*). Совсѣмъ не то! Это... мм-м... это другое... Я пришелъ потому, что сегодня утромъ всѣ наши первые фабриканты—Ивазь Петровичъ Канунниковъ, Матвей Ивановичъ Варенцовъ и Пьяль Сергѣичъ Гвоздевъ—

подали мнѣ бумагу, что ты своими распоряженіями злона-
мѣренно дѣйствуешь въ подрывѣ нашей фабричной промышлен-
ности, и просятъ тебя ограничить. Я вотъ зачѣмъ пришелъ.

Молчановъ. Ты, Иванъ Николаичъ, въ эту минуту мнѣ
напоминаешь того анекдотическаго бурмистра, который на-
чищалъ свое письмо барину съ извѣщенія, что въ его имѣніи
все, слава Богу, благополучно, а подѣ конецъ прибавлялъ,
что только хлѣбъ градомъ вышло, скотъ подохъ да деревня
сгорѣла. Что жъ ты мнѣ здѣсь торочишь про полицей-
мейстершу, про атлантическихъ братій, про славянскихъ
братій, а не скажешь, что противъ меня затѣваютъ мои
русскіе братія?

Колокольцовъ. Да вѣдь я къ этому жъ и велъ, душа моя,
когда говорилъ съ тобой про Фирса. Я говорилъ, что онъ
удивителенъ... я не могу сказать: оригиналенъ, а именно
удивителенъ. Какъ бы о немъ что ни говорили, но я дол-
женъ отдать ему справедливость, что онъ владѣетъ удиви-
тельной силой убѣжденія. Какъ онъ ловко основалъ все
это! Вотъ какъ это у него написано (*вынимаетъ бумажку
и читаетъ*). Мм... м... м... да вотъ! «Такія несообразныя
надбавки задѣльной платы въ подрывѣ другимъ фабрикан-
тамъ невозможны со стороны человѣка, радѣющаго о своихъ
пользахъ и выгодахъ, а свойственны лишь расточителю,
стремящемуся предать свое наследственное имущество чрезъ
свою расточительность послѣднему разоренію и окончить
банкротствомъ, которую цѣль общество обязано предупред-
дить и отвратить, сколь въ видахъ сохраненія обществен-
наго кредита, столь же и для того, дабы семейство сего
расточителя, доведенное имъ до нищенства, не осталось на
рукахъ и на попеченіи общества. А что Иванъ Молчановъ
есть расточитель, то сему кромѣ сказаннаго доказательства
слѣдующія: онъ окромя прибавки платы рабочимъ, забывъ
родныхъ дѣтей, намѣревался пожертвовать двѣсти тысячъ
въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и преподнести въ покушаемый
имъ на свои деньги особый домъ со строеніемъ мѣщанской
женкѣ Маринѣ Гуслиаровой».

Макишевъ. Не хорошо зятекъ, не хорошо.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же, Анна Семеновна и Марья Парменозна.

Марья Парменозна (*быстро входитъ и всодя за руки двоихъ*

дитей. Къ мужу). Что жъ ты это и послѣ этого еще мужъ, а не разбойникъ? Есть же еще гдѣ Пилать хуже тебя!

Мякишевъ. Марья! Марья! Марья! не хорошо, не хорошо такъ съ мужемъ.

Марья Парменовна. Что вы, панька, вмѣшивается? Это не ваше дѣло совсѣмъ въ это мѣшаться. Между мужемъ и женою никто мѣшаться не долженъ; а я именно, какъ дяденька Фирсъ Григорьевичъ совѣтуетъ, я судъ соберу, и пусть насъ разсудятъ, потому что онъ воръ.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчановъ. Что это такое? Какъ вы смѣете приходить ко мнѣ и говорить такія вещи?

Анна Семеновна. Да отчего жъ правды не говорить? Мнѣ десятскій на ротъ бандероли не накладываль?

Марья Парменовна. Гдѣ жъ тебѣ съ воромъ равняться? Воръ что воруетъ, все себѣ тащить; а ты все изъ дому.

Анна Семеновна. Да, разумѣется! что ты съ воромъ-то равняешься? Воръ вошь надели у насъ козу украсть, такъ онъ ее не чужимъ же потащить, а къ дѣтямъ къ своимъ отвелъ ее, чтобъ пронитавіе имѣли. Это стало отецъ. Онъ и побой за нее принялъ, хоть и не въ дурномъ мѣстѣи и украсть-то ее, а что краденая, говорить, молока больше даетъ. Такъ это рачитель. А ты, пако-ся, по двѣсти тысячъ на незаконныхъ дѣтей жертвуешь! Ты бы хоть своихъ-то дѣтей постыдилъся.

Марья Парменовна. Да ему что свои дѣти! Онъ имъ хлѣба — и того жалѣеть. На что, говорить, вы ихъ по десяти разъ въ день кормите? — они онулись отъ жратвы. Животы понаходили у нихъ какіе-то: какъ барабаны, говорить, у барабанщиковъ.

Анна Семеновна. Ахъ ты, безбожникъ ты этакой! Развѣ можно такъ про херувимовъ говорить: барабанщики? Вѣдь они безилотные или нѣтъ: какъ же ты имъ чсть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Аглицкую болѣзнь отыскалъ въ нихъ.

Мякишевъ. Это не дѣло ты говоришь. Какая у кунеческихъ дѣтей аглицкая болѣзнь можетъ взяться? Такъ съ сытости кунцы пухнуть.

Марья Парменовна. Онять же это вы такъ, татенька, имѣвши разумъ, понимаете; а онъ этого, вѣдь, ничего понимать не можетъ. *(Выставляя битый на слѣзъ и плачуща)*

ихъ.) Онъ даже и того не скрываетъ, что стыдится своихъ дѣтей.

Анна Семеновна. Это законныхъ-то дѣтей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говорить. Людямъ ему ихъ, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что ихъ кому показывать-то? Чтобъ еще слазили! Тифу! (*Забираетъ къ себѣ дѣтей.*) Опи, слава Богу, не дворянскія дѣти, а христіанскія, не на показъ растутъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*входитъ*). А все же, сватья, дворянскія дѣти нашихъ умнѣе. Дворянинъ съ четверть роста всего, а спроси его, что, молъ, такое грамматика? говоритъ: «два солдата»; а нашъ этого объ эту пору не знаетъ.

Молчановъ (*вспыхнувъ*). Фирсь Григорычъ! Какое право вы имѣете сюда войти? Прошу васъ вонъ! Сію же минуту вопъ выйдите.

Князевъ (*садясь*). Не слушаю.

Молчановъ (*зоветъ прислугу*). Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? (*Бросается къ двери.*)

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу, да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебѣ будетъ, какъ народъ-то соберется?

Молчановъ. Что ты!.. безумная! (*Схватываетъ ее за руку и возвращаетъ на мѣсто.*)

Анна Семеновна. Что тутъ безумнаго? Да на разбойника мужа только и справы, что на весь народъ крикнуть. (*Молчановъ садится, махнувъ рукой*)

Марья Парменовна. Я вѣдь тебѣ десять разъ говорила, что я скандаловъ не боюсь; а ты, когда боишься ихъ, такъ такъ и веди себя, не затѣвай свары и покоряйся мнѣ.

Князевъ (*Колокольцову*). Прошу васъ, господишь голова, его поурезошить.

Колокольцовъ. Постой, Иванъ Максимычъ: мы къ тебѣ собрались по дѣлу.

Молчановъ. Какъ, по дѣлу собираетесь? По какому дѣлу?

Князевъ. Сейчасъ узнаешь.

Молчановъ. Что жъ это... засѣданье, что ли, или заговоръ?

Князевъ. Да, заговоръ. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гаднину. Нѣтъ, братъ, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиковъ вѣшаютъ, а намъ и Богъ, и Царь, и совѣсть указали сообща вести мирской корабль и защищать вдовицъ и сиротъ.

Молчановъ. Но здѣсь нѣтъ ни вдовицъ, ни сиротъ, и некому искать у васъ защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты.

Князевъ. Вотъ, видишь, вразъ вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслию, молчатъ, такъ миръ за нихъ и самъ заговорить. *(Строго и важно, стучиувъ въ полъ палкой.)* Ты состояніе родовое сотнями тысячъ транжирилъ; работникамъ счета свои фабричныя открывать собираешься; имѣніе продавать надумалъ; да на всемъ честномъ народѣ отъ живой жены любовницу замужнюю къ себѣ въ загородный домъ взялъ... Нѣтъ, братъ *(ударяя себя въ грудь)*, мы не допустимъ этого! Мы, общество, боясь Бога и совѣсть почитая, не допустимъ твоей семьѣ погибнуть. *(Къ присутствующимъ.)* Господа! вы, голова, и ты, Пармень Семеновичъ, и ты, вдова при мужѣ, и всѣ вы, кто меня слышите! объявляю вамъ, что находившійся въ моей онекѣ кунаецъ Иванъ Молчановъ стремится къ расточенію своего имущества. Вотъ вамъ доказательства, что онъ позавчера купилъ для одной безпутной женщины домъ *(вынимаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ ее голову)*, а вотъ другое, что онъ позавчера же подарилъ двѣсти тысячъ... *двести тысячъ*, господа, подарилъ, и этотъ подарокъ едва могъ быть остановленъ...

Молчановъ *(быстро)*. Кто смѣлъ его остановить?

Князевъ *(спокойно)*. Я.

Молчановъ. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князевъ *(еще спокойнѣе)*. Отчего бы это не могъ? Мы не въ Сибири живемъ, да и тамъ нѣтъ телеграфы есть, а отъ сумасшедшихъ и отъ расточителей нигдѣ подарковъ принимать не дозволяется. *(Присутствующимъ.)* Съ своей стороны, я однимъ своимъ средствами все, что могъ, сдѣлалъ. Теперь ужъ вы за все въ отвѣтъ.

Мякишевъ. Что жъ, надо его ограничить.

Князевъ *(подавая бумагу Марьѣ Парменовнѣ)*. Жена его просекъ васъ, господинъ голова, не медлиши ни часу, пока

послѣдуетъ какой судъ и приговоръ, устранить его отъ распоряженія имѣніемъ.

(Марья Парменозна подаетъ голову бумагу, которую тотъ сортируетъ въ рукавъ, недоумисая, что ему съ нею дѣлать.)

Молчановъ *(встаетъ)*. Такъ это не во силъ?

Князевъ *(обтираясь платкомъ)*. Нѣтъ, сударь, вѣдь.

Молчановъ. Такъ это вы вправду собралися... меня связать судомъ, какимъ еще ни одинъ человѣкъ на Русь не былъ связанъ?

Князевъ. Были, вренъ ты, были.

Молчановъ *(горячо и рѣшительно)*. Ну, были ли, не были ли, мнѣ все равно. Но если вы панли право такъ поступить со мною, и если точно есть у васъ такое право, такъ... такъ знайте жъ и вы, и дѣти, и жена моя доносчица: — я господинъ своимъ имѣніемъ! Пока вы свой холопій судъ нарядите, я продамъ все... подарю, если купца не будетъ... подарю, первому нищему отдамъ, по этой гаднѣ холодной *(указывая на жену)*, которая передъ Богомъ обѣщалась беречь меня и передъ людьми меня выдала на поруганье... нѣтъ ничего, ничего! Своихъ враговъ награждать никто человѣка обязать не можетъ.

Князевъ *(подкрадываясь тихо, распахиваетъ двери со внутреннею покою, съ которыхъ на сажомъ порогѣ стоятъ Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Баренцовъ)*. Прошу войти васъ, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Баренцовъ.

Всѣ *(входитъ влѣтъ)*. Слышали, Фирсъ Григорьевичъ, слышали.

Князевъ. Теперь извольте сами рассуждать по тому, что видите?

Гвоздевъ. Что жъ, нашъ совѣтъ такой, каковъ и твой же, Фирсъ Григорьевичъ: собрать все общество и ограничить.

Всѣ *(рвломъ)*. Ограничить, ограничить.

Молчановъ. Да это что жъ такое? Въ домъ шпіоновъ ставить? Вѣдь не было же еще покудова суда, и я покуда здѣсь хозяинъ.

Князевъ. Вренъ: ты былъ хозяинъ, по съ сей поры.. ты расточитель! *(Пауза. Картина.)* А вотъ мы сейчасъ еще лучше увидимъ, кто хозяинъ. Хозяинъ дому не кинеть,

хоть варомъ вари его, а прусакаъ отъ слова вопъ побѣжить, кто на него слово знаетъ. (*Присутствующимъ.*) Я, господь, за разъ, чтобъ положить конецъ всему этому безобразію, покончилъ и съ его помощницей. (*Вынимая изъ кармана небольшую бумагу и раскрывая ее передъ всеми.*) Вотъ вамъ денеша изъ Питера отъ Гуслирова: онъ просьбу шлетъ, чтобы жена его Марина Николаевна, которую и теперь скрываетъ у себя на дачѣ Иванъ Молчановъ, была бы немедленно же выслана къ нему къ совмѣстному сожителству; а до поры ее теперь, я думаю, уже арестовали.

Молчановъ (*отчаянно*). Га!.. (*Опрометью бросается въ дсери и убѣгаетъ.*)

Князевъ (*Марья Парменовна*). Смотри, племянница, онъ брильянты схватить!

Анна Семеновна (*бѣжитъ*). Охъ, матушки! ухватить.

Марья Парменовна (*бѣжитъ*). Маменька, маменька, тамъ еще шуба бархатная, что онъ дарилъ. (*Дѣти уходятъ съ револъ.*)

Князевъ (*присутствующимъ*). Смотрите, онъ ушибеть вѣдь бабъ-то!

(*Всѣ кромѣ Минутки бросаются за женщинами.*)

Князевъ (*испытывая пристальнымъ взглядомъ на Минутку*). Что?.. какъ ты думаешь объ этомъ, Воиифатій? (*Сжимая руку Минутки.*) Вотъ то-то... Вы всю жизнь на этомъ ремеслѣ стоите, и крестить васъ въ такой купели въ Польнѣ, чтобъ каверзу строить, а все... безъ заговоровъ ничего не сдѣлаете. У насъ проще эта политика! Видишь, ты одинъ дѣла верти... да такъ, чтобъ хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. (*Указывая назадъ на дверь, куда вышелъ Колокольниковъ.*) Не эта голова, что была, а вотъ эта (*показывая на себя*), что дѣло додѣлывать будетъ. (*Сухо.*) Садись къ столу и актъ нашиши о всемъ, что было, и приноси туда для подписи. (*Минутка садится къ письменному столу Молчанова.*)

Князевъ (*выходя на авансцену*). Ну, кашу заварилъ. (*Тихо смеется.*) Хе-хе-хе-хе... въ колокола про судъ ударили и звонять, и звонять... ха-ха-ха! Да что тутъ хитраго въ колокола звонить! Вотъ вы пожалуйста прислушать, какъ я вамъ въ лапти звякну. (*Уходитъ.*)

Минутка. Да, ты правъ, какъ Фирсъ, ты правъ. (*Беретъ себя за ухо и подражаетъ Фирсу.*) «Дѣлай такъ, чтобъ

хвостъ не знаетъ, что затѣваетъ голова. Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (показывая на ея лобъ), что будетъ дѣло додѣлывать».

(Запавъсь падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ домъ купца Мякишева. Мебель старинная, обитая чернымъ; по обѣимъ сторонамъ два одинаковые дивана; передъ ними столы; бюро; часы съ кукушкой; въ углу колонка красного дерева съ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. При поднятіи занавѣса черезъ открытыя окна комнатъ слышенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа. Шумъ начинается до поднятія занавѣса.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мякишевъ (сидитъ за столомъ на диванѣ); Князевъ (полтыцается за тѣмъ же столомъ на креслѣ); Минутка (ищетъ).

Князевъ. Экъ, какъ галдятъ!

Минутка. Съ утра стоятъ здѣсь на дворѣ; некота, жарко; оголодали, Фирсъ Григорьичъ, а судя еще, гляди, вѣдь не сейчасъ начнется. (Оставляя перо.) Иванъ Максимовичъ, говорятъ, только-что сейчасъ пріѣхалъ съ дачи въ городъ и зашелъ къ головѣ, но голова его не принялъ.

Князевъ. Да; не принялъ. Ну, что намъ до того,—принять или не принять. (Смотритъ въ окно.) Скажи, пожалуйста, чего это они всѣ въ одно мѣсто вверхъ смотрять?

Минутка (тоже выглядывая въ окно). Галка вошь на карнизѣ сидитъ. Галку смотрять.

Князевъ. Что-жъ она чудного дѣлаетъ, что они въ нее воззрились?

Минутка. Ничего—хвостомъ трясетъ, а они смотрять.

Князевъ (смыслъ). Эко дурачищи!

(Народъ подъ окномъ за сценою: Ха-ха-ха! У-у! у! у! уре! Полетѣла! полетѣла!)

Князевъ. Ха-ха! Что за скоты такіе. (Минуткѣ.) Поди-ка ты сюда. (Отводитъ ея въ сторону.) Тамъ спосылай кого-нибудь скорѣе въ мой шинокъ, что на углу здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ велѣмъ имъ въ долгъ дать,

кто сколько вылопасть. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я подбиваю хотѣть всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдасть ли, не отдасть ли который, но только въ долгъ давать... Вѣги.

Минутка. Въ минуту, Фирсь Григорычъ.

Князь (Мякишеву). А ты, отецъ, чего-то шони распустилъ?

Мякишевъ (покачивъ головой, тихо). Жалко мнѣ его. Я его люблю.

Князь. Чурилка ты, какъ посмотрю я на тебя, а не куонецъ! Что, будемъ такъ къ примѣру разсуждать, — что если я напысю до-пьяна, да въ твоихъ глазахъ полѣзу въ рѣчку—пустишь ты меня? Тонись молъ, Фирсь Григорычъ, я съ тебя твоей воли не снимаю? или попридержатъ бездѣлицу? Что тебѣ долгъ-то твой христіанской повелѣваетъ?

Мякишевъ. Да христіанскій долгъ, конечно...

Князь. Ну, то-то и оно «конечно». Не то, что просто придержишь, а если буянить стану, такъ и свяжешь да положишь, пока умирать охота пройдетъ. Не что иное и съ нимъ дѣлаютъ: онъ тонится хочеть, а мы его удерживаемъ; онъ буянить—что дѣлать—мы его свяжемъ.

Мякишевъ (тыкая съ силой пальцемъ). Вотъ это-то вотъ, селжемъ-то... слово сіе жестоко есть.

Князь. А если Марьюшка къ тебѣ пазадъ придетъ на хлѣбы, да не одна еще теперь, а съ внучками, которые все ѣсть-то просятъ, сіе не жестоко будетъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна (сходя съ сердитой миной. Къ мужу).

Да ты чего съ нимъ, Фирсь Григорычъ, говоришь-то? О чемъ? Онъ вѣдь, небось, не понимаетъ.

Мякишевъ. Небось, понимаю.

Анна Семеновна (мужу). Ну, какъ же! Не мало ты когда что-нибудь понималъ. Видишь, осовѣлъ совсѣмъ; все спитъ. Теперь вонъ май мѣсяць—народъ въ рѣкѣ купается, а онъ, точно котъ, все на лежанкѣ трется. (Князеву.) Не слушай ты его, свать, ни въ чемъ. Нечего его слушать. Дѣлай, какъ ты самъ знаешь. Вѣдь ты у насъ, всѣ знаютъ, какой ты умный; тебя умнѣй никого въ городѣ нѣтъ.

Князь. Да, дуракомъ не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечеромъ также была, такъ то-жь говорить: какъ, говорить, дяденькѣ Фирсу Григорычу, говорить, угодно, а надо, говорить, его ограничить. Не такъ, чтобы вполнѣ говорить, ограничить, а чтобы онъ только, говорить, ни до чего бы не доходилъ; а я бы, говорить, всёми распорядилась.

Князевъ. Ну, разумѣется, она.

Анна Семеновна. Потому что иначе она его никакъ съ собою къ любви не приведетъ. Видишь, вонъ онъ какъ позавчера безъ всякаго стыда махнулъ къ Маринкѣ, такъ и теперь до сихъ поръ тамъ... и не бывалъ къ женѣ. Легко это ей, Маншѣ-то? Да и скажи-жь, свать, сдѣлай милость,— скоро се, Марину-то, вышлютъ? Вѣдь неприятно это намъ, что она тутъ живетъ.

Князевъ. Ну, погоди, вышлютъ. Надо, чтобы добро-то прежде было въ вашихъ рукахъ, а тогда въ вашихъ рукахъ и правда будетъ.

Анна Семеновна. Разумѣется такъ! (*Мужу.*) А этотъ еще упирается.

Мякишевъ. Мнѣ суда страшно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишевъ. Страшнаго суда Господня.

Анна Семеновна. Такъ, стало-быть, судъ-то этотъ надъ тобою надъ однимъ, что ли, будетъ? Надъ всѣми вѣдь этотъ судъ будетъ. Такъ вѣдь на то же человѣку положена молитва — отмолить можно. Да тебѣ и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, молю, что всё, то и я; я ничего не знаю. Такъ тутъ и грѣха нѣтъ.

Князевъ. Вотъ, видишь, жена-то у тебя какая мозговитая.

(*Мякишевъ машетъ рукою и уходитъ.*)

Князевъ (*по уходѣ Мякишева, фиммилярно и съ своеобразнымъ куртизанствомъ, къ Аннѣ Семеновнѣ*). Ахъ ты, копы мурзоменское! Гляди, какъ она командуетъ.

Анна Семеновна (*улыбалась из-подъ брови*). У тебя паучилась.

Князевъ (*встала и потирала поясницу*). Э, дѣвка, ужъ я и самъ-то все позабылъ: старо становишься и ветхо.

Анна Семеновна. Нѣтъ, видно, ты старъ-то никогда не будешь. У тебя, у стараго-то, все слышно идетъ не по-старому, а по-молодому.

Князевъ. Толкуй. Пѣтъ, дѣвушка, того ужъ пѣтъ, что тебѣ, можетъ, поминтся. Третьяго дня, вечеромъ, вздумалъ-было на кладбище прогуляться. Приѣхалъ, анъ ужъ ворота заперты и сторожеѣ пѣтъ. Ахъ вы, волкъ васъ съѣшь со-всѣмъ! Черезъ ограду вздумалъ перескочить... Что-жъ ты думаешь, вѣдь пасику перелѣзь. *(Вѣстъ себя по кольнямъ.)* Тутъ-то вотъ... въ хрищахъ-то жестоко стало... не то, что бывало... Поминишь, Нюра! гдѣ намъ съ тобой большой доро-ги не было? А-а! Поминишь, что ль?

Анна Семеновна *(потупля глаза и разбирая бахрому у платка)*. Чай вѣдь не вовсе безпамятная.

Князевъ. Ахъ, ты, безпамятная! Ужъ я тамъ по клад-бищу-то ходючи тебя вспоминалъ, вспоминалъ, да и счетъ съ памятью забылъ. И тутъ-то Пюша; и вотъ здѣсь-то она; и вотъ тутъ не безъ нея... Тифу ты, грѣхи наши тяжкіе!

Анна Семеновна. Не со мной ты съ одной тамъ прогу-лвался: у тебя стать вѣшать до Москвы на столбахъ по одной—но перевѣшавъ.

Князевъ *(персбивая)*. Да не про то, глупая! Я говорю, что, тебя вспоминаючи, вспоминишь, какой народъ-то былъ. И промежъ вами сестрой, промежъ бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровы, а у насъ все, бывало, свое идетъ: о полвечерни рѣжешь себѣ прямо на могилки; а Пюша ужъ тамъ... *(Заирывается съ ней.)* Сидитъ, разбойница, на камушкѣ въ плепочкахъ... дожидается... А-а? Или за что не обмануть... А? Поминишь что ль? *(Ласкаетъ ее и смеется.)* Хе-хе-хе-хе! Эхъ ты, звѣзда восточная!

Анна Семеновна *(съ притворнымъ неудовольствіемъ)*. Да ну тебя совсѣмъ! Нашелъ про что и вспоминать? Знать видно молодья-то ужъ понче прочь гонять, такъ хоть про старое поговорить.

Князевъ. Опять же не про то! Что молодья! Тифу!.. Козлихи онѣ все понче, и совки, да пеловки. Пхъ са-михъ-то надо еще по всякій часъ учить... *(Поглаживая ее по плечамъ)* Не то, что вѣсть эта мать-лебедушка: босою ножкой, бывало, выйдетъ, встрѣтитъ и проведетъ и выведетъ... *(Беретъ ее за руку.)* Пшь, окаянная, и теперь еще пульсы бьются!

Анна Семеновна *(не совладавъ съ довольной улыбкой, от-такиваетъ Князева)*. По-оди про-очи!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и возвратившійся Мякишевъ (входитъ и заводитъ у двери часы).

Князевъ (отходя на ассисцену). Глупа какъ ступа конопляная эта женщина, а съ большимъ огнемъ была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она ужъ тутъ — и время выщеть и случай и, какъ звѣзда, куда положешо и катить. Смерть люблю такихъ женщинъ за обычай! (Секундная пауза.) Вотъ у Марины обычай совѣмъ другой: это репескъ колочий!.. (Опять короткая пауза.) Ну, да я и этакихъ тоже люблю. (Смѣясь.) Хуже себѣ ничего не могу представить, какъ то, что послѣ моей смерти на землѣ вино, деньги и красивыя бабы останутся!.. (Къ публикѣ.) Вотъ такъ-то разсуждайте, кто какъ любить! Говорять: «я тебя всею сердцемъ люблю». По-моему, это ничего не значить. А я вотъ (попирая большими пальцами концы дружекъ пальцевъ)... я все чувствую... какъ только вспомню про Марину... такъ физическіе нервы мои болятъ. Особенно вотъ тутъ, вотъ въ самыхъ въ пальтикахъ ноетъ... Весь боленъ даже стану; а мнѣ свое здоровье мило... Да, ужъ по этому по одному мнѣ нельзя пожалѣть Молчанова... нельзя, никакъ нельзя... я боленъ!.. Я не виноватъ, что это у меня такъ не проходитъ!

Мякишевъ (подходя). Знаете, я что? (Махнувъ рукой.) Я молчать буду.

Анна Семёновна. Давно бѣ вотъ такъ-то лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (сходя, про себя). Съ лучкомъ.

Мякишевъ. А, братъ, Калина Дмитричъ, здравствуй! Какъ? Все ли въ своемъ?

Дробадоновъ. Живу. Благодарю покорно. (Садится.)

Князевъ (про себя). Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этотъ жукъ-огнелюбивъ выползъ. Въ два года разъ на сходку ходить, а нынче явился!.. Противный человекъ. Все его любить, а я вѣкъ цѣлый его терять не могу. По нынче ему подстроено,—спотыкнется.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Гвоздевъ и Минутка.

Гвоздевъ. Хозяевамъ и Фирсѣ Григорьичу.

Князевъ. Здравствуй и ты, Илья Сергѣичъ! А что, какъ твоя супружница?

Гвоздевъ. Благодарю покорно — опасности нѣтъ — свинка у нея сдѣлалась.

Минутка. Въ самой венци свинка?

Князевъ. Ну... ты опять съ своей самой вонюхо! У русскихъ свинки въ горлѣ бывають. (*Гвоздеву.*) Фіалковаго меду надо давать.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Варенцовъ.

Варенцовъ (*Князеву*). Здоровья всякаго.

Князевъ. Спасибо, братъ, спасибо. Что это у тебя заборъ, что ль, новый пынче будутъ ставить?

Варенцовъ. Нѣтъ, старенькій пересылаю, Фирсѣ Григорьичъ. Что! ужъ съ этими заборами у насъ одна бѣда: безъ забора скотина все новытравить, а поставь заборъ — сейчасъ его народъ на тонку растащигъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Канунниковъ (*которому Князевъ подаетъ руку и удерживаетъ ее въ своей руке*).

Князевъ (*Гвоздеву*). А ты взакрой вели заборъ-то забирать, не на шпиль чтобы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидитъ плотно; а сверху скобочку пускай прибьютъ: такъ вотъ оно живетъ и плотно. А что воринки, такъ мы съ головою на воринекъ открыли средство: на той недѣлѣ голова предложить приговоръ, чтобъ ихъ при первомъ же наборѣ всѣхъ безъ очереди сдать. Въ газетахъ помѣстимъ, чтобъ всякій зналъ и, ужъ попавшись бы, на общество не плакался. (*Канунникову.*) А ты, нашъ Баянъ Петровичъ, будто нездоровъ?

Канунниковъ (*всело*). Какъ быть здоровымъ, Фирсѣ Григорьичъ, когда всю ночь не спалъ.

Князевъ. Банчинку что ли съ головою метали?

Канунниковъ (*также всело*). Да нѣтъ! Какое тамъ банчинка! Собаки все проклятыя. Вотъ надо! То мечутся, то рвутъ, то воютъ... тифу ты совсѣмъ, ровно въ самомъ

дѣлѣ передѣ пропастью какою. Заснулъ-было — подавило. Дай, думаю себѣ, спрошу, какъ старые люди учатъ: къ добру или къ худу? Спросилъ — говорить: «къ худу». Ну гдѣ-жъ тутъ спать? А проснулся—опять нмы воютъ.

Князевъ. А ты бѣ педѣ собой подушку перевернулъ: они бы и выть перестали. Это у тебя жаръ въ головѣ, съ жару не спится.

Дробадоновъ (*про себя*). И тутъ знаетъ, чтѣ посовѣтовать.

Канунниковъ (*смыясь*). Какое съ жару: со страху. На дачѣ былъ вчера да занездать: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чемъ и ѣдешь.

Князевъ. А ты бѣ пощупываль.

Канунниковъ. Да еще лошадь-то изъ рабочихъ лѣнивая, ободрать ее, поналась, что не дошлешься ей.

Князевъ. Дратъся надо было съ ней хорошенько, когда лѣшвая.

Дробадоновъ (*очень громко*). Ха-ха-ха-ха!

Князевъ. Чего такъ расхватило?

Дробадоновъ. Съ радости, что и съ лошадьми ужъ учиниъ дратъся.

(*Входятъ еще нѣсколько купцовъ разомъ и раскланиваются.*)

Князевъ. А вотъ и мѣръ весь въ сборѣ.

Дробадоновъ. Теперь можно и батьку убѣтъ.

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Иванъ Максимычъ идетъ.

Всѣ. Тссс! (*Кромѣ Дробидонови все сторонятся, очищая дорогу отъ двери.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Молчановъ (*густый, но спокойный, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ. Молча жметъ ему руку и отходитъ къ окну и становится спиною къ тѣстю и ко всемъ фабрикантамъ. Пауза.*)

Канунниковъ (*шопотомъ*). Тихій ангелъ летаетъ.

Князевъ (*громко*). Нѣтъ, не узналъ. Понѣ говорятъ: это мировой судья родится.

Канунниковъ (*смыясь*). А воровъ страхъ беретъ. (*Дробадоновъ неожиданно чмтаетъ такъ громко, что все вздрагиваютъ и раздаются восклицанія.*)

Князевъ (*тихо*). Тифу! слонъ египетскій, какъ испугаль. (*Минуткѣ.*) Ступай, проси сюда скорѣй голову!

Минутка (*взглянувъ съ окна*). Они идутъ-сь.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Колокольцовъ съ портфелемъ. Съ нимъ подѣ руку
Марья Парменовна. Все поднимаются.

Колокольцовъ. Мое почтеніе, господа! Марья Парменовна,
прошу васъ. (*Указываетъ ей на мѣсто за столомъ. Сидитъ рядомъ съ нею и вынимаетъ изъ портфеля бумаги.*)
Все здѣсь?

Дробадонсвъ (*вздохнувъ*). Которыхъ надо—все.

Колокольцовъ. А, и вы, Калина Дмитричъ, пинче съ
нами. Простите, не замѣтить.

Князевъ. Махонькій — не вотъ-те-на его разсмотришь.
(*Общій смѣхъ.*) Чихнулъ, такъ дома чуть-чуть не опроки-
нулъ. Вотъ то-то значить, что безгрѣшный человѣкъ: надъ
нимъ хоть крыша упади, такъ онъ не побойтся смерти.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ!

Молчановъ (*молча отходитъ отъ окна и становится къ
столу, за которымъ сидитъ Дробадонсвъ, спиною къ нему,
лицомъ къ голосу и къ ушедшимся фабрикантамъ*).

Колокольцовъ (*Молчанову*). Прежде чѣмъ я черезъ ми-
путь, какъ должностное лицо, открою собраніе по вашему
дѣлу, я, какъ частный человѣкъ, прошу у васъ извиненія,
что полчаса тому назадъ не могъ принять васъ. (*Молча-
новъ кланяется.*) Я васъ не могъ принять какъ потому,
что я вчера уже разсматривалъ съ бывшими вашими опе-
кунами ваши бумаги и составилъ себѣ о вашемъ дѣлѣ
опредѣленное мнѣніе, такъ потому, что въ то время, когда
вы ко мнѣ заѣхали, у меня была ваша супруга, и мы съ
нею разсуждали о васъ. Я нарочно за тѣмъ пришелъ...
Тифу!.. Простите: я за тѣмъ къ вамъ обращаюсь, чтобы
оправдаться передъ вами.

Молчановъ. Я не знаю, въ чемъ вы такъ много извиняе-
тесь: и оскорбленіе не велико, и всякій воленъ кого хочеть
принять или не принять въ своемъ домѣ.

Дробадонсвъ. На то ворота вѣшаютъ.

Анна Семеновна. Нѣтъ, квартальнаго, хоть и ворота есть,
а не смѣешь не пустить: въ Москвѣ кунцпу за это по-
вымъ судомъ судили.

Князевъ (*про себя*). Дробадонъ что-то дробадонить... Падо
бы ему большичку въ губу вдернуть.

Колокольцовъ (*по смѣху*). Прошу занять мѣсто и объявляю

вамъ, что засѣданіе открыто. (*Усаживаются въ полукругъ. Дробадоновъ и Молчановъ остаются на прежнемъ мѣстѣ.*) Мы взяли эту комнату для засѣданія потому, что присутственная камера думы тѣсна для такого большого собранія, въ какомъ, по справедливости, слѣдуетъ судить дѣло Ивана Максимовича. Впрочемъ, дума здѣсь же, за этою стѣною, въ домъ Пармена Семеныча, и, я надѣюсь, никто ничего не будетъ имѣть противъ того, что мы собрались по сую сторону стѣны, а не по ту сторону?

Молчановъ. Не въ этомъ дѣло.

Князевъ. Да, онъ умнѣе всѣхъ сказалъ: не въ этомъ дѣло. Пускай дѣло начинается.

Колокольцовъ. Господа! вниманіе. (*Минутка.*) Читайте.

Минутка (*беретъ бумагу и читаетъ*). «Душеприказчики покойнаго коммерціи совѣтника, потомственного почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, Максима Петровича Молчанова, а внослѣдствіи опекуны и попечители единственнаго его сына и наслѣдника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирсъ Григорьевъ Князевъ и Пармень Семеновъ Мякишевъ, довели до свѣдѣнія общества и городского головы, что сказанный купецъ Иванъ Максимовъ Молчановъ, съ дѣтства своего постоянно отличаясь страстію къ расточительству, во время бытности своей въ опекѣ, а потомъ до двадцати одного года, согласно желанію покойнаго отца его, подъ попечительствомъ, былъ отъ сей вредной склонности постоянно воздерживаемъ».

Молчановъ (*кѣрбивая*). Позвольте:

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть слово.

Минутка (*продолжаетъ*). «По достиженіи же законнаго совершеннолѣтія, онъ, Молчановъ, чувствуя самъ сію слабость и влеченіе къ разсѣянной и безпутной жизни, самъ уполномочилъ бывшихъ опекуновъ своихъ Князева и Мякишева довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ, а самъ провелъ три года за границею, для изученія будго бы торговаго дѣла, но сего не исполнилъ».

Молчановъ (*перебивая*). Чего не исполнилъ? чего я не исполнилъ?

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть въ свое время слово.

Молчановъ. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клеветуютъ. Я изучалъ фабричное дѣло и сего знаю.

Князевъ. Читай, Минутка.

Минутка (*продолжаетъ*). «Прибывъ же два года тому назадъ на родину и вступивъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, въ самое кратчайшее время привелъ все свои дѣла и счета въ безпорядокъ; расходы по фабрикаціи непомѣрно увеличилъ: доходы же привелъ къ существующему ничтожеству и кромѣ того обнаружилъ во всей своей силѣ свои прежнія склонности къ мотовству и расточительству, какъ-то: занималъ у разныхъ лицъ деньги и выдавалъ на себя векселя; векселей этихъ своевременно не оплачивалъ, а переписывалъ, увеличивая сумму; затѣмъ имѣющіеся полученія расходовалъ заранѣе самымъ безразсуднымъ образомъ и претензію въ двѣсти тысячъ рублей уступилъ въ пользу пріютовъ, вмѣсто того чтобы сею суммою расплатиться съ долгами. И наконецъ, онъ сдѣлалъ безвкладными пайщиками въ операціяхъ фабричныхъ ремесленниковъ, дабы вредить прочимъ фабрикантамъ; купить домъ для посторонней женщины въ ущербъ благосостоянія своей семьи и, наконецъ, при многихъ свидѣтеляхъ, подписавшихъ акты, выразилъ непремѣнное свое желаніе расточить все свое имѣніе, лишь бы ничего не досталось его женѣ и дѣтямъ. Такой образъ дѣйствія Ивана Молчанова, несомнѣнно клонящійся къ прямому его разоренію, вынудилъ душеприказчиковъ отца его обратиться на сіе вниманіе общества и просить объ огражденіи его наслѣдственного имущества, составляющаго обезпеченіе семейства, отъ разоренія. Одновременно съ симъ подано прошеніе и женою Молчанова, Марьею Парменовою Молчановою, которая, подтверждая общее мнѣніе, что мужъ ея есть расточитель, просить, въ огражденіе ея семейства отъ неминуемо-угрожающей нищеты, взять мужа ея за расточительство въ онеку».

Молчанозъ (*глядя на жену*). Въ онеку! (*Качая головою*). Такъ вотъ кто первый выговорилъ это слово!

Князевъ. Кого это ближе всѣхъ касается, тотъ и выговорилъ это слово!

Варенцевъ (*вздыхая*). Намъ изъ-чулки жаль; а она мать.

Марья Парменовна (*плача*). Я мать; я должна дѣтей обезпечивать.

Князевъ (*Минуткѣ*). Дочитывай.

Минутка. «Городской голова, члены сиротскаго суда и думы, рассмотрѣвъ все это дѣло, нашли представленіе купцовъ

Князева и Мякишева, а равно и произнесіе жены Молчанова заслуживающими вниманія и постановили передать это дѣло на общее обсужденіе всего общества и о томъ, что оно постановитъ, написать приговоръ». (*Кладетъ бумагу на столъ.*)

Колокольцовъ. Вотъ, милостивые государи, предметъ нашего сегодняшняго собранія. Иванъ Максимовичъ и его супруга, голосъ которой имѣетъ первое мѣсто, оба здѣсь. (*Со двора слышатся нетерпѣливые гулы толпы.*) Купечество въ полномъ сборѣ, мѣщане на дворъ во всемъ своемъ составѣ (*шутливо*) и, какъ слышите, напоминаютъ намъ о себѣ этими воплями.

Дробряденовъ. Какъ вороны крови ждуть. (*Молчановъ сдвигается.*)

Князевъ (*тихо*). Сейчасъ имъ стору выкинуть.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! вамъ что-то угодн было сказать? Можетъ-быть, вы противъ кого-нибудь что-нибудь имѣете?

Молчановъ. Я противъ всѣхъ имѣю.

Князевъ. Никого, спасибо, не обидѣлъ.

Молчановъ. Здѣсь всемъ выгодно, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь гадость; но я васъ спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этотъ судъ? Пять дней тому назадъ меня никто не признавалъ ни расточителемъ, ни мотомъ, вы сами, господинъ голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы израсходовать эти деньги на какую-то поездку. Я совсѣмъ человѣкъ былъ еще, такой же гражданинъ, какъ всѣ здѣсь присутствующіе, какъ Петръ, Иванъ, Сергій: у меня можно было денегъ просить, и я могъ дать ихъ или не дать, считая вашу нужду не нуждою, а прихотью. И вы и каждый признавали меня въ такомъ правѣ—и вдругъ вы, тѣ же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня вашимъ мѣщанскимъ судомъ человѣческія права, права, которыя дали мнѣ Богъ, природа. Гдѣ взяли вы такое право?

Князевъ. Минутка, прочитай ему законъ.

Молчановъ. Законъ! Не нужно мнѣ читать закона. Здѣсь дѣло не въ законѣ. Ваши заботы не о томъ, чтобы обстоять законъ, чтобы его исполнить, а о томъ, чтобы беззаконно сдѣлать на законномъ основаніи. Такихъ расточителей, какъ я, полно Россіи. Всѣ люди расточители и всѣ... быть-

можетъ болѣе, чѣмъ я. Гусарь, который безъ гроша вѣрнаго дохода землянику ѣсть зимой, по полтиннику за ягоду, — его въ опеку; ремесленникъ, который въ одинъ часъ пропиваетъ недѣльный заработокъ, — его въ опеку; чиновникъ, который сто рублей въ годъ жалованья получаетъ, а въ сто рублей женѣ одно платье шьетъ, — тоже въ опеку его...

Дробадоновъ. Этого хоть и въ острогъ, такъ у мѣста былъ бы.

Молчановъ. Берите всѣхъ, всѣхъ въ опеку... да и себя ужъ заравно въ опеку сдайте. Такъ пусть и будетъ въ круговую... даже въ ландкартахъ географическихъ, вмѣсто *Россия*, пусть пишутъ *Опека*. Подводи меня подъ это, вы всѣхъ подъ то ведете и сами подъ то же лѣзете.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, это все умно сказано и прекрасно, да къ дѣлу не идетъ.

Гвоздевъ. Ты дѣло говори.

Мякишевъ (*подходя, тихо*). А ты оправдывайся, Валя.

Молчановъ. Да не знаю я, въ чемъ мнѣ оправдываться! Во всемъ этомъ дѣлѣ я дѣла никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконіе, взманивающеся на законъ; одну придирку и ничего болѣе. Я не хвалю себя! я молодъ былъ, кутить, любить веселую компанію. Что жъ дѣлать! знаю самъ, что, можетъ-быть, полсотни тысячъ промоталъ...

Князевъ (*Минутка*). Замниши.

Молчановъ. Но это было, да прошло.

Князевъ (*сладостно*). А на полсотни тысячъ что вѣдъ могло быть сдѣлано-то? Вѣдъ это пяти... да что я говорю: пяти! — десяти, пятнадцати семействамъ до вѣку кусокъ хлѣба дать бы можно.

Гвоздевъ. Но три тысячи... Это бѣдной семьѣ довѣчный капиталъ.

Молчановъ. Правда, правда. Прокутить полсотни тысячъ — это большая низость; но удивляюсь сердоболью вашему о бѣдныхъ. Всѣ вы такіе, какъ и я. Вотъ здѣсь недалеко ходя сидятъ... ну три, четыре человѣка, которымъ случай кинулъ по миллиону: кто же изъ васъ рвался, чтобы свою гортань или чрево жадное унять и вспомнить немущихъ?

Колокольцовъ. Тутъ дѣло не о ближнихъ, а о семьѣ, Иванъ Максимычъ.

Князевъ. Да, о семьѣ.

Гвоздевъ. За семью твою боятся: вѣдь вошь жена что пишеть: *расточитель*.

Молчановъ. Да позвольте мнѣ спросить васъ: вы отдаете отчетъ своимъ женамъ?

Нѣсколько голосовъ. Да наши жены что жъ понимаютъ?

Канунниковъ. Нашихъ бабъ съ постелей вставать, и то пѣтухи учать.

Гвоздевъ. Ребятъ рожать имъ да рядиться — вотъ ихъ рукоместо.

Молчановъ. Такъ что жъ моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, какъ-нибудь особенно, что при ней мужъ ничего не долженъ значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Шшто въ ученъи польза-то бываетъ? У ученыхъ денегъ-то меньше нашего.

Дробадоновъ. У насъ то полезно, что въ ротъ полѣзло.

Канунниковъ (*смѣясь*). Чего ихъ учить-то, когда съ ними и съ неучеными не справишься! Хвосты въ семь аршинъ пораспуцають и ходять какъ сподифы.

Колѣкольцовъ. Что жъ, это только значить, что наша женщина въ постоянномъ угнетеніи.

Молчановъ. Въ угнетеніи! Гм! и вотъ она, угнетенная, пришла сюда судить предъ всѣми мужа! Она сидитъ здѣсь, съ судьями моими, а я, которому она у алтаря Господняго клялась быть мнѣ подругою... пѣтъ... болѣе того: господиномъ, строителемъ семьи признавать меня... она мой обвинитель здѣсь; она сидитъ въ почетномъ мѣстѣ за то, что посмѣялась надъ клятвой... Она, которой я перстомъ не тронулъ, которой сроду словомъ не обидѣлъ, сидитъ здѣсь съ вами и судитъ мужа такимъ судомъ, какимъ еще Шемака не судилъ, какимъ не дай Богъ Канну судиться; а я одинъ стою, мнѣ даже мѣста нѣтъ; скамейки у коровницы не заняли, чтобъ посадить меня по крайней мѣрѣ!

Мякишевъ (*встаетъ и торопливо приноситъ Молчанову стулъ*). Сядь, Валя, сядь, безчастный!

Марья Парменовна. Ну, вотъ тебѣ и стулъ—садись.

Молчановъ (*цѣлуя тещу*). Благодарю. Не надо.

Марья Парменовна. Вотъ ты вѣдь и всегда такой. Вѣдь вотъ при всѣхъ теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, мѣста ему нѣтъ, а подали стулъ—и не надо. (*Какъ*

бы тронутая.) Ну, вот сюда иди, когда не хочешь тамъ садиться. (*Подвигаясь и освобождая мѣсто*). Иди же что ль? (*Переминая топь*.) Вѣдь кланяться не буду.

Молчановъ (*горько*). Намъ съ вами вмѣстѣ больше не жить и не сидѣть.

Князевъ. Кто пынче съ женами изъ образованныхъ людей живеть!

Марья Парменовна. Такъ что жъ тебѣ съ чужою. стало-быть, показано теперь ужъ жить? Стало чужая лучше?

Князевъ. А какъ же не лучше? въ чужую жену чортъ меду ложку кладеть.

Марья Парменовна. Нѣтъ, ты когда женился, такъ живи. А не хочешь, такъ заставитъ.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтобъ жепъ къ мужьямъ отпраивлять, если требуютъ, — такъ теперь новый судъ, не безпокойся, и на мужей законъ выдасть. И васъ приводить будутъ.

Князевъ (*съ сдержанной улыбкой*). Будутъ, сватья, будутъ. (*Молчанову*.) А ты, не такъ ты на это дѣло, другъ Иванъ Максимычъ, смотришь. Я, долго твои умныя рѣчи слышавши, вотъ чтѣ тебѣ скажу: строитель-то семьи ты строитель, а тебѣ жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты самъ вѣдь вспомянулъ сегодня, что вы съ нею въ церкви вѣчаны; а мы не иѣмцы: у насъ разводевъ иѣтъ. Она здѣсь проситъ на тебя! Да что жъ такое? Мало ль женъ, которыя просили на мужей, не только что въ обществѣ, а и у квартальныхъ на мужей жаловались, да вѣдь не расстаются же съ ними со всѣми мужья—жить.

Канунниковъ (*смѣясь*). А у мѣщанъ и у мужиковъ такъ еще и розгами мужа на сходкѣ по женишой жалобѣ отжарять, а все опять живутъ. Домой придуть, онъ ее пощелкаетъ... (*Махнувъ рукою*.) У насъ на этотъ счетъ просто.

Гвоздевъ. Куда подѣнешься! законъ свой надо соблюдать.

Варенцовъ. И воютъ, да живутъ.

Молчанозъ (*къ вдовѣ*). Иванъ Николаичъ, позвольте васъ спросить, для чего я позванъ сюда передъ обществомъ? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ прикажите про расточительность и говорить, а не про то... чтѣ здѣсь говорится.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. Мы народъ.

Князевъ. Мы простецы, такъ попростому и разсуждаемъ, а по-ученому, по-заграничному не умѣемъ и не поймемъ пожалуй.

Колокольцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ есть связь во всемъ...

Анна Семеновна. Да какъ же не связно! Теперь ужъ заодно въ одно время его судить и за расточительность, и за нелюбовь.

Колокольцовъ. За нелюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего жъ нельзя?

Колокольцовъ. Нѣтъ основаній нравственныхъ; закона нѣтъ.

Анна Семеновна. А развѣ все по закону судять? Нѣтъ закона—но писанію судить можно.

Князевъ (*улыбаясь*). Ну, полно, сватъ, вратъ. (*Молчанову.*) А я опять тебѣ, Иванъ Максимычъ, рѣшаюсь доложить. Можетъ ты и вправду честный человекъ...

Колокольцовъ (*перевивая*). Да въ этомъ, я думаю, и сомнѣваться невозможно.

Князевъ. Ну да. Честный человекъ у насъ, говорятъ, одну жену обманываетъ: такъ ужъ, стало-быть, и потому ты честный. А вотъ ты говоришь, что такое въ твоей женѣ особеннаго. Я тебѣ расскажу это. Ты вспомнилъ, что тамъ вамъ было въ церкви нѣто, а пѣсни-то эти, должно, не всегда наигрывали. Пять лѣтъ ты, женатымъ бывши, по Вѣнамъ да по Парижамъ разъѣзжалъ—много ты о ней тамъ вспомнилъ? А вѣдь она здѣсь, какъ италика, взаперти сидѣла; дѣтей твоихъ глядѣла, а суперантовъ, какъ другія прочія, не заводила. (*Съ удареніемъ.*) Именно-то твоего, безпутная ты голова, она вѣдь не замарала, хоша... стоилъ бы ты, можетъ, того, и очень бы стоилъ.

Молчановъ. Вы за собою бы лучше посмотрѣли, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*тихо*). Я не бросалъ жены; домовъ любовницамъ не покуналъ.

Молчановъ. А съ задняго крыльца черезъ садовую калитку всю слободу къ себѣ переводили.

Колокольцовъ. Тсс! Господа! господа!.. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы не на площади.

Молчановъ (*горячо*). Не позволяйте оскорблять меня. Противъ жару и камень треснетъ.

Колокольцовъ. Во всякомъ случаѣ, Иванъ Максимычъ, на оскорбленія можно жаловаться послѣ; а домашними дѣлами считаться здѣсь не мѣсто.

Варенцовъ (*смирно*). Особенно такими пустяками: ими какъ и считаться?

Гвоздевъ (*вздолснувъ*). Такое дѣло Богъ одинъ разсудить; а ты, милуша, прошлымъ человекъ не кори.

Дробадоновъ. И посейчасъ оно есть.

Колокольцовъ (*улыбаясь*). Калина Дмитричъ... слово здѣсь отвѣтственно.

Молчановъ (*всплеснувъ руками*). О, Господи! И это мѣръ, и это суды! (*Бѣшено къ Колокольцову.*) Рѣшайте что-нибудь со мной скорѣй: я не могу здѣсь съ вами оставаться! Это не судъ, а разговоры возмутительные. Я не хочу этихъ разговоровъ слушать: у меня дѣло есть; меня люди дома ждутъ.

Князевъ. Не торопись, не всюду разомъ поспѣшай. Кто ждетъ, такъ подождетъ, а то другая рѣчь — была бъ постелюшка, а милый найдется.

Молчановъ (*быстро скомкиваетъ въ рукахъ шляпу, но, осладивъ собою, говоритъ спокойно*). Я просто думаю, что вы издѣваетесь: это болтовня какая-то.

Дробадоновъ. А домъ, что купленъ Гусляровой, — такъ это я совралъ: домъ этотъ я купилъ. (*Общее движеніе.*)

Князевъ (*смѣясь*). Ха-ха-ха, проворовался грѣшникъ...

Молчановъ (*перевивая*). Не надо лгать, Калина Дмитричъ: я купилъ. До этого никому дѣла нѣтъ: я свое дарю.

Князевъ. Врешь, не свое, а дѣтское.

Молчановъ. Вы врете! Я своимъ дѣтямъ отецъ, а не холопъ кабалный, чтобы при нихъ уже ничѣмъ не смѣлъ распорядиться. Я долгъ, обязанность имѣю помочь Гусляровымъ.

Анна Семеновна. Гдѣ жъ это такая обязанность, въ какомъ законѣ показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что отъ любви-то дѣти бываютъ?

Молчановъ (*презрительно жемть*). Знаю! Я и то знаю, что они, къ стыду человѣческому, у низкихъ людей, каковы мы съ вами, и безъ любви рождаются.

Канунниковъ (*весело*). Ребята, что мокрицы, они вездѣ водятся.

Марья Парменовна. Ну, такъ что жъ ты? Такъ ты и долженъ помнить, что вѣдь и другихъ дѣтей надо будетъ награждать.

Князевъ. Ну, гдѣ тамъ поиче дѣти родятся, гдѣ ихъ не хочутъ!

Молчановъ *(быстро)*. Господишь голова! велите имъ молчать!... Что это въ самомъ дѣлѣ такое? До чего это дойдетъ? Я протестуюсь и выйду вонъ отсюда.

Колокольцовъ *(тупясь съ бумагой)*. А для чего вы вздумали продать свое имѣнье, Иванъ Максимычъ, когда это тревожить вашу супругу?

Молчановъ *(вертя свою шляпу)*. Для чего?

Князевъ. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болѣть будетъ.

Молчановъ *(быстро скожисаетъ шляпу и съ бышестомъ бросаетъ ее въ Князева. Весь всакиваетъ)*. Вотъ для чего, чтобъ этотъ гадъ пзъ терпѣнія бы меня не выводилъ. *(Смятенъе. Весь встаютъ.)*

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! Вы не въ своемъ умѣ!

Князевъ. Я дураку прощаю.

Колокольцовъ. Но мы простить не можемъ: мы всѣ оскорблены.

Молчановъ *(совершенно забываясь)*. Вы!... Вы?... Да что такое вы? *(Указывая на Князева.)* Когда онъ, воръ, убійца, развратитель... когда онъ не боится васъ, такъ что жъ такое вы? *(Въ азартъ.)* Я говорю вамъ: онъ убійца! Пините протоколь!! Онъ утопилъ въ рѣкѣ моего отца. Весь городъ это говоритъ! *(Князевъ вздрагиваетъ.)* Что вы меня терзаете допросами, тогда какъ у меня отцовская кровь изъ сердца выступаетъ!.. Вы злите меня вытребовалш... Я понимаю васъ... вы всѣ здѣсь Князевская шайка!.. Кто не дуракъ, тотъ плутъ; а кто не плутъ, такъ грошъ ему цѣна. *(Князевъ встаетъ и тихо машетъ рукою по направлению къ двери, давая знакъ всемъ выходить. Ближайшіе къ двери кнуцы тотчасъ же одинъ за другимъ выходятъ. Прочіе, не сводя съ Молчанова глазъ, тоже поднимаются къ двери. Молчановъ же, не замѣчая этого движенія, продолжаетъ.)* Вы понагнали во дворъ сюда мѣщанишекъ, пзъ которыхъ Князевъ давно весь мозгъ повытрясъ. Онъ ихъ угощалъ черезъ своихъ сидѣльцевъ. Онъ ихъ страдалъ, что фабрики черезъ меня позакрываются и черезъ меня ни у

кого у нихъ работы не будетъ. Вы научили доброму мою жену просить на мужа... Зачѣмъ еще дѣтей моихъ сюда не привели?..

Марья Парменовна (*проходя со внутреннія комнаты*). Печего тебѣ здѣсь дѣтей вспоминать.

Молчановъ (*Колокольцову*). А вы! вы... голова, товарищ мой, вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу. Соціалистъ вы были, народникъ... славянинъ вы... вы изъ-за чего подличаете? Изъ-за того, что Фирсовымъ рабѣльствомъ попали въ головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а чортъ васъ знаетъ, что вы... (*забываетъ*) вы мерзавецъ!

Колокольцовъ (*быстро нагиается подъ столъ и шаритъ тамъ рукою*).

Князевъ (*Колокольцову*). Чего вы ищете?

Колокольцовъ. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... (*Не разибаясь выбѣгаетъ на дворъ. За головою одинокъ за другимъ выходятъ остальные куцы*.)

Молчановъ. Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую вѣру въ правду, и вотъ за это расточительство васъ все свои и все чужіе люди честные—потомство, Богъ, исторія осудятъ... (*Князевъ уходитъ въ среднюю дверь и запираетъ ее за собой*.)

Молчановъ. Не расточителемъ, а стяжателемъ великимъ буду... если Богъ поможетъ мнѣ хоть все, хоть до послѣдняго алтына все отдать тому, кто бы сумѣлъ вдохнуть живую душу въ грудь моихъ открытымъ всякому пороку дѣтямъ!..

Анна Семеновна (*проходя со внутреннія комнаты*). А для чего же сказано: остави останки младенцамъ своимъ? (*Уходитъ*.)

Молчановъ. Они богаче будутъ, оставшись нищими, да не съ такой волей слабой и не съ такимъ ничтожнымъ сердцемъ, какое тутъ (*бьетъ себя въ грудь*)—какое тутъ у ихъ несчастнаго отца! (*Блѣднѣетъ и падаетъ безъ чувствъ въ кресло*.)

Драбодоновъ (*сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенною головою со все время монолога Молчанова, быстро вскакиваетъ*). Что это? (*Испугавшись*). Все ушли! (*Вскакиваетъ и сильно хватается Молчанова*.) Иванъ Максимычъ! Не время спать! (*Въ ужасѣ*.) Онъ сомнѣлъ.. Что дѣлать, Господи! (*Бросается къ двери*.) Га! запѣта! (*Толкаетъ дверь, но она не вс-*

дается.) Мы здѣсь въ ловушкѣ! (Индается къ Молчаносу, схватываетъ его безчувственного и тащитъ передъ собой къ окну.) Приди, приди въ себя! Черезъ минуту кончатъ судъ, и нѣтъ спасенья!

Молчановъ (растрепанный). А!.. что такое?.. лѣсъ...

Дробадоновъ (открываетъ окно, черезъ которое тотчасъ же срысается цуль большой толпы; онъ держитъ Молчанова подъ плечи передъ окномъ и кричитъ громко). Народъ! мѣръ! люди, на комъ есть кресты! кто въ Бога вѣруетъ! глядите: это человѣкъ... (Замыкая, что его не слышатъ, бросаетъ Молчанова съ кресла). Не слышать! (Бьются съ размаха въ закрытыя двери и растворяетъ ихъ. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Молчановъ (одинъ, приходитъ въ себя). Что?.. Гдѣ Калина Дмитричъ? Всѣ ушли... (Схватываетъ себя съ отчаяніемъ за голову.) Что это было? (Съ увеличивающимся ужасомъ.) Я ихъ бранилъ, я велъ себя, какъ мальчижъ... (За сценой слышенъ голосъ Дробадонова: «Спросите совѣтъ: что кому онъ злое сдѣлать».) Пойду имъ въ ноги кинусь... вѣдь осудятъ... (Прислушивается.) Калина Дмитричъ говоритъ! (Надвигается на колѣни.) Великій Господи! когда судили Гуса, соловей заплѣлъ, и чье-то сердце дрогнуло отъ этой пѣсни,— неужто же ихъ и человѣческое слово не тропеть! (Слышенъ вдругъ громкій шумъ снизу и голоса: «Врешь! знаемъ мы! Ты не учитель намъ; насъ Фирсъ Григорьичъ не обманеть». Слытъ, гамъ и озлобленные крики: «Вонъ мускательщик! Вонъ Дробадонова!» Нѣсколько рукъ вталкиваютъ сильно растрепаннаго и комятаго Дробадонова въ двери.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (въ совершенно разорванномъ сюртукѣ слезаетъ на сцену отъ сильного толчка сзади). Ухъ! (Опрашивается).

Молчановъ (быстро всталъ и схватывая Дробадонова за руку). Что?

Дробадоновъ. Опска.

Молчановъ (падаетъ съ обморокъ).

Дробадоновъ (поднимаетъ Молчанова, разстегиваетъ его жилетъ и даетъ ему со стола стаканъ воды).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Служанка.

Служанка *(сбывая на стукъ отъ паденія Молчанова)*
Что это здѣсь упало, Калина Дмитричъ?

Дробадоновъ. Что упало, то подняли.

Служанка. Что жъ тутъ случилось?

Дробадоновъ. Деревня мужика переѣхала. Пошла, принеси мнѣ иглу съ ниткою, да поздоровѣе.

(Служанка уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ *(идетъ съ палочкою, и все, которые выходили съ нимъ на судъ, кромѣ женщинъ).*

Князевъ *(тихо Колокольцову)*. Обирайто руки-то, не расходившись.

Колокольцовъ. Не расходитесь, господа! Прошу сейчасъ же подписывать приговоръ! *(Минутка кладетъ бумагу на столъ, и начинается подписыванье. Подписавшіеся отходятъ и садятся. Молчановъ съ это время поднимается, открываетъ глаза и сидитъ въ остолбенѣніи).*

Князевъ *(на авансценѣ)*. Про что вѣдь говорилъ?.. Молчановъ-то, я говорю, про что говорилъ? Смѣхъ! Ха-ха-ха! Только задѣнь ихъ, сейчасъ дурь замелютъ. Даже про исторію.. Ну скажите вы пожалуйста, кто же этой парши у насъ бояться станетъ?.. Самъ себя осудилъ! *(Вынимаетъ изъ кармана маленькую бомбоньерку, достаетъ изъ нея пастилку и сосетъ.)* А Дробадоновъ-то какъ-было вырвался.. Хи-хи-хи... Нѣтъ, это, братъ, не то! Тебя за добродѣтели твои, за справедливости могутъ чтить, кто хочеть... а тутъ на голодномъ брюхѣ музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказалъ, а подголоски подхватили, что ты корысть имѣешь въ томъ, чтобъ стали фабрики, ну и... на кулачьяхъ вынесли.. Но онъ ужъ началъ не жалѣть и самого себя: такіе люди въ обществѣ не годны. *(Сердито оборачивается и промко.)* Купецъ Калина Дробадоновъ!

Дробадоновъ *(подписываясь)*. Пишетъ.

Князевъ *(съ прокѣй)*. Что? отъ міра видно не прочь.

Дробадоновъ *(кладя пѣр.)*. На міръ не челобитчикъ.

Князевъ. А? (*Подходитъ и смотритъ въ бумагу.*) Опять «конецъ». (*Минутка.*) Читай!

Минутка (*береть бумагу*). «1867 года, мая»...

Князевъ. Не все, а суть одну читай.

(*Входитъ служанка и подаетъ Дробадинову толку съ длинной белой ниткой. Дробадиновъ садится на видномъ мѣстѣ и начинаетъ зашивать свой разоуванный пародомъ стюртукъ.*)

Минутка. Мм...м...м. «А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основаніи всего вышензложеннаго, злостнымъ расточителемъ (*Молчановъ быстро приподнимается*) и, въ огражденіе разрушаемаго имъ благосостоянія жены своей и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, устранить его отъ права распоряженія своимъ имуществомъ и сдать оное въ опеку благонадежнымъ людямъ»...

Молчановъ (*нервически*). Что? что такое?

Князевъ. Въ опеку. Въ опеку тебя приговорили.

Молчановъ. Итъ! Этого не можетъ быть!

Князевъ (*соея настилку*). Ну да, не можетъ.

Молчановъ. Да гдѣ жъ былъ этотъ судъ?

Князевъ. Вотъ, видишь, за руганьемъ-то ты не видѣлъ, какъ и обвинъ сгорѣлъ.

Молчановъ. Тутъ разговоры одни шли.

Князевъ. А развѣ въ чемъ же судъ, какъ не въ разговорѣ? Ты все парламентовъ смотришь; а у насъ это просто.

Молчановъ (*нервически*). За что же, госнода!.. За что въ опеку? Помилуйте! мнѣ тридцать лѣтъ...

Князевъ (*ворочая во рту настилку*). Хотя бъ и триста; а міръ тебя ребенкомъ призналъ.

Молчановъ. Госнода! (*Всѣ тупятся и смотрятъ на Князева.*) Фирсъ Григорычъ! За что ты цѣлый вѣкъ меня преслѣдуешь? Пустя меня на волю—я уйду! Или ты, можетъ быть, униженія моего хотѣлъ?.. (*Идаетъ передъ нимъ на колѣни.*) Смотри, я здѣсь при всѣхъ передъ тобою на колѣняхъ... прости меня... прости меня... въ моей передъ тобою невинности! прости! (*Кланяется въ землю.*)

Князевъ (*проглатывая конфетку*). Вотъ такъ-то бы давно, сынокъ! Не гордыбаченьемъ у старыхъ людей берутъ, а почтеніемъ. А вы всѣ молодость цѣны себѣ пынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставимъ; а все это вздоръ ваши и честь, и гордость! Пока

лафа вамъ—ходите, какъ павы, хвостъ раскинувши, а су-
неть васъ клюкою хорошии старичокъ—и поюзете жабами.
Не хорошо такъ, другъ!.. Вѣдь вотъ теперь смирился нылкій
Шлиппенбахъ—стоишь передо мною на колѣняхъ, и въ
этомъ умный человекъ тебя не покорить. Ты знаешь передъ
кѣмъ стоишь; не пишу почтенье отдашь. *(Кладя ему на го-
лову руки.)* Ну, Богъ тебя простить. Теперь вотъ попроси
людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчановъ. Простите. И себя не помнилъ!

Всѣ *(разомъ)*. Богъ простить.

Князевъ. Нельзя такъ, другъ, не помнить. Ну, да ужъ это
прощено. *(Минутка)*. Читай, Минутка!

Минутка. «И опекунами къ извѣннѣ Молчанова назначить
жену его Марью Парменовну и съ нею вмѣстѣ соопекуномъ
отца ея, куница Пармена Мякишева; а какъ сей Мякишевъ
на сходѣ отъ такой обязанности отказался, то вмѣсто его
(откашлявшись) поручить сію должность съ полною за цѣ-
лостъ имущества отвѣтственностію *(Молчановъ встаетъ съ
колыма и остро смотритъ на Князева)* куницу Фирсу Гри-
горьевичу Князеву». Иванъ Макенмычъ, подпишитесь, что
вамъ объявили. *(Подаетъ Молчанову перо)*.

Молчановъ *(не принимаетъ пера и совсе не замечаетъ
Минутки)*. Ты! ты!.. ты мой опекунъ! *(Бросается съ азар-
томъ на Князева. Общее движеніе въ защиту Князева)*

Князевъ *(поднимая палочку противъ лица Молчанова и
позируя)*. Иванъ Макенмычъ, не пали!.. У насъ, дружокъ,
для этакихъ хватовъ есть уюкойчекъ темненькій, въ сми-
рительномъ. *(Къ обществу рѣшительно.)* Съ согласія моеи
соопекушни, сегодня объявляю всѣмъ словесно, а завтра
пошлемъ въ газетахъ напечатать, чтобы Молчанову ни отъ
кого никакого довѣрїя не было и никакихъ его долговъ, ни
векселей и ни росписокъ мы принимать не будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! *(Всѣ
плачутся.)*

Князевъ *(спокойно)*. Адмиральскій, господа, ударить. Пора
и закусить. *(Уходитъ. За нимъ уходятъ сестра, оставшая въ
комнатѣ Дрободозова и Молчанова.)*

Молчановъ. Катина Дмитричъ! что жъ это?

Дробадоновъ. А ты бѣ поболѣе бѣсился.

Молчановъ. Неужто жѣ это не во снѣ, а въправду?

Дробадоновъ (*окончивъ пришиваніе, закалываетъ въ спинку кресла толку*). Да, Фирсъ Григорычъ молодецъ! И не одинъ я его похваляю, а и чортъ, и тотъ его похвалитъ. (*Идетъ къ дверямъ, куда съ вышли во ступренніе покои.*) Поиду смотрѣть, какъ заливаетъ мѣръ, поѣвши человѣчины.

Молчановъ (*останавливая его восклицаніемъ*). Калина Дмитрыч!

Дробадоновъ (*оборотясь*). Что?

Молчановъ. И ты... и ты... ты, честный человѣкъ... одинъ, которому я съ дѣтства вѣрилъ... и ты своей рукой подписалъ!

Дробадоновъ. Иванъ Максимычъ, ты въправду, звать, не знаешь, что такое мѣръ? Спроси о немъ мои бока. Рѣдко я на него хожу, а все жѣ это имъ не первый снѣгъ на голову... Одинъ на мѣръ не челобитчикъ. Тверезъ ты или пьянъ, всѣ говорятъ, что пьянъ: ступай и спать ложись, а то силкомъ уложить.

Молчановъ. Ты подписалъ! ты подписалъ!

Дробадоновъ (*возвращаясь къ Молчанову на авансцену и показывая обѣими руками на свою фигуру*). Великъ и сплевъ кажется тебѣ купецъ Калина Дробадоновъ?.. а мѣръ ядунъ: сожреть и этого съ кишками. (*Быстро поворачивается и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Молчановъ и Марина.

Марина (*которая выходитъ со двора, тщательно закутавшись большимъ платкомъ, осматривается и, сбросивъ однимъ движеніемъ платокъ, быстро подбѣгаетъ къ Молчанову*). Иванъ Максимычъ!

Молчановъ (*сдрогнувъ*). Марина! Богъ съ тобой! Зачѣмъ ты здѣсь? (*Стараясь свирсводить ее.*) Бѣги отсюда! бѣги скорѣй! бѣги!

Марина. Но бойся. Я видѣла въ окно: всѣ за столомъ сидятъ. Я за тобой пришла, чтобы ты не оставался здѣсь.

Молчановъ (*тревожено и какъ бы не сознавая, что говоритъ*). Нѣтъ... мнѣ отсюда нельзя... Я Фирса жду...

Марина (*рѣшительно*). Вздоръ говоришь! Иди! Тебѣ не нужно больше видѣть Фирса!.. Идемъ!.. идемъ!..

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*очень раскрасившаяся, съ алыми губами, выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ; она полупьяна. Увидявъ Марину, она тихо крадется къ нимъ и становится сбоку Гуелловой, не замѣченная ни ею, ни мужемъ*).

Марина (*Молчанову*). Не будь ребенкомъ. Не злобься и не ползай... Скорѣй, одной минуты не теряя, въ Петербургъ, ищи суда... Въ судахъ, въ сенатахъ не найдешь защиты,— къ Царю иди... иди къ его ногамъ, скажи ему: (*Молчановъ, слушая ее, поднимается со стула*) Надежда, защити! я умаленъ до возраста младенца! будь Богъ земной—создай меня во человѣка... Идемъ! Я буду стоять передъ тобой и молиться, чтобы Господь управилъ сердце Государа. Идемъ, идемъ! что бы ни встрѣтилось, живые въ руки не дадимся!

Молчановъ (*дрожа, повторяетъ*). Я умаленъ до возраста младенца... Будь Богъ земной—создай меня во человѣка!.. (*Възвистъ*).

Марья Парменовна (*хватаясь за платье мужа*). Куда? куда?.. Я, вѣдь, все слышала... Нѣтъ, я его не отпускаю!

Марина (*быстро выпроваживаетъ Молчанову однимъ движениемъ за дери, а сама схватываетъ Марью Парменовну за локти и, перекруживъ ее три раза около себя, сажаетъ на полъ и убиваетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Марья Парменовна и Анна Семеновна (*входитъ совсемъ пьяная и красная, какъ пюль*).

Марья Парменовна (*сидя на полу, съ улыбкою*). У-у-ухъ, какъ вся земля закружилась!

Анна Семеновна (*покачивушися*). Это тебѣ съ хересу... У меня и у самой кружится...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ при загородномъ домѣ Молчанова. Между многочислымъ деревьевъ, выразо съ одной куртины замѣтно старое, толстое дерево, въ которомъ сбоку виденъ лазъ съ большимъ дуило. Вечернеть.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Марина и Дробадоновъ (*сидятъ на дерновой скамьѣ подь старую липю*).

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знаешь про то только грудь моя да подоплека, какъ я вѣрю въ хорошее.

Дробадоновъ. А я опять скажу, не про что много и безпокоиться. И для того и приговоръ подписать, чтобы и спора изъ пустого не заводить. Сегодня вы съ Иваномъ Максимычемъ выѣдете; черезъ четыре дня въ Питеръ, и дѣло это намъ только за смѣхъ вспоминаться станетъ.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опеку снимутъ, разумеется. Ну, а дальше что-жъ?

Дробадоновъ. Да дальше то жъ, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадоновъ. Не было въ его жизни и до тебя много путнаго: души онъ честнѣйшей, да не строитель, по правдѣ сказать. Такъ бы, прямою дорогою, да съ прямыми людьми, онъ бы еще жилъ ничего; а тутъ, чтобы у насъ, промежь нашимъ народомъ жить, надо, чтобы шкура-то у тебя слоновая стала. Тогда развѣ вынесешь. А ему гдѣ это вынести: съ него со всего кожа-то совсѣмъ словно содрана; къ нему еще руку протягиваютъ, а ужъ ему больно—кричить. Нашъ народъ деликатности не разбираетъ, и такъ въ немъ жить невозможно.

Марина. А главнѣй всего, что все спуталось да перепуталось. Чтобы въ немъ душу поднять, я его тѣшила тѣмъ, потому что имя Государя въ такую минуту много значить. А просить—какъ просить? (*Конфузясь*.) Это хорошо съ чистой совѣстью и къ Царю, и къ Богу, а мы... Какъ онъ противъ своего закона, какъ и я... (*Маживъ рукой*.) Гдѣ еще тутъ и ротъ развѣвать!

Дробадоновъ (*вздыхнувъ*). То-то пузо-то у насъ все въ жемчугъ, а сзади-то и у тѣхъ, которые чище-то, и то на ариинъ грязи налипло... О-ихъ-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и безпокоить Государя: уповаю несомнѣнно, что все это и такъ, по закону сдѣлается.

Марина (*задумчиво*). Надо ужъ было ему одному-однѣшеньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадоновъ. Разумѣется, такъ бы лучше было; да вѣдь и одному съ горемъ тоже не радостно.

Марина (*живо*). А ты думаешь, что когда бы не горе его, такъ промежъ насъ что-нибудь случилось бы? Ни въ жизнь жизненскую! Горе это его меня ко всему къ этому и вывело. Все было слышу, такой онъ, сякой, негодящій. Жена сама коритъ: ужъ что жъ тутъ—стало-быть либо жена непутящая, либо это все правда? Вотъ и поидеть, вспоминаясь, какъ мы дѣтми. бывало, играемъ... Въ мужа съ женой, бывало, все играли (*сквозь горькую улыбку*)... не знали, что не мужъ съ женой изъ насъ будетъ, а чортово радовнище... (*Утираетъ тихо слезу.*) Ахъ, какое чудное было дитя! Я такой доброты, такой нѣжности съ той поры ни въ одномъ ребенкѣ не видѣла.

Дробадоновъ. А вотъ эта нѣжность-то на нашемъ народѣ, видишь, чѣмъ сказывается. Самъ нѣженъ, да и отъ другихъ все нѣжности ждетъ. А нѣту ея — онъ сейчасъ на дыбы.

Марина. Онъ простодушный!

Дробадоновъ. Простодушный!.. А это тоже не вездѣ кста-ти. Насъ вѣдь этимъ не удивишь. У насъ будь просто, рубашку скинь,—скажутъ можетъ еще крестъ серебряный есть на шеѣ — его подай. У насъ требуется, чтобы человекъ былъ во всеоружіи своемъ, а не простоквалнею да нетерпячкою. Это все ему еще бѣлою соской рыгается.

Марина. А все, будь у него въ семьѣ все какъ слѣдуетъ... Не такихъ, да и то берегутъ, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускаютъ.

Дробадоновъ. Разумѣется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и погѣжила и не допустила до этой несносливости. Такъ что жъ, и тутъ вѣдь онять, и въ этомъ дѣлѣ ему его бѣлая соска мѣшала. На тебѣ надо было жениться, надо было половину гамзы потерять. Онъ женился на той, которая у него все взять поровитъ.

Марина (*не слушающая*). Чудное было дитя!.. Я, какъ оса, такъ и росла такая ехидная. Безстыжая была я дѣвчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь въ ровъ, или въ садъ далеко и прибью. (*Утираетъ глаза.*) Ежели есть что у него—отниму—онъ все-было терпѣть... А разъ покойница мать увидѣла, какъ я его толкала на грядкахъ, да вѣсть не дала мнѣ за это, и онъ вѣсть не сталь... ну, скажи мнѣ пожа-

луйста!.. *(Плачетъ.)* Взрыдался, всплакался: «мою Маринушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!»... Ахъ, чудное было дитя! ахъ, дитя было чудное!.. Ахъ! *(ударяя себя въ грудь)* ахъ! когда бъ знали... вы, какъ я его любила!.. Мнѣ десятый годочекъ ишелъ, когда его въ Петербургъ увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирсъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ; а я все догнать ихъ хотѣла... бѣжала, бѣжала, пока ямщикъ кнутомъ чуть глаза всѣ не выстегалъ... пожонки подкосились, какъ цыпленокъ въ пыль и унала.

Дробадоновъ. То-то, дитя, не слѣды видно намъ, иѣшеходамъ, гоняться за тѣми, что ѣздятъ въ каретахъ.

Марина. Милый! хорошій мой! смыслъ-то во мнѣ какой въ ту пору былъ? Я и черезъ шесть-то лѣтъ, когда ихъ вѣнчали съ Марьей Парменовной, не умнѣе была: сквозь народъ въ церковь пролѣзла, да о бокъ съ нимъ становлюсь, чтобы будто мнѣ съ нимъ это вѣнчаніе пѣто... Да и кромѣ того я скажу тебѣ, я вѣдь какая-то порченая, что ли: ни жизни, ни смерти мнѣ нѣтъ, пока не добыюсь того, что въ голову вступитъ. Изъ чужихъ краевъ когда онъ вернулся, я вѣдь уже тогда три года замужемъ была... Въ эту пору мы мельницу въ Балкахъ держали... Услыхала я, что онъ вернулся, что его здѣсь все злосудить опять—вотъ, словно могилу мою разрывать начали: такъ востосковалась. О полуднѣ, какъ жаръ, бывало, нахлынетъ, разморитъ всѣхъ, снить, а я уйду тихонько подъ скрынъ, гдѣ вода бьетъ съ колесъ, — и вѣришь ли — кто-то со мною тамъ все говоритъ... и я не боялася этого говора... я сама говорила о чемъ-то... Чародѣйкою стала... въ грозу съ серебра умывалась, чтобы ему полюбитъ... въ страшную бурю бѣгала въ степь его по-вѣтру кликать... *(въ экстазъ)* и одинъ разъ... Это ночью случилось подъ Ивана Купала... мужа не было дома... о полуночи буря такая поднялась, что деревья съ кореньями на землю клала... Темень и грохотъ этотъ душили меня. Я горькими слезами плакала, о чемъ—и сама я не знала... и тутъ въ лицо мнѣ все что-го изъ-за плечъ, то съ одной, то съ другой стороны, взглянетъ... Я сорвалась съ постели. Не помню, куда бѣжала, а только его все звала и... *(вздохнувъ)* и тутъ онъ пришелъ... На охоту ходилъ; сбился съ дороги... *(Пошикая головою.)* Ни жизни, ни смерти себѣ не чаяла, пока съ нимъ, какъ хотѣла, не

свидѣлась... Спознавался сладко, а теперь тяжело разставаться... (*Восклоняясь.*) Калина Дмитричъ! скажи мнѣ: намъ надо разстаться?.. Скажи?.. Вѣдь это, вѣдь все черезъ меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда бъ я, лиходѣйка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не такъ къ ней манится... Онъ бы къ дѣтямъ ютился.—Правда? Калина Дмитричъ!.. Калина Дмитричъ!.. да что жъ ты молчишь!

Дробадоновъ. Что, дитя, говорить противъ правды?

Марина. Ты посовѣтуй, какъ быть мнѣ?

Дробадоновъ. Совѣтовать надо, когда человѣкъ въ заблужденъ; а тебя Господь самъ ведетъ къ чему-то чудному, такъ ужъ не человѣку тутъ учить, когда Онъ самъ твоей души огненнымъ перстомъ своимъ касается.

Марина (*строго*). Слушай! Пока его судили,—я надъ собою судъ сотворила. Господь вправду былъ въ душѣ моей... Нашъ путь, которымъ мы идемъ, кривой; а по кривой дорогѣ впередъ ничего не видно. Все это я рѣшила кончить. Я съ нимъ, какъ сказано, поѣду въ Петербургъ... поѣду для того, чтобъ поддержать его теперь... а тамъ, какъ онъ съ дѣлами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Онъ опечалится; тоска въ дѣлахъ пройдетъ... а мнѣ...

Дробадоновъ (*персбивая*). Пстой, пстой, не части такъ часто. Помысль твой—помысль великій! Отъ Бога къ намъ, не отъ сластей земныхъ такіе помыслы нисходятъ; а съ даромъ Божьимъ бережливо обращайся. Ты говоришь: «что мнѣ!» то-есть тебѣ-то что? Ты сама о себѣ не думаешь; а въ волѣ Божьей, чтобъ всемъ было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебѣ не будетъ. Вѣдь это ты ему по всякій часъ упрекъ создашь! Гдѣ ты? что сдѣвалось съ тобою? Быть-можетъ, въ воду бросилась пзъ-за него, или бродягою непомнящей пошла въ Сибирь по пересылкѣ?.. А можетъ и того еще хуже... вступишь, пожалуй, въ сердце, что, можетъ, ты и любви-то его не стоила... Этого съ душой человѣку перенести невозможно. Итъ, другъ, не пропадай, живи ему въ подкрѣпленье! Не бѣгай отъ любви. На что? Въ любви Господь намъ указаль спасать другъ друга! (*схватывая ее за руку*) но сотвори свою любовь во благо... Ты за его дѣтей теперь въ отвѣтъ! Его жена безумная законовъ ищетъ... да что законъ въ семей-

помъ дѣлѣ можетъ помогать! Она о деньгахъ унадаеть... да что жъ въ тѣхъ деньгахъ дѣтямъ, когда нѣтъ сѣятеля съ ними, который сѣялъ бы живое слово въ ихъ малыя души? Ты только уразумѣй, что значить отецъ? Про птичье молоко хоть въ сказкахъ говорится, а отцовскаго слова до вѣчнаго дитя и въ сказкѣ не услышишь.

Марина (*падая на грудь Дробадонова*). Дѣтки, дѣтки! Ахъ, какъ мнѣ жалко ихъ!

Дробадоновъ. Усугуби жъ для нихъ свою любовь къ отцу. Любовь не разлучитъ отца съ дѣтми: то грѣхъ, то сласть земная разлучаетъ. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своимъ примѣромъ склони къ тому же. Разстанься, но пусть онъ знаетъ, что ты жива, что съ тобою ничего худого не сталося и—главное—что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человѣку. Не отрекайся отъ своей любви, за не я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будетъ безгрѣшна. (*Пауза.*) Встань, голубница, встань! черезъ часъ надо вамъ ѣхать. Онъ тамъ бумаги ужъ все приготовилъ. Теперь время удобно: поди къ нему съ ласковымъ словомъ, съ открытымъ лицомъ. Если и тяжело на сердцѣ, какъ я и ожидаю того,—терпи... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чемъ попало говори, будто какъ это даже и въ раздумье тебя не вводитъ. Слышишь, моя дѣтка?

Марина (*восклоняясь и отирая слезы*). Нѣтъ, нѣтъ! не бойся: я сердца не выдамъ. (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Дробадоновъ. Иди жъ! Слезы твои будутъ въ радость тебѣ... Дѣтей его мать съ бабкою учатъ тебя проклинать, а ты научи ихъ благословлять тебя. Ихъ дѣтское сердце и теперь ужъ, можетъ, слышитъ, какъ твое сердце для нихъ разрывается; а вырастутъ они, ихъ почтенію къ тебѣ мѣры не будетъ. Ты счастливица въ женахъ: твой рай сегодня пачнется, какъ только ты вымолвишь слово...

Марина (*скавозь рыданія*). Дѣти, дѣти! я отдаю вамъ вашего отца! (*Быстро убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Дробадоновъ (*одинокъ*). О лебядь бѣлая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. (*Задумывается.*) Нѣтъ! Не въ любви людская погибель, а въ томъ, что мала людская любовь на землѣ, что не выросла она еще на вершокъ выше звѣри-

пой. (*Задумывается и садится.*) Въ это время за сценою слышна приближающаяся тѣня). Ужъ пошабанили фабричные. Пора! (*Встаеъ.*) Надо имъ до свѣту добратъся до стащии, чтобъ взять почтовыхъ; а ночь-то вся лыпче съ воробьиный носъ. Богъ знаетъ, все чего-то сердце замираеъ. Спаси ихъ Господи: они теперь на Твой правдивый путь готовы! (*Идетъ и встрѣчаеъ съ фабричными.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мастеровой *Павлушка Челночекъ*: старый ткачъ *Спиридонъ Обрѣзовъ*; *пріѣзжій паренъ* и *фабричные* (*выходятъ не стѣнными шагами*).

Челночекъ (*играетъ на гармоніи и поетъ*).

Ахъ, когда бы эту кралію,
Подержать бы мнѣ за талию.

(*Встрѣчаеъ съ Дробадоновымъ, снимаетъ шапку и кланяеъ.*)

Здравствуйте, Калина Дмитричъ.

Фабричные (*все кланяются и нѣсколько голосозъ*). Наше почтенье, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Спасибо вамъ. Здравствуйте, ребятки! (*Уходитъ.*)

Всеъ *подходятъ къ скамейкѣ, съ которой всталъ Дробадоновъ, и располагаются на ней, кто сидя, кто полулежа.*

Челночекъ (*поетъ*).

Ой, что же вы, ребята, приуныли?
Нѣтъ у васъ, ребята, денегъ нѣтъ?

Обрѣзовъ (*Челночку*). Или еще, пустая голова, не всѣмъ лѣсни переѣвалъ!

Пріѣзжій паренъ. А кто это у васъ такой, что съ нами сейчасъ суетрѣтился?

Обрѣзовъ. Пріятель хозяйскій, кунецъ Дробадоновъ. Но душъ и по совѣсти первый человекъ у насъ въ обществѣ.

Пріѣзжій. А собою на видъ сколь ужасенъ.

Челночекъ. Капидонъ; это онъ тотъ самый и есть Дробадонъ Дробадонычъ Дробадоновъ, что, сказывали, что съ одной стороны на медвѣди похожъ.

Пріѣзжій. Скажи, антиресный какой! А должно еще того антиреснѣй, что за супруга подъ пару ему припала?

Челночекъ. А онъ у насъ буки ерѣ—кавалеръ, еще жешнокъ по сію пору.

Пріѣзжій. Неужто не женать? Это ужъ по-купечеству не годится безъ хозяйки.

Челночекъ. А нѣшь ихъ мало у насъ по городу, хозяйекъ-то? У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Чтѣ ты это все врешь-то? Кто это про Калыву Дмитрича сказать можетъ?

Челночекъ. И совѣшь и не про него, а такъ говорю, что у насъ насчетъ женскаго пола все по-душевному, по простотѣ. Надо-тъ было обществу по-настоящему воспитательный домъ, какъ въ Петербургѣ, построить; ну, да у насъ про то покуда въ слободѣ сталовѣры: что угодно дѣтей берутъ, только сдавать поспѣвай.

1-й фабричный. А то тоже въ колодець—такъ и тамъ они каша не просятъ.

Челночекъ. Ну, это только Князеву такую механику подстроили, потому по-настоящему изъ-за чего у насъ ихъ губить, когда сталовѣры сколько хочешь берутъ и въ свою вѣру крестягъ; а ужъ это въ колодець—это не иначе, какъ на злость сдѣлаю, и я вотъ, рука отсехни, знаю, что больше никто другой это сдѣлать, кромѣ какъ бабушки Дросиды Аленька.

1-й фабричный. И по-дѣлюмъ ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хотъ бы и вдвое онъ поплатился, по жалъ бы его.

Челночекъ. Да онъ, небось, и не поплатится. Что-жъ ему такое, что въ его колодець ребенка пашли? Колодець на улицѣ—не мало кто мимо его ходить. Самого бъ его если бъ туда головою...

Пріѣзжій. У васъ, я вижу, этого Князева терпѣть не могутъ.

Челночекъ. Не могу-уть! Съ чего такъ, милый человекъ, не могутъ? Штъ, братъ, у насъ мръ-то того добраго короля стѣить, чтѣ всѣмъ восхотѣлъ въ своемъ королевствѣ угрожденіе сдѣлать. Докладають ему: пусть, говорятъ, пресвѣтлый король, въ нашемъ королевствѣ хотъ разбойникамъ худо будетъ. Штъ, на что же, говорить, ихъ обижать: кто жъ, говорить, у насъ послѣ того безъ нихъ людей будетъ рѣзать? (*Хохотъ*).

Обрѣзовъ. Шуть его знать, чтѣ онъ только мечеть, пу-стомеля!

Челночекъ. И, братцы, въ Ингерѣ жимши, разъ въ Ле-

ксадринскомъ театрѣ видѣлъ, какъ критику одну на купцовъ представляли. Выставленъ бѣдовый купецъ; ну, а все ему противъ нашего Фирса Григорыча далеко. Тотъ все съ бабами больше баталь вель; а гусаръ его на паромѣ обругалъ, онъ такъ и голосу противъ него не выискалъ. Ну, а нашъ вѣдь одно слово во всей формѣ гонтель. Я въ прошломъ году, какъ у головы пріѣзжій чиновникъ обѣдалъ, за столомъ прислуживалъ, такъ подаю кофей, а они меня не видятъ, потому что разговоръ у нихъ непріятный. Чиновникъ говоритъ Фирсу: «Я, говоритъ, ясно удостовѣрился, что вы, Фирсъ Григорычъ, здѣсь точно помѣщикъ на помѣстьяхъ сидите; все здѣсь по вашей дудкѣ пляшетъ: всѣ торги или выборы, какіе бывають, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вамъ пужно на общественныя мѣста сажаете...» А онъ сейчасъ этакъ спокойно взялъ его, этого чиновника, вотъ этакъ за пуговку, крутитъ ее, эту пуговицу, промежъ пальцевъ, да и говоритъ: «Охота вамъ, говоритъ, ване превосходительство, этакому вздору вѣрить; вотъ мнѣ, говоритъ, ване превосходительство, одинъ человѣкъ тоже за вѣрное сказывалъ, что вы изволите взятки брать, такъ развѣ я этому вѣрю?..» Чиновникъ такъ и сѣлъ. *(Хохотъ.)* Одно слово, кабы этому нашему Фирсу Григорычу да хвостъ приладить, такъ и собаки не требуется. *(Хохотъ.)*

Обрѣзовъ *(вздыхнувъ)*. Одно слово, за наши грѣхи у насъ Терехи дяки.

(Въ это время по сценѣ проходитъ тихо Алеша Босой и скрывается въ своемъ дуль.)

Пріѣзжій. Это чтò за человѣкъ?

1-й фабричный. Купецъ былъ, да, тонувши, тронулся въ умѣ.

Пріѣзжій. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Онъ смиренъ: никого не трогаетъ. Облюбовалъ вотъ садъ хозяйскій, вонъ тамъ въ дулицѣ и почуетъ. Не любить только, если къ нему подойти туда изъ изнавѣсти, и то не сердится, а съ перепугу обхватить и держится, что никакъ не оторвать его. Все думаетъ, что тонеть.

Челночекъ. А я онять, ребята, къ Фирсу! Чтò я на него, братцы мои, только, въ Питеръ ѣздивши съ нимъ, насмотрѣлся! Молодчина! Поѣдемъ, бывало, на балъ куда или въ

маскарадъ: я сижу съ шубой на лѣстницѣ,—смотрю, что ни лучшую какую барыню, францужелку тамъ, или англичанку, мой Фирсъ Григоричъ и тащить; а какую пониже сортомъ—Иванъ Максимычъ. Привезутъ ихъ домой, и ужъ тутъ такое колыванье пойдетъ, что ажъ чертямъ ужасно—ничего не пожалѣтъ для женщины. «Что», говоритъ, «вы вулеву? Потому вулеву, вы», говоритъ, «такъ вулеву; а не вулеву, такъ и какъ хотите». — По болоту, говоритъ, охотиться хочу, амазонкой. «Дѣлай, говоритъ, намъ, Пашка, болото». Ну, п лей на полъ шампанское по самыя щиколотки. Будь, говоритъ, лягашомъ, зашей,—я лягу и локчу, а она смѣется. Скусное вино — прелестное. (*Обтираетъ губы.*) А на-утро, глядишь, Иванушко хоть молодешенекъ, да головы не подниметь, а этотъ соколомъ встрепенется, подкрасится, подфабрится, вздѣнетъ фракъ и пошелъ къ министрамъ тамъ да къ сенаторамъ дѣла обдѣлывать. Усталъ ему никогда вѣтъ.

1-й фабричный. Да и посейчасъ онъ такой!

Челночекъ. Ему, братъ, такъ кукушка накуковала: ему, пока подъ святые положить, перемѣны не будетъ.

1-й фабричный. Онъ и помереть-то, такъ его не сразу похоронить.

2-й фабричный. Да одно слово апаѰема.

3-й фабричный. Разбойникъ.

4-й фабричный. Блудникъ и душегубецъ.

Челночекъ. А что про блудъ, такъ вы это и оставьте! Это вотъ этотъ змѣй, что въ сказкѣ сказывается, что изъ озера выходилъ, да что ни есть всѣхъ первыхъ красавицъ то себѣ забирать,—это вотъ онъ самый и есть.

Обрѣзовъ (*тихо*). А не къ лицу бъ ужъ бабушкѣ дѣвичьи пляски.

Челночекъ. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-то зовешь! Онъ еще какъ ястребъ: зацѣлуетъ курочку до послѣдняго перушка. (*Понизивъ тонъ.*) Онъ, вотъ видите, ногѣ все бросилъ и за Мариной Николавной понеръ... ужъ это онъ отъ нея теперь ни въ жизнь свою не отстанетъ.

Обрѣзовъ. Врешь ты, дуракъ, не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Да ужъ какая она ни будь, отъ него не отвертится. Ни одной вѣдь такой еще не было. Онъ ужъ, я знаю, онъ чего захотѣлъ, такъ онъ вѣдь не вѣсть, не

петь, глазъ не сведеть, а все думаетъ, и ужъ тутъ вотъ скажи ты ему, что его смерть за это ожидаетъ, пусть вотъ море цѣлое передъ нимъ разольется. онъ такъ и въ море поплыветъ. А опять же и то сказать, что вѣдь и Господь бабу изъ кривого ребра создать: никто вѣдь и за нее впередъ отвѣчать не можетъ.

Голоса фабричныхъ. Не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Опять же-таки я вѣдь ничего въ ся обиду не сказалъ. Я такъ говорю, что кто знаетъ, что бабѣ на умъ придетъ. Воиъ мнѣ въ Петербургѣ сказывали, что тамъ одна барышня арапа родила. (*Хохотъ.*) Черинщій-пречерпный, говорятъ, родился, и какъ только родился, сейчасъ какъ гаркнетъ по-черкесски: я, говоритъ, въ васъ пынжалъ пушу! Окрестили въ пану вѣру—пересталъ.

2-й фабричный. Да за женщину какъ поручиться!

Челночекъ. То-то и дѣлю. Кто ее знаетъ, чтѣ и отъ нея отродится. Вѣдь вотъ съ хозяиномъ проклажается же. (*Настити. шво.*) Можетъ развѣ, что у нихъ промежъ себя ничего опричь такой любви и пѣтутъ.

2-й фабричный. Это никакъ невозможно.

Челночекъ. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господь есть такая ухватка, чтобы вдвоемъ чорта дразнить. Сядутъ, обоймутся, да: «ахъ, какъ я васъ!»... а та: «ахъ, сколь я симъ счастлива!»... (*Хохотъ.*)

1-й фабричный. Вотъ и у хохловъ безмозглыхъ тоже такая мода.

Челночекъ. Да, да, да. Жилъ я у князя Рѣпина, въ полтавской губерніи. въ имѣніи, тоже видалъ это: сядутъ хохоль съ хохлушкой, гдѣ-нибудь надъ овражекѣмъ или надъ рѣкой, да и заведутъ (*пародируютъ*): «Не помогутъ слезы счастью»... а естественнаго ничего.

1-й фабричный. У насъ этого нѣтъ.

Челночекъ. Какъ можно! (*Сплюнувъ.*) У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Чтѣ вы все про какой вздоръ мелете! Вотъ ужъ сколько разъ я замѣтилъ, что гдѣ только этотъ Пашка замѣнялся, тамъ ужъ добрыхъ рѣчей не дожидайся. Давайте лучше про дѣло-то потолкуемъ. Иванъ Максимычъ вѣдь сейчасъ придетъ и спроситъ, что же мы артель, что ли, составимъ? Надо это порѣшить. Онъ такъ хочетъ, чтобы всѣхъ приставниковъ, что за матеріалами смотрятъ, прочь.

Сами, говорить, устройте, чтобъ нечего за вами смотрѣть было, и какъ воровства не будетъ, и вамъ проценты дамъ.

1-й фабричный. Какой такой процентъ?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрѣзовъ. Да вѣдь вамъ въ толкъ объ этомъ Иванъ Максимычъ рассказывалъ.

1-й фабричный. Поняли мы! да вѣдь кто его знаетъ

2-й фабричный. Опять какъ же ты за другихъ поручишься, что онъ не украдетъ?

Голоса. Это никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Да съ чего кто красть-то станетъ, если другъ за друга поручимся?

1-й фабричный. Съ чего? Мало ли съ чего кто крадетъ!

Пріѣзжій. Иной привычку такую имѣеть, что къ этому приверженъ.

2-й фабричный. А есть такіе, что просто со скуки крадутъ.

Челночекъ. Да это чтò про то толковать! Безъ этого никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Что ты это врешь-то? Почему это невозможно.

Челночекъ. Потому, что мы въ этомъ дѣлѣ въ родѣ какъ порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадетъ.

Обрѣзовъ. Э-ка дура, чтò городить! Да ты самъ-то русскій или турка?

Челночекъ (*вздыхнувъ*). Я не русскій и не турка, а изъ Питера фигурка.

Обрѣзовъ. Да турецкое у тебя и разсужденіе.

Челночекъ. Нѣтъ, дидя, я знаю, что это тоже не просто, а по благословенію дѣлается.

Обрѣзовъ. Отъ кого жь это могло быть такое благословеніе, чтобы красть?

Челночекъ. Отъ странника. Ходилъ такой странникъ по свѣту и былъ увлеченъ отъ дванадцати языкъ и пропять на древѣ, и никто за него не заступится. Вотъ какъ онъ на древѣ началъ томиться, и начали люди приходиться къ нему съ жалостію, чтобы снасать его. Сунулись первые цѣлмы, потому безъ нихъ и вода не освятится, ихъ вездѣ спрашиваютъ. «Господише честной, говорятъ, хочешь ли, мы тебя отторгуемъ?» Онъ покивалъ на нихъ головою и говоритъ: «Ступайте, торгуйтесь-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они по этому слову его завернулись и пошли, и все тор-

гуютъ, и до вѣка всѣмъ торговать будутъ. Тутъ сейчасъ французы, народъ этакой верткій. «Господине честной, давай, говорятъ, мы [тебя отвоюемъ]. — «Ступайте, — говорить, воюйте-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они все и будутъ цѣлый вѣкъ воевать, и все безъ толку. Тогда ужъ наши русаки, — какъ они противъ нѣмцевъ и французовъ, разумѣется, обстоятельнѣй, то видятъ, что не хочетъ онъ ни торговлю, ни отъемомъ спастись. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя уворуемъ». А онъ намъ и брякни: «ступайте, говорить, воруйте-себѣ цѣлую жизнь». Вотъ намъ этого никакъ переступить и невозможно: мы и воруемъ.

Обрѣзовъ. О, брехунъ, брехунъ! Такъ стало ужъ по-твоему до вѣку намъ со всѣми этими художествами и не разстаться?

Челночекъ. Какъ можно до вѣку художеству быть. Это все до тѣхъ поръ художество, пока у петербургскихъ свинтусовъ въ грудяхъ живое сердце забьется. Мнѣ одинъ человекъ на Невѣ на перевозѣ сказывалъ: «видишь, говорить, молодецъ, передъ художествъ академіей двѣ каменныхъ собаки въ колякахъ лежатъ? Это, говорить, не собаки, а свинтусы. Изъ города Фивъ, изъ Египта, ихъ привезли; съ тѣмъ, говорить, ихъ и привезли, что пока въ этихъ свинтусахъ живое сердце не затрепещется, до тѣхъ поръ, чтобъ ш-ша! чтобъ ничему значить настоящему не быть, а будетъ все только какъ для виду. Такъ и Иванъ Максимычъ, хоша онъ и желаетъ это сдѣлать, но только все это для виду будетъ. Да и то сказать, самъ-то онъ еще противъ Фирса уцѣлѣетъ ли? Не довелось бы еще скоро ему самому изъ-подъ нечи поросять мануть.

Обрѣзовъ. А тицунъ бы тебѣ на языкъ за это.

Челночекъ (*сухо*). Да вѣдь это вчернѣ сказано: коли не правится, и похѣритъ можно.

Пріѣзжій. Нонѣ судъ не такой, чтобъ такія беззаконія съ рукъ сходили.

Челночекъ (*вздохнувъ*). Что судъ! Что такое, милый человекъ, судъ! У насъ до суда заворотятъ тебя туда и сюда хуже мороженого. Неужли жъ ты такъ думаешь, что если этотъ судъ точно правый, такъ противъ его упираться будетъ некому? Нашъ братъ въ самый послѣдній секундъ — и тогда еще норовитъ штуку выкинуть, чтобъ отъ чего слѣдуетъ уворачиваться. Я вотъ вамъ къ примѣру скажу, я въ Вильнѣ видѣлъ, какъ поляковъ вѣшали. Идутъ, бывало,

который еще съ фантазіей, а который плачетъ. Ну, ужъ какъ увернуться, и думки въ нихъ не видно. А нашъ и тутъ свой терминъ держитъ: все поровитъ на выдумки. Въ Крыму я, въ ратникахъ бывши, видѣлъ, какъ двухъ мѣщанинскъ вѣшали, что провіяютъ непріятелю продавали. Такъ и не очень, чтобъ авантажно ихъ и вѣшали-то—въ простой деревишкѣ—ну только всѣхъ насъ эти висѣльщики посмѣшили. Спрашиваетъ одного командиръ: не имѣетъ ли, говоритъ, какой просьбы?—«Имѣю», говоритъ. Что такое? «А чтобъ меня за шею, говоритъ, ваше благородье, не вѣшать, потому я, говоритъ, щекотки боюсь»... Нѣтъ, братъ, хоть ежели чему и неминуемое быть, такъ все это хоть на минутую чѣмъ-нибудь за уголь заводитъ стануть.

Пріѣзжій. А вонъ это, гляди, вашъ хозяинъ съ компаніей идетъ.

Челночекъ (*заглядываетъ*). Онъ и есть. Иванъ Максимычъ, Дробадоновъ и Марина Николавна. Вотъ ты теперь посмотри ее: одно слово, хрящикъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Показываются вдали Марина Николавна, которая ведетъ за одну руку Дробадонова, за друую Молчанова. Фабричные встаютъ и отходятъ въ сторону.)

Пріѣзжій. Можетъ-быть, уйти намъ отсюда.

Челночекъ. Нѣтъ. У насъ изъ эстаго просто—никому гулять не заказано.

Молчановъ (*въ пальто, съ дорожною сумкою черезъ плечо*). Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иванъ Максимычъ! (*Молчановъ и Дробадоновъ садятся на скамейку.*)

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь въ домъ, принесите оттуда сюда столикъ, и самоваръ пусть сюда вынесутъ. Только живо, ребятки!

Челночекъ (*выдвинувшись опереди вѣхъ*). Сейчасъ, Марина Николавна.

Марина. Да Дѣичу вели, чтобы бутылъ вина прислать. Хозяинъ васъ желаетъ попочивать.

Челночекъ (*живо*). Сейчасъ. (*Къ фабричному.*) Андрюшка, дуемъ вмѣстѣ. (*Убываютъ. Прочіе фабричные отходятъ далье. Молчановъ снимаетъ съ плеча сумку и кладетъ ее.*)

Марина. Вотъ видишь, Ваня, какъ хорошо и какъ легко

теперь на свѣтъ смотрѣть. И выйдетъ все наше горе не къ горю, а къ радости. Не грянулъ бы громъ, мы бы не перекрестились! *(Живо)*. Спасибо тебѣ, Калина Дмитричъ! Десять разъ я тебя уже благодарила, а еще и въ одиннадцатый не погнушайся. *(Подаетъ ему руку)*. Дай я тебя, Калина Дмитричъ, поцѣлю! *(Встаетъ и быстро его цѣлуетъ.)* Спасибо, другъ нашъ истинный! Ты намъ голову поставилъ на плечи.

Дробадоновъ. Ну, легко ли — есть за что благодарить! Слово сказать всякій скажетъ, не всякая только душа принять его можетъ.

Молчановъ. Идѣтъ, братъ Калина Дмитричъ, твоей услуги я повѣкъ не забуду. Спасибо тебѣ, спасибо. *(Жметъ ему руку.)*

Дробадоновъ. Теперь сиравлий дѣла, да не сердись: помни, что на Руси у насъ на сердитыхъ воду возять.

Молчановъ. Дѣла! *(Вздохнувъ.)* Да, буду дѣлать дѣла и вернусь... и все здѣсь застану... *(беретъ за руку Марину и съ чувствомъ)* все послыное будетъ, одного милаго не встрѣчу.

Дробадоновъ. А ты не сживай со свѣта посылаю, чтобы сохранилъ Богъ милою.

Марина *(помолчавъ)*. Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вотъ видишь, какой ты не крѣпкій.

Молчановъ *(долго на нее смотритъ)*. Марина, за что ты меня любила? Ничего, таки ровно ничего я не далъ тебѣ, кромѣ слезъ вмѣстѣ и слезъ въ разлукѣ.

Марина. Не урекай себя. Не ты въ томъ виноватъ. Кто любилъ, тотъ и плакалъ. Она любовь, какъ въ иѣсиѣ свѣто про нее: «горюча любовь, слезами полита,—такова любовь на свѣтѣ создана».

Дробадоновъ. Слезы тѣ минули. Теперь другое будетъ... Будетъ наша Маринушка жить тихонько, за Невой широкою; будемъ мы навѣзжать къ ней въ Питеръ въ гости; встрѣтятся—поцѣлуемся, разоидеся—другъ о другѣ помолчимся... доживемъ тихой старости, станемъ съ клюкою подъ ручки другъ съ дружкой въ церковь ходить да на твоихъ дѣтей радоваться... *(Ударивъ Молчанова по плечу.)* Полно задумываться!

Марина. Ваня! не вѣсь головы.

Дробадоновъ. Не вѣшай головы, тебѣ говорятъ. Примѣта скверная, если конь передъ битвой голову вѣситъ.

Молчановъ (*пріободряясь*). Иѣтъ, я ничего.

Дробадоновъ (*Молчанову*). Ну, я пойду, скажу, чтобъ запрягали. Пора вамъ; ужъ совсѣмъ стемнѣло.

Марина. Иди, вели закладывать.

(*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Челночекъ (*съ самоваромъ въ рукахъ. За нимъ друной паренъ съ чайнымъ приборомъ. Выходитъ луна*).

Марина (*Челночку, ужасиваясь за самоваромъ*). Вотъ Пана молодецъ! А я тебя еще впервой и вижу, какъ ты вернулся. Ты вѣдь теперь совсѣмъ заграничный сдѣлался. Ну, что жъ ты дѣлалъ тамъ, за границей?

Челночекъ. Трактиръ Корещенкову въ Парижѣ, Марина Николаевна, становили.

Марина. Поправилось тебѣ въ Парижѣ?

Челночекъ. И-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночекъ. Совсѣмъ не сравнивать, Марина Николаевна. Гораздо нашего превосходнѣйше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что жъ ты тамъ что замѣтилъ такое?

Челночекъ. Какъ же. Марина Николаевна, не замѣтить! много есть прекраснаго. Какъ только сейчасъ первый шагъ. какъ изъ самаго агона выйдешь, сейчасъ надилси всякія: тутъ «пуръ для дамъ», тутъ «пуръ для мужчинъ». Прекрасно все.

Молчановъ (*смысь*). Ишь, падь чѣмъ остановился!

Челночекъ. И обращеніе, Иванъ Максимычъ, совсѣмъ другое. Запрещеніевъ тоже меньше. (*Заискивающимъ голосомъ и глядя на Молчанова.*) У нихъ, что госиода, что такіе, идутъ по улицѣ да все «тру-ля-ля—тру-ля-ля»,—а у насъ теперь Фирсъ Григорычъ Князевъ даже такой строгуляръ пздаль, чтобъ даже по городу голосу никто взвѣсть не смѣлъ, а тамъ всѣ горланягъ.

Марина. А ему что, Фирсу, ваши иѣсли помѣшали?

Челночекъ. Да такъ это, Марина Николаевна, значитъ для политики, чтобъ запретъ отъ него исходилъ.

Марина. Эхъ, ребята, смотрю я на васъ, стыдно васъ и

ребятами-то звать. Залучили бь вы его въ темномь мѣстѣ, да такую бь политику ему шпандаремъ задали... Это одному страшно, а вѣдь вась сколько на фабрикахъ! на всѣхъ вѣдь не разыщется и со всѣхъ не взыщется. А хотя бь и взыскалось! Рьло въ крови, да наше взяло — вотъ молодцовская ухватка!

Челночекъ. Да развѣ, Марипа Николаевна, въ томъ? Разумѣется, если-бь онъ сюда, то бь... Тутъ ба его по куточку не достало!

Голоса фабричныхъ. Э, если бь онъ здѣсь-то показался! — Тутъ-ба его и рѣшеніе!

Марина. Ну, это я шутила. *(Подавая Молманову чай.)* А ты оиать заневѣстился, голову нуришь! Ваня! Ваня! *(Челночекъ отходитъ.)* Ванюша! Ваня! Ваня! *(Поднимаетъ его юлову.)* Ахъ, какой характеръ! Тебя въ руки берешь, а ты разсынаешься. *(Горячо.)* Не вѣсь головы! Уѣдемъ такъ, чтобъ наше горе смѣялось. *(Фабричнымъ, которые пьютъ водку.)* Ребята! повеселите-ка хозяина: онъ что-то скучень! Пѣсню! пѣсню, ребята! пѣсню! такую, чтобъ горе смѣялось.

Фабричные. Сейчасъ, Марипа Николаевна! *(Скучиваются. Одинъ достаетъ изъ-подъ пальи кларнетъ и даетъ тонъ.)*

Хоръ.

Во лужяхъ, во лужяхъ,
Во лужяхъ, во зеленыхъ лужяхъ. (bis)
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая. (bis)
Врознь пошли, врознь пошли,
Врознь пошли духи малиновые (bis).

Марина. Живо, ребята, живо! *(Становится передъ Молчановымъ и подтываетъ.)*

Хоръ (чаще).

Ужъ я той, ужъ я той,
Ужъ я той травой выкормлю коня. (bis)

Марина. Чаще!

Хоръ.

Выкормлю, выкормлю,
Ужъ я выкормлю, вывожу его. (bis)
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ. (bis)

Марина *(кокетливо трогаетъ плечами и бровью и танцуетъ въ тактъ поужкой).*

Хоръ.

Государь, государь,
Государь ты мой батюшка. (bis)

(Марина вынимаетъ бѣлый платокъ и пляшетъ.),

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Въ это время изъ глубины сцены, изъ-за кулисъ выходятъ никѣмъ не замѣчаемые Князевъ, Анна Семеновна, Мякишевъ, Марья Парменовая, Минутга, Колокольцовъ и купцы. Князевъ даетъ своей компаніи знакъ остановиться и одинъ, попрежнему никѣмъ не замѣчаемый, тихо подходитъ къ тѣсенникамъ.

Хоръ (продолжаетъ).

Ты прими, ты прими,
Ты прими мово ворона копя. (bis).

Марина (останавливается и, положивъ Молчанову руки на плечи, смотритъ ему въ глаза).

Хоръ (протяженье).

Ты услышь, ты услышь,
Ты услышь слово ласковое,
Ты прими слово привѣтливое.

Марина (всплескивая руками). Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово привѣтливое!

Молчановъ (съ чувствомъ). Жизнь моя! что я съ тобою теряю!

(Оба бросаются другъ къ другу и плачутъ.)

Князевъ. Люблю дѣвку за издѣвку!..

(Всѣ оборачиваются на его голосъ. Общее смятеніе. Молчановъ почти падаетъ на скамью. Марина смѣло выступаетъ и загоразживается ею собою. Фабричные тихо жмутся и прячутся другъ за друга.)

Князевъ (язвительно вздохнувъ). Это хоть бы и на театрѣ представить не стыдно! (Подходитъ съ палочкой къ фабричнымъ и всматривается въ ихъ лица.)

Молчановъ (отодвигая Марину). Это что еще за штука повая!

Марина (удерживая его). Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчановъ. Постой,—я даже вовсе не сержусь. Я только смотрѣть хочу, что это? Вломился въ домъ!

Князевъ (фабричнымъ). Что же, голосистые соловушки?

Или гвѣспя кончена? *(Всматривается внимательно въ каждае лицо.)*

Челночекъ *(про себя).* Ухъ, глазниця! *(Юркаетъ съ задніъ ряды.)* Въ молоко взглянешъ, молоко скиснется.

Князевъ *(содя палочкой надъ головами толпы и ударяя по лаковъ спрятавшаюся Челночка).* Ты, какъ тебя? Павлушка, кажется?

Челночекъ *(робко).* Я, Фирсъ Григорычъ, здѣсь машюпально... *(Оправляется.)* Я чай подавъ по Марины Николаевниному приказанію.

Князевъ. А она здѣсь у васъ приказываетъ. *(Фабричнымъ, поднявъ палку по направлению къ дому.)* Вонъ! *(Всѣ угодяшъ, перегоняя другъ друга; послѣдній плетется Обривовъ. Челночекъ впереди всѣхъ.)*

Марья Парменовна. Ну, это жъ не разбойникъ ты? Есть же еще, думаешь, послѣ этого хуже тебя челоуѣкъ на свѣтѣ. *(Къ Маринѣ.)* А ты что здѣсь прохлаждаешься? *(Хватая ее за рукавъ.)* Я вѣдь тебя здѣсь не боюсь.

Марина *(топнувъ ногою, отрываетъ руку).* Прочь!

Марья Парменовна *(въ испугъ отскакиваетъ).* Пшь ты какая!

Анна Семеновна. Отойди отъ нея, Маша, отойди.

Марья Парменовна *(отходя и косясь на Марину).* И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина *(Марья Парменовнѣ).* Мужейдка!

Молчановъ *(вскакивая).* Кто имъ ворота отперъ?

Князевъ. А кто бы смѣлъ опекунамъ не отпереть воротъ? Я здѣсь хозяинъ пинче, а не ты, безпутникъ! Его сегодня только-что немножечко остепенить хотѣли, а онъ, изволишь видѣть, какъ остепеняется: вино, фабричные, да вотъ распутная бабенка, сбѣжавшая отъ мужа... продажная красавица

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Челночекъ *(крадушнѣе созвращается и прячется за деревомъ въблизи Молчанова).*

Марина *(удерживая Молчанова).* Молчи, молчи, Иванъ Максимычъ!

Князевъ *(не обращая вниманія на ея слова).* Прошу полюбоваться, господа! Хорошъ, хорошъ купецъ, суругъ женѣ своей, отецъ дѣтямъ и доброму отцовскому хозяинъ Иванъ

Максимычъ! А эта скромница (*на Марину*)... на всѣхъ глядитъ, не знаетъ, кого выбрать, чтобъ подъ полу кипеться.

Марина (*схватывая Молчанова за руки*). Оставь, оставь: онъ насъ парочно дразнитъ!

Князевъ. Вотъ, говоритъ, что нечему намъ поучаться у молодыхъ! Какъ нечему? Грѣшили, можетъ, люди и въ наши дни, да все это бывало со стыдомъ, отъ глазъ человѣческихъ прятались, а нынче, видите. (*Указывая обними руками.*) Жена вотъ она, вотъ теща-матушка и тесть, а вотъ супругъ съ любовницей обнявшись стоятъ, и словно быть всему тому такъ слѣдуетъ. Дай протереть глаза. (*Протираетъ платкомъ глаза.*) Стоять, дѣйствительно стоять! (*Строго.*) Ну, будетъ этого! (*Вскривувъ головой*). Я васъ прошу, господинъ голова, сейчасъ потребовать у него всѣ счета и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мнѣ нужны, чтобъ принять дѣла. (*Бросается къ Молчанову.*) А ты ступай къ женѣ!

Молчановъ (*устраивая Князева*). Вы хоть опомнитесь! Мнѣ кажется, вы ужъ съ ума свихнули съ тѣхъ поръ, какъ глупая толпа дала вамъ въ руки власть. Прошу васъ дальше. Не вводите въ грѣхъ: я самъ дамъ сдачи.

Князевъ (*въ азартѣ*). Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вамъ, онъ воръ. Онъ утаилъ билетъ въ двѣ тысячи. (*Грозно.*) Обыскивай его. (*Всѣ порываются и не могутъ рѣшиться. Челночекъ высовываетъ голову.*)

Князевъ (*Челночку*). Ну! (*Челночекъ схватываетъ Молчанова сзади за локти. Вслѣдъ за нимъ замишляются Канунниковъ и Гвоздевъ. Князевъ схватываетъ Марину и жметъ ее съ скрытымъ сладострастьемъ. Молчановъ борется.*) Держи его! (*Получая отъ Марины толчокъ, быстро отлетаетъ и чуть не падаетъ.*)

Марина (*бросается къ Молчанову, разстегиваетъ пуговицу у его сюртука и кричитъ*). Бѣги, и съ Богомъ!

Молчановъ (*вырывается, оставляя съ рукахъ державшихъ его одинъ сюртукъ, и убѣгаетъ въ глубь парка*).

Князевъ (*Марья Нарменовна*). Машута! другъ, бѣжи за нимъ! Чего жъ ты смотришь, глупая! Бѣжи скорѣй, останови. Вѣдь онъ твой мужъ... еще пожалуй въ озеро прыгнетъ. (*Марья Нарменовна и мать ея убѣгаютъ за Молчановымъ.*) Господа! а вы-то что жъ? вѣдь всѣ въ отвѣтъ бу-

дете! Ловите! *(Всѣ убѣгаютъ въ паркъ. Остаются на сценѣ Марина и Князевъ.)*

Князевъ *(бросается на лежащій сюртукъ Молчанова)*. Топись теперь, дуракъ! Мнѣ этого и надо. *(Вынимаетъ изъ кармана Молчановскаго сюртука бумажникъ.)*

Марина *(глядявшая до сихъ поръ вслѣдъ бѣгущимъ, быстро про себя)*. Боже, что я надѣлала? *(Князеву.)* Подай! подай назадъ. *(Ловитъ его за руки.)* Подай! разбойникъ!

Князевъ *(скоро прячетъ бумажникъ въ карманъ)*. Ага! пеструшечка, ты вотъ она. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Боятся.)*

Князевъ *(борясь)*. Послушай! Не дурачься, не дурачься...

Марина *(отчаянно)*. Подай! подай бумаги!

Князевъ. Ты одурѣла!

Марина. Эй, люди!.. люди!.. люди!..

Князевъ. Кличь вѣтра въ полѣ!..

Марина. Я съ тобой и безъ людей одна справлюсь. *(Отбрасываетъ Князева.)*

Князевъ *(отлетая)*. Га! Безъ людей справишься!.. Ну, такъ при людяхъ же не справишься! Эй, люди! люди! люди! Свести ее въ полицію, чтобъ къ мужу выслали.

Марина *(ломая руки)*. Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?

Князевъ *(схватывая Марину за руку)*. Дѣлать!.. Не гребуй мною! Я немногаго хочу!

Марина. Я не люблю жъ тебя!

Князевъ. И не надо! Ты этимъ докажи ему, что ты его-то любишь... Да, да, любя-то ни за что вѣдь хорошія женщины не стоятъ... Онъ вѣдь про то и знать не будетъ... онъ вздвигнется, съ чего это все перевернется... *(Обнимаетъ ее.)* Лапка, лапка! все въ твоихъ рукахъ!

Марина *(съ омерзѣніемъ устраняясь отъ объятій)*. Эхъ!.. Вѣдь, знаю, ты обманешь...

Князевъ *(еще сильнее обнимая)*. Пѣтъ! нѣтъ... какіе тутъ обманы! *(Вливается въ нее и цѣлуетъ, держа руками ее лицо.)*

Марина *(съ отвращеніемъ)*. П-н-ну!.. Ахъ, пусти!.. Пусти же на минуту! *(Про себя.)* О Боже, умудри меня, какъ мнѣ отнять? *(Князеву.)* Такъ ты не лжешь?.. Такъ ты его отпустишь?..

Князевъ. Ты отпусти его... Пеструшечка! Змѣенышъ, заслужи... пущу...

Марина (*про себя, глядя на дупло, гдѣ спитъ Босой*). А если, какъ на грѣхъ, его здѣсь нѣтъ сегодня? (*Князеву, прозя пальцемъ*.) Гляди жь, не обмани!

Князевъ. Толкуй себѣ про глупости!

Марина. Ну, такъ и быть, идемъ... Пойдемъ отсюда: здѣсь не годится вмѣстѣ быть... Здѣсь люди ходятъ... Здѣсь мы сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ сидѣли... не хорошо...

Князевъ (*задыхаясь*). Ничего это мнѣ, ничего!.. я тѣмъ не гребую.

Марина. Нѣтъ! Ты обѣщаль, что побережешь мой стыдъ... Пойдемъ. Я знаю, куда тебя сведу. (*Бьются оба, взявшись за руки. Князевъ съ той стороны, въ которой приходится дупло Босою*.)

Марина (*порываясь съ дупломъ, быстро толкаетъ въ него Князева, держитъ его и отчаянно вскрикиваетъ*). Душа святая, заступись!

Босой (*хватая Князева*). Тону! тону! (*Держитъ Князева*.)

Князевъ (*въ ужасѣ*). Максимъ! Максимъ! Пусти, я буду каяться! (*Вздымаетъ въ страхъ руки. Марина быстро схватываетъ у него изъ кармана бумаги*.)

Марина. Ха-ха-ха! (*Истерически хохочетъ и, оставляя Князева въ рукахъ Босою, бѣжитъ. На половинѣ сцены она встрѣчается съ постыпающимъ къ ней Дробадоновымъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Марина (*падая въ изнеможеніи на грудь Дробадонова*). Ахъ, гдѣ ты былъ, Калина Дмитричъ? Я силъ моихъ лишилась! (*Теряетъ чувства*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и показываются Колокольцовъ, Марья Парменовна, Минутка и прочіе бывшіе здѣсь купцы.

Дробадоновъ (*насмѣшливо куцямъ*). Скорѣй, друзья: хорекъ въ силки попался.

Колокольцовъ (*увидя Князева*). Что это значитъ, Дробадоновъ?

Дробадоновъ (*поднимая на руки Марину*). Должно-быть значитъ то, что гдѣ лукавыя уста молчатъ, тамъ безумныя руки за работу берутся. (*Уноситъ Марину*.)

Минутка (*про себя*). Опять потинуло пчелку на красный

медокъ. Прихватилъ! *(Кутцы сесобождаютъ Князева изъ рукъ Босою.)*

Князевъ *(охрипшимъ голосомъ)*. Молчановъ гдѣ?

Колокольцовъ *(къ Князеву)*. Это пельзя! Онъ прямо плюнулъ на меня тутъ... на жилетъ... въ лицо, и тутъ вотъ... въ это мѣсто... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князевъ. Оставь про вздоръ молотъ!

Колокольцовъ. Да, это вздоръ; но я терпѣть не могу такой фамиллярности, чтобъ по лицу меня...

Князевъ. Оставь! Всѣ знаютъ, что онъ дряннъ, а ты хорошій человекъ.

Колокольцовъ. Хорошій? Такъ развѣ всѣхъ хорошихъ такъ ужъ и бить по щекамъ? Вамъ ничего, а опъ вѣдь два раза меня ударилъ. Я хочу знать по крайней мѣрѣ, за что?

Князевъ. Онъ сумасшедшій. *(Приложилъ палецъ къ устамъ, про себя.)* Онъ сумасшедшій!

Челночекъ *(выбѣгая изъ-за кулисъ)*. Хозяйна поймали, Фирсъ Григорыичъ, и ведутъ. *(Подобострастно.)* Я первый, Фирсъ Григорыичъ, ухватилъ... подставилъ ножку: онъ и чебурахнулъ!

Князевъ *(про себя)*. Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы съ тобой до этихъ поръ тупыми концами, теперь давай перевернемъ конья да острыми ударимся. *(Вслухъ.)* Въ мою коляску и везите въ городъ! Вы видѣли его сегодня всѣ: онъ сумасшедшій.

Колокольцовъ. Да, да. Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо и три плюхи мнѣ далъ. Онъ сумасшедшій!

Всѣ *(качая головами)*. Онъ сумасшедшій, сумасшедшій.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая, каменная кладовая, такъ-называемая «полатка». Дверь посрединѣ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ массивными гвоздями на тяжелыхъ петляхъ. По сторонамъ этой двери два проболоватыхъ окна, продѣланные почти подъ потолкомъ. Задымленный очажокъ, служащій для варки клею и красокъ. Тюки, куды, кадн съ красками, пучки травъ и разбросанный хламъ. Внѣси на авансценѣ большой, окованный желѣзомъ сундукъ, передъ нимъ столъ, на

есть глиняный кувшинъ съ водою и стаканъ, въ которомъ горитъ конопляное масло. Столъ и сундукъ загорожены отъ вѣтра грубыми крашенными ширмами.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марина (съ темномъ шерстяномъ платьемъ съ накинутою на плечи бѣличьей шубкою, крытою алымъ или чернымъ бархатомъ. По открытіи занавѣсы сидитъ на сундукѣ. Нѣсколько секундъ молчанія. Она съ утомленіемъ смотритъ въ огонь печника).. «Прошло лѣто, прошла осень, прошла теплая весна; наступаетъ злое время — то холодная зима». Славная пѣсенка; да некому се спѣть... (Задумывается.) Да, ужъ и лѣто, и осень почти минула съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Максимыча въ сумасшедшій посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитричъ отъ него послалъ, до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Сорокоустъ успѣютъ отчитать, пока этой защиты дождешься... И я здѣсь сижу въ этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... Отъ матери, и отъ той скрыто, гдѣ я; а Фирсъ Князевъ все по-иски править: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитричъ говоритъ, посулы дѣлалъ, что дастъ сто рублей тому, кто его на мой слѣдъ наведетъ; а кормовья на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у насъ не найдется охотника человека продать, лишь бы пронюхали. (Пауза.) Да мнѣ ужъ и самой наскучило!.. Три мѣсяца изо дня въ день одна-однишенька въ этой норѣ съ крысами выси-дѣла... Не умѣла я въ тѣ поры рѣшаться, когда слѣдовало. Не въ Петербургѣ мнѣ надо было съ Ванею собираться да не надѣяться, какъ Калина Дмитричъ увѣрилъ, старости доживать другъ друга жалѣючи; а надо было прямо его по-жалѣть: разогнаться самой да въ воду. Вотъ бы и конецъ былъ... Пагуба я, какъ есть для всѣхъ пагуба... Теперь еще, если здѣсь найдутъ, и онъ и Калина наотвѣчаются... А онъ еще-было задумалъ гдѣ-то мнѣ фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дѣло: очень нужно людей губить! Уйти я и безъ всякихъ бумагъ уйду; а чтò со мной будетъ — это мнѣ все равно... Бродяга, такъ и бродяга: развѣ не все равно. Это чѣмъ не острогъ!.. Охъ-охъ-охъ! (Задумывается и заводитъ вполголоса.)

Ужъ ты молодость, моя молодость!
Красота ль моя, краса дѣвичья!..

(Плачетъ.) Нѣтъ, не поются съ горя и горькія пѣсни! (Утираетъ слезы.) Какія все были рѣшенія, какія больнія, да какія хорошія—и ничего изъ нихъ не новыходило... Ты себѣ умудряешься, а врагъ себѣ умудряется: вотъ и поручись за то, что ты сдѣлаешь... Особенно вотъ теперь, какъ въ одиночествѣ одурь взяла и сто дней изо дня въ день не знаешь, чего дожидаясь, кто его знаетъ, на что бѣ кипулся, только-бѣ истомѣ этой конецъ положить. (Осматривается.) Есть тутъ мышьякъ; есть веревки... Прости Господи душу грѣшную... что за дурь въ голову лѣзетъ... А особенно нынче... Нынче ужъ день какой-то... словно ему такъ не минуть безъ чего страшнаго. (Слышенъ вой бури.) Ишь, воетъ!.. Непокойна я всегда въ это время... Что это и Калина Дмитричъ нынче что-то запоздалъ... Не могу сидѣть одна... дверь нарочно отперла... Все вотъ будто смерть мнѣ въ глаза засматриваетъ: нѣтъ, нѣтъ да и вздрогну. (Кладетъ руки на столъ и опускаетъ на нихъ голову.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Марина и ея мать (слымая).

Мать (входя оцупью съ клюкою). Куда жъ я это, дура, забрела? Хотѣла черезъ дворъ пройти на кухню корочекъ поискать, размочить. Провести-то некому — и забрела не знаю куда. (Громко.) Эй! есть тутъ живъ человѣкъ, гдѣ это я?

Марина (вздрагнувъ и вскакивая). Родимая! родимая! (Бросается къ матери.) Ты ль это, матушка?

Мать (роняя клюку). Марина! дочка! (Оцупываетъ руками ея лицо.)

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мнѣ хоть насмотрѣться на тебя. (Ведетъ мать къ сундуку.)

Мать. Такъ ты не умерла? А мнѣ все шутятъ, говорятъ на улицѣ: «твою Марину-то, говорятъ, распотрошили».

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я ужъ три мѣсяца здѣсь прячуся отъ нашихъ лиходѣевъ.

Мать. Смотри пожалуйста! А я вѣдь вѣрила, что нѣтъ тебя. Я такъ и говорю, когда меня чѣмъ попрекають здѣсь: я говорю, все это оттого, что нѣтъ моей дочки Маринушки: ужъ она бы, говорю, хоть при какомъ великомъ горѣ, меня въ обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! (Лаская ее.) Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ахъ, родная моя!.. Жива; да что по мнѣ... куда мнѣ выступить?

Мать. Такъ вмѣстѣ будемъ жить... я при тебѣ останусь... а то меня все... гонять вонъ... Калина Дмитричъ выйдетъ со двора, а мать его съ сестрой и гонять... «Вонъ, говорятъ, ступай, толпѣга старая»... По всякій часъ ему не жалуясь... терплю...

Марина. Ахъ, матушка, не говори! У тебя нѣтъ дочки; я же могу тебя взять: я сама въ анбарѣ скрываюсь...

Мать. Въ анбарѣ! Зачѣмъ въ анбарѣ?

Марина. Къ мужу выслать хотятъ.

Мать. На что ты ему? Онъ пьяница, онъ все пропилъ, писали.

Марина. Такъ что жъ? На зло это дѣлають.

Мать. Все на зло, дитя, дѣлають. Какъ я плакала, какъ сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня съ Молчановской дачи не выгоняли... *(понижая голосъ)* нѣтъ... не послушали, на зло выгнали. Фирсъ Григорьичъ сказалъ: «Здѣсь, говоритъ, не богадѣльня, а опека теперь... Ступай, говоритъ, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебѣ будетъ». А я баю, гдѣ баю мнѣ, родной, искать ее? меня, говорю, слѣбую, собаки съѣдятъ... «А ты, говоритъ, съ палочкой». Все, дѣточка, у насъ наше добро отбрали: два твои матеревыя платья взяли. Ты ихъ сама выработала на кружевахъ; а они говорятъ, это, говорятъ, Молчановъ дарилъ...

Марина. Богъ съ ними, матушка! Какія тамъ платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, дѣтка! Я ужъ такъ себѣ и думала, какъ меня вчера обидѣли: не найду, говорю, если ее еще три дня, Маринушки, и жизни себя рѣшу; да вотъ и нашла. А то онѣ, мать-то съ сестрой Калины Дмитрича, безъ него все вонъ меня гонять. Калина Дмитричъ говоритъ: «Иди, старушка, со мной щи ѣсть»; а когда его нѣтъ, онѣ и хлѣбъ отъ меня забирають. Не какъ мы съ тобой дуры, когда было чтò, всѣмъ были щедрья да раздачливья. «Иди, говорятъ, по міру—ты убога: тебѣ всякій подастъ». Ономедни послушала ихъ: пошла у сосѣдей попросить, а ребятишки собаками травить стали балуючись -- песь злой такой кипулся, тутъ за самую грудь и прокусилъ, а мнѣ отбится не видно его... Смѣются: это за то, говорятъ, эту грудь прокусилъ, что дочку гордичку выкормила... Я ужъ понес

вечеромъ на кухню хожу: тюрку себѣ изъ корочекъ мочу.

Марина. Мамушка, да ты-бъ самому-то объ этомъ сказала!

Мать. На что, дѣтушка, ссорить ихъ! Онъ говоритъ: «Бшь со мной ши, старушка». Я съ нимъ и ѣмъ, когда дома онъ. Это онъ, пересмѣшница. Онъ говорятъ: о чемъ, старая, плачешь? Я въ уголкѣ о тебѣ плачу, а имъ говорю: про домикъ свой плачу. Но холоду-то теперь, дѣюшка, захожу, все въ домикъ и манется. Тепленькій, говорю, у насъ свой домикъ былъ; печечка въ углѣ была... старыя косточки плачуть по печечкѣ... А онъ на свою печь не пуцають... нѣ-тъ, не пуцають.—сами снить. При немъ погрѣюсь, а безъ него... «не рожать было, говорятъ, дочки гордячки». И Фирсь Григорьичъ наемни за обѣдней конеечку подаль мнѣ и тоже говоритъ: «надо бы, говорить, тебя дочкѣ-то твоей пожалѣть. Шиъ, говорить, ты какое мѣрское челобитье. въ лубочкѣ связанное»... Пожалѣй меня, дочушка!

Марина. Мамушка! сердце мое разорвалося тебя слушаючи; да что жъ я подѣлаю?

Мать. Домикъ, говорить, вашъ отдамъ, говорить Фирсь-то Григорьевичъ.

Марина. Матушка! да неужели-жъ ты не знаешь, чего онъ отъ меня хочетъ-то?

Мать. Ничего про то не сказали. Такъ вѣрно, чтобъ ты покорилась хочеть.

Марина: Такъ! такъ!.. Мамушка, кто нынче что-нибудь такъ дѣлаеть? О, Боже мой! Да скорѣе солнце на востокъ съ запада поидеть, чѣмъ мужчина что-нибудь женщины такъ, даромъ сдѣлаеть!

Мать. «Не хорошо, говорить, что даетъ собакамъ грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говорить, была ея жптница». Я, говорю, не ропску на Господа: у меня добрал, честная дочь, а люди смѣются: «Что, баюгъ, честь, когда нечего ѣсть». Ветъ, говорятъ, у бабушки Дросиды Аленька може не совѣмъ очень честная, да у ней, у безчестной дочери, мать и сыта, и одѣта, и въ храмъ Божій выйти ей есть въ чемъ, за дочернишъ грѣхъ помолиться, и ты-бъ, говорить, такъ-то молилась. А я того ничего не знаю: мнѣ только въ домикъ нашъ съ тобою хочеться.

Марина (*ломаю руки*). Охъ, Боже мой! Боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному несть!

Мать (*лаская Марину*). Ты не сердися, доня: можетъ, я что глупое говорю.

Марина. Мамушка! дѣлала ты для меня когда грѣхъ какой? что-нибудь такое, въ чемъ каяться надо, сдѣлала такое?

Мать. Не знаю, дитя, какъ тебѣ сказать про это: какъ въ оснѣ ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бѣдности—Молчанова не было—ну, я горохъ для тебя крапа и вишенцы, чтобъ тебѣ ротокъ освѣжить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже одинъ разъ у дьяконницы словила, изжарила, какъ тебя лихоманка томила. Отецъ дьяконъ-то свелъ меня тогда въ полицію: «Вотъ, говоритъ, воровку поймалъ,—по законамъ ее надо судить», да покойникъ квартальный, Никаноръ Никанорычъ, дай ему Богъ царство небесное, «ничего, говоритъ, это». Два раза меня прутомъ ударилъ, да и говоритъ: «отпустите, говоритъ, ее, отецъ дьякъ, съѣдомое, говоритъ, это не грѣхъ». Я тебѣ ее и зажарила и лапшицы съ нею сварила.

Марина. Больше что, матушка? больше?

Мать (*подумавъ*). Фирсъ Григорычъ, какъ Молчанова утонилъ... я это видѣла съ берега, съ тобой—ты у груди была—я съ тобой сидѣла и видѣла... а онъ говоритъ: молчи, я тебя сотенной одарю—я и молчала.

Марина (*съ ужасъ*). Мамушка! неужто-жъ ты видѣла это?

Мать. Видѣла, дѣтка. Ты про это молчи. Онъ мнѣ все заплатилъ: я тебѣ тутъ-то все покупила... Онъ послѣ сказалъ: молчи, а то отвѣчать будешь вмѣстѣ со мною. Я тутъ-то и молчала...

Марина. Матушка! ты жъ богобойная.

Мать. Что, дитя, дѣлать-то было. Богъ-то не люди: Онъ, милосердный, помилуетъ. Не моими руками то сдѣлано. Онъ говоритъ вчера: «домника жалко, старуха?» Какъ, говорю, не жалѣть. «А Марина твоя-бъ, говоритъ, ко мнѣ пришла покориться, я-бъ ей отдалъ его». Я, молъ, не знаю. «Такъ, говоритъ, съ постельнаго крыльца пускай стукнегъ, я самъ отопру».

Марина (*заслоняя лицо матери*). Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умремъ вмѣстѣ!

Мать. И ужъ тебѣ про смерть говорила. (*Плача.*) Только домника, дѣточка, жалко... Тамъ теперь... Дросида съ Алеп-

кой живутъ; имъ тамъ тепленько въ нашемъ домикѣ... Тамъ бы, ребенокъ, и умерли... *(Въ трубу къ камину раздается довольно громкій гулъ сверху внизъ и падаетъ одинъ куртичь.)*

Марина *(въ испугъ)*. Что это! *(Торопливо.)* Иди! иди, ма-тушка, а то тебя хватятся.

Мать *(вставая)*. Ты меня гонишь, дочушка!

Марина. Пельзя, нельзя! Обѣ задаромъ пропадемъ.

Мать *(идучи)*. А ты жъ теперь завтра меня приди на-вѣстить.

Марина. Хорошо, хорошо! *(Ведетъ мать къ двери.)* Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что въ свѣтѣ есть возможнаго, все тебѣ сдѣлаю. *(У самой двери.)* Но какъ ты дойдешь? *(Выглянувъ за дверь.)* Боже мой! ночь какъ тюрьма,—ты расшибешься вся.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Въ сводагъ камина показывается спустившійся изъ трубы Челночекъ. Онъ зорко слѣдитъ за Мариной.

Марина *(матери)*. Постой, моя мамушка. Что тамъ ни будетъ, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидитъ. *(Накидываетъ шубейку на плечи и уходитъ, уводя подъ руку мать.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Челночекъ *(однѣ, выльзаетъ изъ камина и отряхивается)*. Вотъ какъ! По вѣдьмински лезимъ. Большою дорогой въ трубу. *(Осматриваясь.)* Тутъ она, голубушка, тутъ. Не даромъ Фирсовъ глазочекъ отсюда дымокъ-то примѣтилъ. *(Возвращается къ камину и дергаетъ за веревку, конецъ которой спустилъ съ собою.)* Андрюша! *(Въ трубу.)* Андрюша!.. есть! *(Закидываетъ веревку въ глубь каминнаго свода и самъ быстро прячется за кули, или за кадь.)*

Челночекъ *(усаживаясь)*. Теперь, Фирсъ Григорычъ, со-сѣвную, братъ, присылай. *(Садится такъ, что его не видно.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Челночекъ и Марина.

Марина *(вбѣгаетъ, сильно взволнованная, едва переводя духъ, падаетъ на сундукъ)*. Охъ!.. охъ!.. Они меня видѣли! Теперь все пропало.. Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотѣла вернуться... Она тамъ въ сѣняхъ по-

скользнулась впотьмахъ... и думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили съ огнемъ... *(Челночекъ то высовывается изъ-за кади, то снова прячется.)* Пѣтъ, теперь все равно пропадать... По крайней мѣрѣ пропадать не безъ пользы... Она мнѣ разорвала своими рѣчами всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрѣла, въ окно, какъ они надъ нею смѣялись... Вздорь! вздорь! Надъ чѣмъ тутъ задумываться! Развѣ она задумывалась, когда для меня крала? Развѣ она задумывалась, когда Фирсовъ страшный грѣхъ брала себѣ на душу? Развѣ ей не больно и не страшно было губить душу свою? А у меня совѣсть! А у меня совѣсть! Совѣсть! совѣсть! Когда мать для насъ и стыдъ, и совѣсть забываетъ, мы не совѣстимся, мы беремъ это; а намъ имъ долгъ отдать совѣсть зазрить?.. *(Схватывая себя за горло.)* Да развѣ смѣешь ты про совѣсть свою думать, когда у твоей матери псы грудь рвутъ; когда у твоей матери люди ложку изъ рукъ отнимаютъ; когда у твоей матери угла нѣтъ?.. Нѣтъ; въ такой совѣсти нѣтъ совѣсти! нѣтъ! Все, мамушка, все: стыдъ, совѣсть, жизнь... любовь мою и мой позоръ... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! *(Накрывалась торопливо платкомъ.)* Теперь, Фирсъ, ты досталъ меня! Звѣзды небесныя! закройте ваши свѣтлые глазки, пока пробѣгу я! *(Бѣжитъ и у двери останавливается и возвращается.)* А для чего жъ, одну любовь блядя, губить другую? Себя не пожалѣть, такъ можно никого не обидѣть! Себя не пожалѣвши, можно все сдѣлать! *(Кидается къ одному изъ ящичковъ, беретъ изъ него горсть порошка и, всыпавъ его въ кусокъ синей бумаги, быстро сворачиваетъ.)* Это мышьякъ! *(Челночекъ безпрестанно высовывается и слѣдитъ за Мариной.)* Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы онъ домъ за мать закрѣпилъ, а потомъ... онъ ничего отъ меня не дождется. *(Строго.)* Что я это путаю? Вѣдь это отъ позора неотвратимаго можно, а отъ горя развѣ это простится... если на жизнь покушаться... Прочь! *(Бросаетъ свертокъ подъ столъ и толкаетъ его ногою.)* Я приду; я дамъ обѣщанье; пусть онъ запретъ меня у себя на вышкѣ, пока сдѣласть матери крѣпость; послѣ... подушкой голову оберну и брошусь въ окно, и уйду... пль расшибусь. *(Бѣжитъ къ двери и сталкивается съ Дробадоновымъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *входитъ съ большой лисьей шубъ, съ зашпуннымъ за уши воротникомъ. Подъ полюю у него зажженный фонарь, который онъ вынимаетъ въ ту самую минуту, когда бывшая въ дѣрзъ Марина почти-что съ нимъ сталкивается. Челночекъ, порывавшійся бѣжать свѣтъ за Мариной, при видѣ Дробадонова снова прячется.*

Марина *(увидѣвъ свѣтъ, въ ужасѣ вскрикиваетъ и пугается стною къ кади). Ай! ай! Кто это? кто? кто ты?*

Дробадоновъ. Чего ты? Богъ съ тобой! чего?

Марина. Кто это съ свѣтомъ? *(Всматривается и узнаетъ.)*
А, это ты, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Да что ты? Кому же больше здѣсь и быть?

Марина *(хрустя пальцами)*. Да Богъ знаетъ... все какъ-то жутко такъ... *(Оглядывается.)* Будто кто здѣсь не свой есть?

Дробадоновъ. Куда жъ это ты шла?

Марина *(съ замѣшательствомъ)*. Я это такъ... Такъ здѣсь хожу покрывшись, чтобъ веселѣй.

Дробадоновъ *(дѣлаетъ добродушную ироническую гримасу, обнимаетъ фамльярно Марину за плечи, ведетъ къ столу и сажаетъ)*. Садись-ка и сиди! *(Ставитъ на столъ фонарь. Полувосвѣщенная до сихъ поръ кладовая освѣщается вполнѣ.)*

Дробадоновъ *(усевшись и сбросивъ шубу)*. Сказать тебѣ по правдѣ, я, братъ, и самъ сегодня трусу чуть не сраздновалъ.

Марина. Что такъ? *(Слышна буря)*.

Дробадоновъ. Да вотъ все буря эта. Скажи на-милость, что вѣдь захватитъ цѣлое облако песку, пыли мерзлой, и такъ вотъ и гонитъ, словно какъ сила нечистая передъ мечомъ архангельскимъ мчится. Небо-то все *(дѣлаетъ рукою)* тѣкъ-тѣкъ-тѣкъ... Такъ и трисется, такъ ходоромъ и ходить. Дѣича — по всему городу прошелъ, встрѣтилъ только одного Дѣича: «иду, говорить, Фирсъ Григорычъ къ головѣ посылають дожидаться его; онъ утромъ депешъ прислалъ, что непременно нынче къ вечеру изъ Питера воротится»; а то кромѣ Дѣича ни одной Божьей души на улицѣ, и вѣтеръ, знаешь это, вдоль улицы-то такъ и реветъ медвѣдемъ.

Марина *(Буря)*. И здѣсь слышно.

Дробадоновъ. Что здѣсь! Иѣтъ, вотъ тамъ на площади ты побыла бѣ. Съ собора сорвало крестъ и на цѣвяхъ вертеть его по крышѣ: грохотъ, звонъ, словно кто съ неба на заукопную обѣдню звать.

Марина. Что это за страсти, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ пошли!

Дробадоновъ. Ужъ и не говори! Съ весны еще начали люди примѣчать, то куры пѣтухами иѣли; то каша изъ печей уходила. Про псовъ и говорить ужъ нечего, что побѣсились; а сегодня, скажи ты, иду я сейчасъ отъ Ратицей берегомъ, уронилъ палочку, сталъ поднимать и рукой рака схватилъ. Ну, скажи пожалуйста, въ это время ракъ-то да на сухомъ берегу?

Марина (живо). Ты былъ на Ратицахъ?

Дробадоновъ. Сейчасъ оттудова.

Марина (живо). Изъ сумасшедшаго дома! Пу что, здоровъ олъ? живъ Иванъ Максимычъ?

Дробадоновъ. Да! Я сегодня лавку заперъ рано: все равно, торговли не было, да думаю: вотъ въ этакой день ужъ и Фирсъ не поѣдетъ, да и махнулъ. Насилу допустили. Теперь еще строже—приставникъ такъ и не отходитъ, и все подкуплены отъ Фирса, чтобъ никого не допускать. Мы, говорить, ему въ томъ присягали. Насилу за двѣ четвертины уломалъ.

Марина (спокойнѣе). Ну, и что жъ:

Дробадоновъ (поглядѣвъ на нее). Онъ сумасшедшій, любя!

(Пауза. Марина смотритъ на свои ноги.)

Дробадоновъ. Простраства никакого нѣтъ тамъ, тѣснота одна и очень ужъ зловонно. Такъ стойлицо, а по серединѣ каровать, и онъ лежитъ, подъ мышки и въ колѣняхъ перевязанъ.

Марина (равнодушно). Это на что онъ связанъ?

Дробадоновъ. Нельзя, говорятъ, не вязать: ветоскуется, начнетъ метаться, плакать, о стѣны бьется, а ночью намедни голову, говорить, въ рѣшетку въ окнѣ завязилъ. *(Пауза.)* Истомили они его тѣмъ, что отпуску ему пикуда нѣтъ: всеѣмъ узнать его нельзя. Другіе прочіе хоть въ коридоръ выпускаются, а онъ никуда... Маринушка, что жъ ты молчишь?

Марина (едва брови). А? *(Вздыхаетъ.)*

Дробадоновъ (тихо). И далъ еще десятку, чтобъ его пу-

стили погулять по коридору. Обѣщали. Понче Фирса не будетъ: погода, и онъ головы изъ Петербурга дожидается; они и пустятъ. (*Смотритъ на свои карманные часы.*) Э, да ужь онъ теперь разминается, гуляетъ... Марія Николавна! скажи жь покрайности спасибо! (*Трогаетъ ее за руку.*)

Марина (*раздумчиво*). Скажи пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значить: что ты мнѣ говоришь о немъ, а мнѣ его... совсѣмъ не жаль?.. Мнѣ словно никогда его и не было.

Дробадоновъ. Что ты это говоришь-то это? Кого ты обма-
пываешь?

Марина (*пожавъ плечами*). Нѣтъ, право!

Дробадоновъ. Да это что жь такое?.. Послушай! Ми-
лушка! Марина Николавна!.. Да что же ты молчишь?.. (*Тря-
сетъ ее за плечо, она сидитъ въ томъ же положеніи.*) Ты
вотъ послушай-ка, что люди-то говорятъ: это хорошо, гово-
рятъ, что онъ въ сумасшедшемъ отсидится, а то бы, говорятъ,
его за голову въ каторгу сослали. И Минутка, какъ уѣзжалъ,
это же самое говорилъ... (*Опять трогаетъ ее.*) Да что же
ты пугаешь меня, что ли, Марина Николавна? (*Трясетъ ее
за плечо.*) Ну, а если пугаешь, такъ я тебѣ и не скажу...
(*Пауза. Др. смотритъ на Марину.*) Такъ и уѣду въ Пи-
теръ... Да; вотъ черезъ два часа и уѣду, потому мнѣ жаль
его... я на него сегодня смотрѣть не могъ... а ты каменная...
сердце-то у тебя изъ стали, изъ стали сдѣлано... Я бы, можетъ
быть, могъ бы и тебя свести теперь показать его... да что жь
братъ безчувственную... (*Въ отчаяніи со всей силы качаетъ
ее взадъ и впередъ за плечи.*) Да что же ты — окаменѣла,
что ли!

Марина (*не слышно*). Чего тебѣ?

Дробадоновъ. Да ты скажи, молъ, отвяжись ты, что ли,
прочь!

Марина (*задумчиво*). Мнѣ не нужно его видѣть... Ты не
слыхалъ, какъ женщины, которыя отъ родовъ умираютъ,
дѣтей своихъ видѣть не хотятъ,—такъ и онъ мнѣ... (*мах-
нувъ рукой*) не нужно! Я имъ измучилась... Я изслабѣла,
все это въ себѣ всю жизнь носивши... Теперь мнѣ и его
не жалко.

Дробадоновъ. Что ты это, дѣвушка! Богъ съ тобой. Сто
дней бодрилась—и вдругъ на сто первомъ...

Марина. На сто первомъ кнутѣ, Калина Дмитричъ, люди умирали.

Дробадоновъ. Перестань! стыдись! У Бога много дней.

Марина. Въ лютой порѣ все дни бываютъ люты. *(Всклинувъ головой.)* Что мать моя у тебя какъ живетъ? Успокой ты ее.

Дробадоновъ. Сударушка ты моя! Будь только ты-то въ своемъ видѣ; а я не хвастать тебѣ: я ей ужъ великую ставлю противъ бани на огородѣ и дѣвчонку въ лянвкы приставлю къ ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадоновъ. Какъ мать родную сберегу. *(За сценою слышны шумъ и легкій трескъ, какъ бы пошатнувшаяся заборъ. Челночекъ, при первомъ звукѣ этого шума, кидается къ двери, откидываетъ крючокъ и тѣми же стопами крадучись опять скрывается.)*

Марина *(протягивая Дробадонову руку).* Пакажешь вѣрить этому?

Дробадоновъ *(сжимая ее руку).* Какъ счастья тебѣ желаю, какъ люблю тебя.

Марина *(удерживая въ своей рукѣ его руку и глядя въ лицо ему).* Спасибо тебѣ за твою дружбу: два спасибо за твою любовь. *(Дробадоновъ конфузится.)* Чего ты застыдился? Мнѣ кажется, что я ужъ вся истѣбла, что все равно, что нѣтъ меня... что стыдиться, что любить? Я это знала.

Дробадоновъ *(утираетъ слезу).* Да что жъ съ тобою?

Марина. Спроси жъ вотъ! Изслабѣла.

(Повторяется слытъ шумъ.)

Дробадоновъ *(въ испугъ).* Что это значитъ?

Марина *(спокойно).* Пойди, взгляни. *(Дробадоновъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Марина одна и **Челночекъ** *(спрятавшійся, но безпрестанно выставляющійся).*

Марина. Одна! одна, цѣлый вѣкъ одна, а горя столько, что не знаешь, къ которому лицомъ оборачиваться... *(Пауза).* Калина Дмитричъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я за нимъ вслѣдъ ночью уйду, куда глаза глядятъ, и будь ужъ то, что въ судьбѣ моей написано!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *(вбѣгаетъ встревоженный и смущенный, но старается скрыть это)*. Скажи пожалуйста, ты не помнишь, у насъ, какъ мы здѣсь сидѣли, дверь заперта была?

Марина. Разумѣется. была заперта.

Дробадоновъ. Гм... странно! *(Опять шумъ, уже несравненно болѣе и постоянно увеличивающійся до слѣдующаго явленія.)*

Дробадоновъ. Шумить это вѣтеръ; а все дѣло скверно. Ты не сказала мнѣ, что тебя видѣли. *(Челночекъ кричится и снова откидываетъ крючокъ и опять прячется.)* Тамъ мать твоя съ моею матушкой поссорились и... я не знаю... Мой совѣтъ... про всякій случай куда-бъ-нибудь тебѣ отсюда пока уйти... Куда? *(Думаетъ. Въ это время шумъ едрюкъ увеличивается, дверь растворяется и на порогъ появляется Князь, а за нимъ еще видно нѣсколько головъ. Дробадоновъ бросается на нихъ съ неистовымъ крикомъ, выбрасываетъ ихъ за порогъ и севатывается за дверь.)* Га! такъ это вотъ кто вмѣстѣ съ бурей ходитъ! Марина Николаевна, заступъ дай мнѣ! ломъ подай! пѣшню! *(Держась за дверную скобу, борется съ усилиями тѣхъ, которые рвутъ дверь снаружи. Челночекъ ползетъ на четверенькахъ, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь то отворится усилиями вѣтвиной партіи, то усилиями Дробадонова снова захлопнется. За сценою голосъ Князева.)* Ломай въ мою голову!

Марина *(съ возвратившеюся мимически энергіей)*. Вотъ онъ, судьбѣ рѣшитель! *(Беретъ изъ подъ-стола свертокъ съ мышьякомъ, торопливо бросаетъ въ ротъ щепотъ яду и, захлебнувъ изъ кувшина, идетъ смѣлою, рѣшительной походкой къ Дробадонову. Въ это мгновеніе Челночекъ уже готовъ схватить ноги Дробадонова, но Марина даетъ ему презрительно толчокъ по лицу тыловою частью лѣвой кисти. Челночекъ отскакиваетъ, держась за щеку. Марина беретъ за обѣ руки Дробадонова.)*

Марина. Пусти! *(Отрываетъ его руки.)* Меня никто отсюда не возьметъ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Фирсъ Князевъ, въ сопровожденіи многихъ мѣщанъ, квартального и полицейскихъ.

Князевъ (всходя). Здорово, добрый другъ Калина Дмитричъ! (Идовито Маринѣ.) Болтаютъ люди, что будто здѣсь кто-то чужихъ женъ скрываетъ. Должно быть врутъ.

Марина. А ты еще не радуйся. Что не въ рукахъ, тѣмъ не играй покудова.

Князевъ (полицейскимъ). Берите ее!

Челночекъ (прежде всѣмъ схватываетъ Марину за плечи).

Марина (презрительно на него озл. дѣвается и не сопротивляется).

Челночекъ (Маринѣ). Не своей волей, Марина Николаевна: начальство приказываетъ. (Гляди на Князева.) Должны мы, его подначальные, слушаться. (Кисаетъ полицейскимъ.) Подай водочку!

Князевъ (полицейскимъ). Ну, что жъ вы стали! двое берите! (Два полицейскихъ солдата съ выраженіемъ тупого равнодушія и трое мѣщанъ, помучивъ глаза, берутся за Марину и завязываютъ ей руки за спиною.)

Марина. Ха-ха-ха-ха! всемъ міромъ ухватитесь! (Перво.) Холопы Князева! (Воружъ блѣвнетъ. Лицо ея искажается мучками Петербургово). Прочь! прочь! Прочь, я больна... Вамъ говорю я... дайте съестъ мѣхъ... законъ больныхъ падить.

Дробадоновъ (съ поднятымъ надъ головою тяжелымъ желѣзнымъ заступомъ, громовымъ голосомъ). Прочь! распластаю! (Полицейскіе и мѣщане, держащіе Марину, бросаютъ ее и быстро отскакиваютъ въ стороны.)

Марина (Дробадонову тихо и сжавъ ежатыя зубы). Калина Дмитричъ, развяжи!

Квартальный (солдатамъ). Освободи ее.

Дробадоновъ (срывая веревку съ руки Марины). Уже освободили.

Марина шатается, схватывается за край одной кадки и, поддерживаемая Дробадоновымъ, тихо опускается на полъ. Черты лица ея страшно искажены внутреннею болью). Воды мѣхъ!.. свѣгу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадоновъ (кидается къ столу, чтобы взять кру-

шинъ съ водою, и, увидявъ мыльнякъ, беретъ его и въ ужасѣ роняетъ). Все кончено: она себя отравила! (Подаетъ Маринѣ кубшинъ съ водою; всѣ рыскаютъ и вѣдаютъ.)

Марина (отпихивъ изъ кубшина, глядитъ на окна, въ которыхъ въ это время во всю ширь показывается яркое зарево). Вездѣ... вездѣ огонь... (Мышаясь.) Огонь и тутъ (указывая на свою грудь) и тамъ (указывая на окно), вездѣ огонь... (Ипадаетъ.)

Мѣщане. Пожаръ! Городъ горитъ! (Раздается набатъ.)
Голоса за сценой. Молчановская фабрика горитъ!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Спиридонъ Обрѣзовъ.

Обрѣзовъ (вбѣгая вполыхахъ). Фирсъ Григорычъ! батюшка! несчастье! Въ одну секунду все огнемъ обняло—хлопочка не спасли!

Князевъ (про себя). Зато и счесть, и концы сгорѣли.

Обрѣзовъ. Онъ самъ почти весь до костей обжегся.

Марина (приподнимаясь). Ванюша? милый? онъ?

Обрѣзовъ (Миринъ). Онъ, матушка Марича Николавна. (Князеву.) Его схватили тамъ, за хлопчатými анбарами. Изъ сумасшедшаго онъ вырвался и какъ архангельскій мети-тель все сжегъ свое и со своимъ чужое.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и 1-й мѣщанинъ.

1-й мѣщанинъ (вбѣгая). Поджигателя сюда ведутъ.

Князевъ. Зачѣмъ его сюда?

Челночекъ (Князеву). Должно быть къ вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и толпа народа тащитъ подъ руки Молчанова. Сзади голову Молчанова поддерживаетъ Алеша Босой. Молчановъ въ пестромъ, шиковомъ больничномъ халатѣ и кожаныя туфляхъ на босыхъ ногахъ. Онъ обросъ бородой, блѣденъ, съ помутнившими тусклыми глазами.

Князевъ. Въ острогъ его!

Одинъ изъ приведшихъ. Нельзя, не доведешь... Ужъ опять конаетъ. Фирсъ Григорычъ, весь въ водыряхъ

(Молчанова спускаютъ на полъ. Онъ сидитъ одну минуту и падаетъ навзничъ, попики къ зрителямъ.)

Босой (*опускается на колѣни въ половакъ Молчанова, беретъ его голову въ руки, смотритъ ему въ лицо черезъ лобъ и беззвучно шевелитъ губами*).

1-й мѣщанинъ. Т-се! отходитъ.

Марина (*поднимавшаяся съ усилемъ и ползшая на колѣняхъ къ Молчанову, падаетъ ему на грудь, съ воплемъ*)
Ваня! Ваня!

2-й мѣщанинъ. Скончался.

Босой (*занявшись утихомиркомъ*). «Со избранными избралъ будешь»...

Князевъ (*бьетъ Босою палочкой*). Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Колокольцовъ (*въ снотовой рубѣ, подпоясанный хорошимъ ремнемъ, съ большимъ кожанымъ, дорожнымъ порт-старъ черезъ плечо на шнурѣ*). Нигдѣ нельзя проѣхать... Въ огнѣ весь городъ... Что это у насъ дѣлается!

Дробадоновъ. Одна вѣдь намъ работа: изъ ничего дѣла творить; а что воистину у людей слыветъ дѣлами (*разводя руками*), то въ смѣхъ, да въ дымъ, да въ пещель обращать.

Колокольцовъ (*уныло*). Да, да... въ губерніи завтра судъ открывается... и насъ съ вами, Фирсъ Григорычъ, первыхъ передають суду.

Князевъ. Чтѣ врешь? за что? съ какого повода?

Колокольцовъ. Доносъ Минутка сдѣлалъ.

Князевъ. Доносъ! Минутка! Гдѣ онъ?

Колокольцовъ. Онъ тамъ остался въ Петербургѣ. Онъ домъ себѣ купилъ въ Подъяческой и кассу суду открылъ съ драгоценными поляками.

Князевъ (*закусываетъ молчи губу*).

Дробадоновъ. Вотъ насъ какими новый судъ засталъ.

Князевъ (*съ тѣвломъ*). Что судъ! Пусть судятъ: міръ это дѣлалъ, а не я.

Колокольцовъ (*обрадованный*). Да; міръ вѣдь цѣлый не осудятъ: его нельзя сослать.

Князевъ. Міръ не судимъ.

Дробадоновъ (*уныло качая головою*). Міръ не судимъ и Фирсъ не судимъ. Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ. (*Князеву*.) Вамъ нѣтъ еще суда, ума и совѣсти народной расточителямъ.

Марина (*въ предсмертныхъ мученіяхъ, воднимается на*

докоть. Дробадоновъ ее поддерживаетъ). Тсс!.. Пчела жуж-
житъ... Господни вѣстникъ смерти... (Строго.) Молчите
все!.. Она меня зоветъ... домой... къ Судьѣ небесному...
отъ васъ, судей ничтожныхъ. (Умираетъ.)

Дробадоновъ. Умерла! (Набѣанъ.)

Голосъ за сценой. Пикнутья церковь запылаея.

Квартальный (солдатамъ). Къ церкви! (Убѣгаетъ со всеми
полицейскими.)

Другой голосъ за сценой. Домъ Фирса Князева горитъ!

Князевъ (возвративъ, мѣщанамъ). Ко мѣ на дворъ!

Одинъ изъ мѣщанъ (указывая на Молчанова и на Ма-
рану). А ихъ телера, Фирсъ Григорыичъ, какъ?

Князевъ (убѣгая). Покинь!

(Голоса, и все мѣщане суетливо убѣгаютъ.)

Дробадоновъ (вслѣдъ Князеву). Покинь! (Вздохнувъ.) Не
лопасть Фирсъ Князевъ мертвечины.

(Занавѣсъ падаетъ.)

Медиа архивы и материалы
История культуры
История искусства
История литературы
История философии
История религии
История науки
История техники
История искусства
История литературы
История философии
История религии
История науки
История техники

XXXVI TOM.

ОТДѢЛЕНІЕ

Общее оглавление

всѣхъ 36-ти томовъ сочиненій Н. С. Лѣскова.

СТР.

Томъ I.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ Р. П. Сементковскаго	5
Соборяне. (Хроника). Часть I	67

Томъ II.

Соборяне. (Хроника). Части II—V.	3
--	---

Томъ III.

Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	70
Одному	70
Пигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырь	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

Томъ IV.

Праведники:	
Несмертельный Голованъ	5
Инженеры-бессребренники	51
Лѣвша	109
Человѣкъ на часахъ	142

Томъ V.

Очарованный страшикъ	5
Шерамуръ	136

Томъ VI.

Обоюдные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	5
---	---

Томъ VII.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III	3
На краю свѣта.	103

Томъ VIII.

Некуда. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Книга первая, гл. I—XXIV.	5
---	---

Томъ IX.

Некуда. Книга первая, гл. XXV и книга вторая, гл. I—VII.	5
--	---

Томъ X.

Некуда. Книга вторая, гл. VIII—XXX	5
--	---

Томъ XI.

Некуда. Книга третья	5
--------------------------------	---

Томъ XII.

Островитяне. Повесть	5
--------------------------------	---

Томъ XIII.

Воптевица. Очеркъ	3
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ	83
Грабежъ	131
Антука. Разсказъ	173

Томъ XIV.

Овцебыкъ. Разсказъ	3
Колыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюденій)	70
Ракушанскій мезамедъ. Разсказъ на бивуакѣ	130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ	187

Томъ XV.

Смѣхъ и горе	5
------------------------	---

Томъ XVI.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:	
Очеркъ первый. Бояринъ Никита Юрьевичъ	3
Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна	30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики	61
Котинъ долецъ и Платонида	86
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ	126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній	148
Пламенная патриотка	157
Безстыдникъ	166

Томъ XVII.

Захудатый родъ. Семейная хроника виззей Протозановыхъ. Въ двухъ частяхъ.	
---	--

Часть первая.—Старая книжка и ее дворъ	5
Часть вторая.—Старое старится—молодое растетъ	117

Томъ XVIII.

Святочные рассказы:	
Предисловіе	5
Жемчужное ожерелье	6
Неразвѣнный рубль	22
Звѣрь	31
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній).	51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ просоніи).	65
Обманъ	91
Штопальщикъ	124
Жидовская кувирколлегія	140
Духъ госпожи Яванлисъ. (Спиритическій случай).	169

Томъ XIX.

Святочные рассказы:	
Старый геій	3
Путешествіе съ нигилистомъ	12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи	20
Пугало	28
Фигура	79
Рассказы кетати:	
Совѣтители	105
Старинные психоматы	138

Томъ XX.

Рассказы кетати:	
Интересные мужчины	3
Таинственныя предвѣстія	61
Александритъ	91
Загадочное пропешествіе въ сумасшедшемъ домѣ	105
Умершее сословіе	119
Заговоръ	132
По поводу Брайцеровою сонаты	165

Томъ XXI.

Рассказы кетати:	
Дама и фелѣла	3
Голосъ природы	17
Сибирскія картины XVIII вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старинны)	56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія сказки)	111
Сомнѣніе во адѣ. (Апокрифическое сказаніе)	146

Томъ XXII.

Некрещеный ноль. Невѣроятное событіе	3
Владычныя суды. Бѣлыя. (Изъ недавнихъ воспоминаній)	55

Извѣстный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній.	111
Продуктъ природы.	134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу	150

Томъ XXIII.

На ножахъ. Романъ въ 6 частяхъ. Часть I и часть II, гл. I—VI.	5
---	---

Томъ XXIV.

На ножахъ. Часть II, гл. VII—XV, и часть III, гл. I—VI.	5
---	---

Томъ XXV.

На ножахъ. Часть III, гл. VII—XIX, и часть IV.	5
--	---

Томъ XXVI.

На ножахъ. Часть V	5
------------------------------	---

Томъ XXVII.

На ножахъ. Часть VI. Эпиграфъ.	5
--	---

Томъ XXVIII.

Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ Н. С. Лескова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу)	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112

Томъ XXIX.

Гора. Египетская новѣсть. (По древнимъ преданіямъ).	3
Новѣсть о богоугодномъ древоколѣ.	91
Прекрасная Аза	96
Скоморохъ Памфалонъ	108
Часть воли Божіей. Сказка.	166

Томъ XXX.

Легенда о совѣтномъ Данилѣ	3
Левъ старца Гераσιма. (Восточная легенда).	21
Аскалонскій злодѣй. (Проникновеніе въ Продовольственную).	29
Сказаніе о Оедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.	88
Невинный Пруденцій. (Легенда).	112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе).	179

Томъ XXXI.

Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній)	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90

Томъ XXXII.

Блуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева)	3
---	---

Томъ XXXIII.

Юдоль. (Раясодія).	3
О квакеряхъ. (Post-scriptumъ къ «Юдоль»).	97

	стр.
Пустоплясы. (Святочный рассказ)	106
Дурачокъ. (Рассказъ)	118
Легендарные характеры. (Опытъ систематическаго обзоренія)	126
Малашья—голова баранья. (Сказка).	196

Томъ XXXIV.

Полунощники. (Пейзажъ и жанръ).	3
Павлинь. (Рассказъ)	105

Томъ XXXV.

Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры)	3
Приложенія:	
Архіерейскіе объезды	139
Епархіальный судъ	157

Томъ XXXVI.

Мелочи архіерейской жизни. Русское тайнобрачіе	3
Импровизаторы. (Картинка съ натуры)	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Алфавитный указатель

сочинений Н. С. Лъскова.

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Александритъ	XX	91	Запечатливный		
Антука	XIII	173	Ангель	III	5
Аскалонскій злодѣй	XXX	29	Захудалый родъ	XVII	5
Безстыдникъ	XVI	166	Звѣрь	XVIII	31
Блуждающіе огоньки	XXXII	3	Зимній день	XXVIII	112
Брамадата и Радованъ	XXX	179	Импровизаторы	XXXVI	47
Бѣлый орелъ	XIV	166	Инженеры - безсребренники	IV	51
Вдохновенные бродяги	XXI	111	Интересные мужчины	XX	3
Владычій судъ	XXII	55	Кадетскій монастырь	III	122
Вонительная	XIII	3	Кольванскій мужъ	XIV	70
Голоеъ природы	XXI	47	Котикъ доплетъ и Платонида	XVI	86
Гора	XXIX	3	Левъ старца Герасима	XXX	21
Грабежъ	XIII	131	Легенда о свѣтломъ Давидѣ	XXX	3
Дама и фефѣза	XXI	3	Легендарные характеры	XXXIII	126
Домашняя челядь	XXII	150	Леди Мабетъ Мпенскагоуѣзда	XIII	83
Дурачокъ	XXXIII	118	Левша	IV	109
Духъ госпожи Жанлисъ	XVIII	169	Маланья - голова баранья	XXXIII	196
Жемчужное ожерелье	XVIII	С	Маленькая ошибка	XIX	20
Жидовская гувьрокленія	XVIII	140	Мелочи архіерейской жизни	XXXV—XXXVI	
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	XX	105			
Загадочный чловѣкъ	XXVIII	3			
Затѣнь	XX	132			

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
На краю свѣта	VII	103	Расточитель	XXXVI	65
На ногахъ	XXIII—XXVII		Русскій демократъ въ Польшѣ	III	158
Певинный Пруденцій	XXX	112	Святочные рассказы	XVIII—XIX	
Покрещенный попъ	XXII	3	Сибирскія картинки XVIII вѣка	XXI	56
Пекуда	VIII—XI		Сказаніе о Феоdorfъ - христианинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ	XXX	88
Неразмытый рубль	XVIII	22	Скоморохъ Памфалонъ	XXIX	108
Несмертельный Голованъ	IV	5	Смѣхъ и горе	XV	5
Обманъ	XVIII	91	Соборане. (Хроуника).	I—II	
Обойденные	VI—VII		Совѣстители	XIX	105
Овцебыкъ	XIV	3	Сшествіе во адъ	XXI	146
Одному	III	76	Старинные психопаты	XIX	138
О квакереяхъ	XXXIII	97	Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ	XVI	3
Островитяне	XII	5	Старый геній	XIX	3
Отборное зерно	XVIII	65	Таинственные предвѣстія	XX	61
Очарованный странникъ	V	3	Томленіе духа	XVI	148
Павлинъ	XXXIV	105	Тупейный художникъ	XVI	126
Печерскіе антики	XXXI	3	Умершее созловіе	XX	119
Пигмей	III	108	Фигура	XIX	79
Пламенная патриотка	XVI	157	Чась воли Божіей	XXIX	166
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ	XXIX	91	Человѣкъ на часахъ	IV	142
Полуошники	XXXIV	3	Чертогонъ	XIV	187
По поводу Крейперовой сова-ты	XX	165	Чоротвы куклы	XXXI	90
Праведники	III—IV		Щерамуръ	V	136
Прекрасная Аза	XXIX	96	Штопальникъ	XVIII	124
Привдѣіе въ Пяжеперномъ замкѣ	XVIII	51	Юдоль	XXXIII	3
Продуктъ природы	XXII	134	Язвительный	XXII	111
Пугало	XIX	28			
Пустолясы	XXXIII	106			
Путешествіе съ ниглестомъ	XIX	12			
Разказы кетати Ракуманскій мѣлачедь	XIX—XXI				
	XIV	130			

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 23 05 12 011 0